

ФИЛОСОФИЯ

ЖУРНАЛ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

2018 — Т. II, № 2

PHILOSOPHY

JOURNAL OF THE HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS

2018 · VOLUME II · № 2

PHILOSOPHY

2018 II (2)

BEFORE AND AFTER REVOLUTION

<https://philosophy.hse.ru/> · philosophy.journal@hse.ru

ISSN: 2587-8719 · REGISTRATION: ЭЛ № ФС 77-68963

ROOM 417A, 21/4 STARAYA BASMANNAYA STR., 105066 MOSCOW, RUSSIA · +7 (495) 7729590 * 12032

EDITORS

Editor-in-Chief: Vladimir Porus (NRU HSE, Moscow)

Deputy Editor: Alexander Marey (NRU HSE, Moscow)

Executive Editor of the Issue: Andrey Teslya (IKBFU, Kaliningrad)

Executive Secretary: Maria Marey (NRU HSE, Moscow)

TeX Typography: Nikola Lečić (NRU HSE, Moscow)

Copy Editor: Ilia Pavlov

Russian Proofreader: Maria Trusova

EDITORIAL BOARD

Olga Alieva (NRU HSE, Moscow) · Natalya Dolgorukova (NRU HSE, Moscow) ·

Diana Gasparyan (NRU HSE, Moscow) · Viktor Gorbatov (NRU HSE, Moscow) ·

Yulia Gorbatova (NRU HSE, Moscow) · Stefan Hessbrüggen (NRU HSE, Moscow) ·

Irina Makarova (NRU HSE, Moscow) · Alexander Mikhailovsky (NRU HSE, Moscow) ·

Sergey Nikolsky (IPH RAS, Moscow) · Alexander Pavlov (NRU HSE Moscow) ·

Petr Rezvykh (NRU HSE, Moscow) · Pavel Sokolov (NRU HSE, Moscow) ·

Maria Shteynman (RSUH, Moscow) · Andrey Teslya (IKBFU, Kaliningrad; PNU, Khabarovsk) ·

Anastasia Ugleva (NRU HSE, Moscow)

INTERNATIONAL ADVISORY BOARD

Zhang Baichun (Beijing Normal University) · Roger Berkowitz (Bard College, New York) ·

José Luis Villacañas Berlanga (Universidad Complutense de Madrid) ·

Claudio Sergio Nun Ingerflom (National University of San Martín, Buenos Aires) ·

Alexander Filippov (NRU HSE, Moscow) · Vladislav Lektorsky (IPH RAS, Moscow) ·

Teresa Obolevich (Pontifical University of John Paul II, Krakow) · Boris Pruzhinin («Voprosy

Filosofii» Journal, Moscow) · Alexey Rutkevich (NRU HSE, Moscow) · Tatiana Schedrina

(MSPU, Moscow) · Tatiana Sidorina (NRU HSE, Moscow)

ФИЛОСОФИЯ

2018 — Т. II, № 2

До и после РЕВОЛЮЦИИ

<https://philosophy.hse.ru/> · philosophy_journal@hse.ru

ISSN: 2587-8719 · РЕГИСТРАЦИЯ: ЭЛ № ФС 77-68963

СТАРАЯ БАСМАННАЯ 21/4, 105066 МОСКВА (КОМ. 417А) · +7 (495) 7729590 * 12032

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Владимир Порус (НИУ ВШЭ, Москва)

Заместитель главного редактора: Александр Марей (НИУ ВШЭ, Москва)

Выпускающий редактор: Андрей Тесля (БФУ им. И. Канта, Калининград)

Ответственный секретарь: Мария Марей (НИУ ВШЭ, Москва)

Технический редактор: Никола Лечич (НИУ ВШЭ, Москва)

Литературный редактор: Илья Павлов

Корректор: Мария Трусова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ольга Алиева (НИУ ВШЭ, Москва) · Диана Гаспарян (НИУ ВШЭ, Москва) ·

Виктор Горбатов (НИУ ВШЭ, Москва) · Юлия Горбатова (НИУ ВШЭ, Москва) ·

Наталья Долгорукова (НИУ ВШЭ, Москва) · Ирина Макарова (НИУ ВШЭ, Москва) ·

Александр Михайловский (НИУ ВШЭ, Москва) · Сергей Никольский (ИФ РАН, Москва) ·

Александр Павлов (НИУ ВШЭ, Москва) · Петр Резвых (НИУ ВШЭ, Москва) ·

Павел Соколов (НИУ ВШЭ, Москва) ·

Андрей Тесля (БФУ им. И. Канта, Калининград; ТОГУ, Хабаровск) ·

Анастасия Углева (НИУ ВШЭ, Москва) · Штефан Хессбрюгген (НИУ ВШЭ, Москва) ·

Мария Штейнман (РГГУ, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хосе-Луис Вильяканьяс Берланга (Университет Комплутенсе, Мадрид) · Чжан Байчунь
(Пекинский педагогический университет) · Тереза Оболевич (Папский университет

Иоанна Павла II, Краков) · Роджер Берковиц (Бард-колледж, Нью-Йорк) ·

Клаудио Серхио Нун Ингерфлом (Национальный университет Сан-Мартин,

Буэнос-Айрес) · Алексей Руткевич (НИУ ВШЭ, Москва) · Александр Филиппов

(НИУ ВШЭ, Москва) · Татьяна Сидорина (НИУ ВШЭ, Москва) · Владислав Лекторский

(ИФ РАН, Москва) · Борис Пружинин (журнал «Вопросы философии», Москва) ·

Татьяна Щедрина (МПГУ, Москва)

CONTENTS

[From the Executive Editor of the Issue] 8

STUDIES

ANDREY IL'IN
Revolyutsiya i reforma: sootnosheniye ponyatiy v pervyye gody Velikikh reform
[Revolution and Reform: Relationship between the Concepts in the Early
Years of the Great Reforms] 13

ALEKSANDR KOTOV
Publitsisty katkovskogo napravleniya protiv levogo radikalizma (vtoraya polovina
1880-kh gg.)
[Publicists of Katkov's Line against the Left Radicalism (Second Half of the
1880s)] 33

KIRILL SOLOV'YEV
Ideya samodержaviya (konets XIX – nachalo XX vv.)
[The Notion of Tsarist Autocracy at the End of Nineteenth – Beginning of
Twentieth Century] 48

LYUBOV' BIBIKOVA
Politicheskaya politsiya kontsa XIX – nachala XX vv. i «revolyutsiya»: igra ponyatiyem
ili real'naya ugroza?
[The Political Police at the Turn of the Twentieth Century and the “Revolution”:
A Game of Concept or the Real Threat?] 70

DZHOVANNI SAVINO [GIOVANNI SAVINO]
Ital'yanskiy marksizm i rossiyskiy sotsializm : A. Labriola, A. Gramsci i filosofsko-
kul'turnyye voprosy revolyutsionnogo dvizheniya (1890–1937)
[Italian Marxism and Russian Socialism : Labriola, Gramsci and Philosophical
and Cultural Questions of Revolutionary Movement (1890–1937)] 99

TRANSLATIONS

FRIDRIKH GOTTLOB BORN [FRIEDRICH GOTTLOB BORN]
Pis'ma k Immanuilu Kantu
[Letters to Kant] 121

ALEKSANDR TSYGANKOV, TEREZA OBOLEVICH
Istoriya sem'i i tvorchestva S. L. Franka v perepiske L. Binsvanger i T. S. Frank
[Semyon L. Frank's Life and Writings in the Correspondence Between Ludwig
Binswanger and Tatyana S. Frank (1951–1953)] 134

LYUDVIG BINSVANGER [LUDWIG BINSWANGER]

Pis'ma k T. S. Frank (1951–1953 gg.)

[Letters to Tatyana Frank]

156

BOOK REVIEWS

ANDREY TESLYA

Russkiy panslavizm: ot kul'turnogo k politicheskomu i obratno : retsenziya na knigu
Borisa Prokudina

[Russian Pan-Slavism: From the Cultural to the Political and Back : A Review
of Boris Prokudin's Book]

177

ALEKSANDR MAREY

Imperiya bez kul'tury? : retsenziya na knigu S. A. Nikol'skogo

[An Empire without Culture? : A Review of S. A. Nikol'skiy's Book]

186

ALEKSANDR PAVLOV [ALEXANDER PAVLOV]

Obrazy sovremennosti v XXI veke: didzhimodernizm : retsenziya na knigu Alana Kirbi
[Images of Modernity in the Twenty-First Century: Digimodernism : A Review
of Alan Kirby's Book]

197

SOF'YA PORFIR'YEVA [SOFIA PORFIRIEVA]

Chto oni delayut v teni? : retsenziya na novuyu knigu Yudzhina Takera

[What Do They Do in the Shadows? : A Review of Eugene Thacker's Book]

213

YURIY SHICHALIN

Zametki o «razmyshleniyakh» D. V. Bugaya

[Notes on D. V. Bugay's "Reflection"]

223

ACADEMICAL LIFE

PAVEL YUSHIN

Mezhdunarodnaya konferentsiya «Ideya zakona v intellektual'noy istorii». Khronika

[International Conference "The Idea of Law in the Intellectual History":
Conference Chronicles]

237

СОДЕРЖАНИЕ

От выпускающего редактора	8
РЕВОЛЮЦИЯ, РЕФОРМА И САМОДЕРЖАВИЕ В РУССКОЙ МЫСЛИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА ИССЛЕДОВАНИЯ	
АНДРЕЙ ИЛЬИН Революция и реформа: соотношение понятий в первые годы Великих реформ	13
АЛЕКСАНДР КОТОВ Публицисты катковского направления против левого радикализма (вторая половина 1880-х гг.)	33
КИРИЛЛ СОЛОВЬЕВ Идея самодержавия (конец XIX – начало XX вв.)	48
ЛЮБОВЬ БИБИКОВА Политическая полиция конца XIX – начала XX вв. и «революция»: игра понятием или реальная угроза?	70
ДЖОВАННИ САВИНО Итальянский марксизм и российский социализм : А. Лабриола, А. Грамши и философско-культурные вопросы революционного движения (1890–1937)	99
АРХИВ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ	
ФРИДРИХ ГОТТЛОБ БОРН Письма к Иммануилу Канту	121
АЛЕКСАНДР ЦЫГАНКОВ, ТЕРЕЗА ОБОЛЕВИЧ История семьи и творчества С. Л. Франка в переписке Л. Бинсвангера и Т. С. Франк	134
ЛЮДВИГ БИНСВАНГЕР Письма к Т. С. Франк (1951–1953 гг.)	156
ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА РЕЦЕНЗИИ	
АНДРЕЙ ТЕСЛЯ Русский панславизм: от культурного к политическому и обратно : рецензия на книгу Бориса Прокудина	177

АЛЕКСАНДР МАРЕЙ	
Империя без культуры? : рецензия на книгу С. А. Никольского	186
АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ	
Образы современности в XXI веке: диджимодернизм : рецензия на книгу Алана Кирби	197
СОФЬЯ ПОРФИРЬЕВА	
Что они делают в тени? : рецензия на новую книгу Юджина Такера	213
ЮРИЙ ШИЧАЛИН	
Заметки о «размышлениях» Д. В. Бугая	223

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ
КОНФЕРЕНЦИИ, КОНГРЕССЫ, СИМПОЗИУМЫ**

ПАВЕЛ ЮШИН	
Международная конференция «Идея закона в интеллектуальной исто- рии». Хроника	237

ОТ ВЫПУСКАЮЩЕГО РЕДАКТОРА

Понятие «революция» на протяжении последних двух столетий претерпело разительные перемены — как и весь комплекс сопряженных с ним концепций и образов. История русской мысли в этом отношении не является исключением, но если в целом европейская история этого комплекса понятий изучена неплохо, то применительно к отечественному материалу мы находимся еще на первых стадиях, где речь идет во многом о сборе первичного материала и анализе конкретных эпизодов и где масштабные обобщения весьма рискованны, хоть и необходимы — являясь по сути частью поиска, а не подведением итогов.

Проблематика данного номера продолжает вопросы, поднятые год назад, в № 2 за 2017 г., где в центре рассмотрения были понятия действия и реакции. Теперь в фокусе внимания — понятия революции и реформы. Открывает номер статья Андрея Ильина, рассматривающая соотношение понятий «революция» и «реформа» в первые годы царствования Александра II. С другого ракурса освещает эту проблематику работа Александра Котова, в которой анализируются основные направления и способы критики левого радикализма со стороны публицистов катковского круга. В статье Кирилла Соловьева предпринимается подробный анализ идеи самодержавия в представлении интеллектуалов и высших бюрократов Российской империи в конце XIX – начале XX вв., то есть в последние годы перед тем, как это понятие сделается предметом напряженной публичной полемики, в особенности в контексте споров о новой редакции Основных законов. Любовь Бибикова со своей стороны анализирует использование в это же время понятия «революция» различными структурами политической полиции Российской империи, а Джованни Савино в широких временных рамках рассматривает влияния и взаимосвязи идей Антонио Лабриолы и Антонио Грамши в российском марксистском движении.

В разделе публикаций представлены переводы писем Фридриха Готтлоба Борна к Иммануилу Канту (пер. и вступ. ст. Анны Винкельман) и первая публикация писем Людвиг Бинсвангера к Татьяне Сергеевне Франк (пер. и вступ. ст. Александра Цыганкова и Терезы Оболевич). Публикация писем Бинсвангера к вдове С. Л. Франка не только содержит массу разнообразной информации об обстоятельствах места и времени, но и проливает свет на историю публикаций текстов Франка — в первую очередь, немецкого текста «Непостижимого».

В разделе рецензий публикуются разборы новых книг по истории русской мысли (Андрей Тесля и Александр Марей), а также отклики на «Дижджимодернизм» Алана Кирби (Александр Павлов) и русский перевод малоизвестного в России американского философа Юджина Такера «В пыли этой планеты» (Софья Порфирьева). Замыкает раздел рецензий ответ Юрия Шичалина на статью Д. Бугая «О новом издании платоновского „Парменида“» (Вопросы философии, 2018, № 3). В хронике научной жизни помещен подготовленный Павлом Юшиным обзор международной конференции «Идея закона в интеллектуальной истории», прошедшей в конце апреля сего года в петербургском кампусе НИУ ВШЭ.

Андрей Тесля

РЕВОЛЮЦИЯ, РЕФОРМА
И САМОДЕРЖАВИЕ
В РУССКОЙ МЫСЛИ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

STUDIES

АНДРЕЙ ИЛЬИН*

РЕВОЛЮЦИЯ И РЕФОРМА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ**

Аннотация: В статье рассматривается место понятий «революция» и «реформа» в политическом дискурсе на начальном этапе Великих реформ Александра II. Понятие «революция» существовало в России с конца XVIII в. и нередко служило негативным сценарием, угроза реализации которого была действенным аргументом против тех или иных мер или решений. В статье показано, что в начале правления Александра II ситуация несколько изменилась. Угроза революции теперь использовалась, чтобы оправдать реформу. На возможность революции ссылались представители власти, а также общественные деятели, которые стремились повлиять на правительство. «Реформа», как признавалось многими, имела с «революцией» общие цели, поэтому она нередко представлялась совершением революции другими средствами. В результате в начале правления Александра II реформа и революция, многими воспринимавшиеся как противоположности, определенным образом сблизились. Крайним проявлением этой тенденции стала концепция «революции сверху», которую развивали в основном левые общественные деятели, такие как А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Она предполагала, что преобразования, осуществляемые властью, должны носить «революционный», коренной характер, проводиться в интересах простого народа и при его участии. Однако это положение дел сохранялось лишь на протяжении относительно короткого промежутка времени. В заключении статьи делается вывод, что семантические эксперименты и сближения противоположностей в начале эпохи Великих реформ были связаны с неясностью статуса правительства в новых условиях и неустоявшейся системой общественных связей. На протяжении 1860-х гг. оппозиция «революция» и «реформы» делалась все более явной, концепция «революции сверху» была оставлена левыми авторами. «Революция» и «реформа» стали инструментами политической демаркации между революционным движением и либеральными сторонниками правительства. Хотя «революция» утратила свою прежнюю роль, ее присутствие в публичной дискуссии как минимум в виде негативного сценария было окончательно легитимировано.

Ключевые слова: революция, реформа, Великие реформы, Герцен, Александр II.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-13-32.

«Революция» и «реформа» — близкие понятия. В разное время и в разных контекстах ситуация могла быть различной, но, тем не менее, можно сказать, что они оба связаны с быстрыми и при этом глубокими изменениями в политике или в социальной сфере, которые служат историческому прогрессу. Вместе с тем революция и реформа часто

*Ильин Андрей Александрович, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), andrew.a.ilyin@gmail.com.

**© Ильин, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

противопоставляются друг другу. Опыт французской революции привел к тому, что понятие «революция» начало ассоциироваться с насилием и нарушениями закона. Оно во многом сохранило свою важность для левого движения, тогда как либеральная идеология все больше ассоциировалась с альтернативной «революции» концепцией — «реформой», которая предполагала проведение правительством необходимых прогрессивных изменений мирными и легальными средствами.

На немецком (Бульст и др., 2014: 667–677) и на английском (Hindess, 2005: 302–303) материале исследователями было показано, как на протяжении XIX в. концепт «революция» постепенно исчезал из либерального языка¹. В нем «революциями» все чаще назывались негативно оцениваемые события прошлого, в будущем же противники насильственных переворотов предпочитали видеть «эволюцию» и «реформу». Развитие в XIX в. альтернативных представлений о политических и социальных изменениях привело к тому, что сторонников революций критиковали не только их явные противники — консерваторы, которые придерживались обычно довольно традиционных представлений о политике и истории. Революционаризм вызывал также недовольство тех, кто частично разделял веру революционеров в ценность прогресса.

В центре внимания настоящей статьи находится история понятий «революция» и «реформа» в первые годы царствования Александра II, на которые пришелся ряд значимых перемен в русском политическом языке. При рассмотрении этого периода особое внимание уделяется дебатам различных авторов и столкновениям разных политических и интеллектуальных направлений, которые вели к концептуальным изменениям. Эта исследовательская перспектива методологически более близка к Кембриджской школе интеллектуальной истории, чем к немецкой *Begriffsgeschichte* (истории понятий). С Кембриджской школой это исследование сближает и внимание к деталям полемики, происходившей вокруг «революции» и «реформы». Оно помогает увидеть в этих понятиях не только средства описания действительности, но также инструменты действия, которые позволяли оправдывать определенные меры и решения, а также прогнозировать, предупреждать и угрожать².

¹См. также: Koselleck, 1967; 2004. Фундаментальное исследование Козеллека «Пруссия между реформой и революцией» во многом дополняет его работы по истории понятия, показывая реформу с точки зрения социальной истории. Козеллек представляет ее как множество административных по своей природе нововведений и инициатив, влиявших на государственный строй и социальную структуру королевства.

²См.: Skinner, 2002: 167–169.

Основой источниковой базы работы являются материалы периодической печати эпохи Великих реформ и предшествующего ей периода, при помощи которых возможно реконструировать основные моменты дебатов, принципиально важных для истории исследуемых понятий. Также были привлечены дневники и письма, в которых синхронно фиксировались изменения в значении и прагматике использования релевантных для настоящего исследования выражений. Помимо этого, в работе используются отчеты и служебные записки.

Понятие «революция» оформилось в России в конце XVIII в. и на протяжении следующего столетия воспринималось чаще всего в негативном свете (Виноградов, 1999: 248–251; Одесский и Фельдман, 2012: 180–189). Власти опасались того, что события, подобные французским, могут произойти в России, и поэтому стремились не допустить, чтобы в империи возникли свои собственные революционные тенденции.

На протяжении первой половины XIX в. ссылки на угрозу революции нередко использовались в качестве аргумента против тех или иных институтов, правительственных мер или социально-политических явлений. Так, А. Н. Голицын в 1824 г. был обвинен архимандритом Фотием в фактической подготовке революции и смещен с поста министра духовных дел и народного просвещения. Фотий писал Александру I, что по попустительству министра православие пришло в упадок, а вместо него в России распространяется вера «в грядущего Антихриста, двигающая революцией, жаждущая кровопролития, исполненная духа сатанина» (цит. по: Флоровский, 2009: 200). Архимандрит предсказывал, что если ничего не будет сделано, революция разразится в 1836 г. (Фотий, 1896). Менее удачлив был Ф. В. Булгарин, который, находясь в конфликте с «Отечественными записками», попытался добиться жестких мер против журнала, обвинив его в революционной пропаганде. Он писал Л. В. Дубельту, что издатель «Отечественных записок» А. А. Краевский в «подарок Наследнику» хочет тайно «приготовить целое поколение к революции» своим мнимо благонадежным изданием (Булгарин, 1998: 498).

Однако следует отметить, что революция в то время не всегда представлялась безусловным и очевидным злом. Например, русская калька «революции» — «переворот» — в первой половине XIX в. стала употребительным обозначением для любых более-менее значительных изменений в жизни конкретного человека, в обществе или в государстве (Виноградов, 1999: 450). Хотя это слово гораздо реже, чем отчетливо

иностранная «революция», обнаруживало опасные для властей коннотации, его значение, тем не менее, очевидно имело связь с европейскими революционными событиями.

Кроме того, сами Романовы своей решительной политикой и склонностью к радикальным преобразованиям, которую демонстрировали некоторые представители этой династии, нередко напоминали современникам революционеров. Как заметил в 1834 г. Пушкин в разговоре с великим князем Михаилом Павловичем, «все Романовы революционеры и уравниатели» (Пушкин, 1962: 339). Образ революционера на троне был не просто приемлемым и дозволенным, он также мог обладать определенной привлекательностью, ведь сильная и независимая власть нередко представлялась залогом того, что необходимые стране прогрессивные преобразования воплотятся в жизнь, преодолев инертность и консерватизм подданных³.

Новый толчок размышлениям о реформе и революции был дан с началом царствования Александра II (Власть и реформы, 2006: 260–312). Тогда риторика прогресса была реабилитирована и взята на вооружение правительством. Якобы сам Александр II не любил этого слова и даже на докладе министра финансов П. Ф. Брока рядом с выражением «прогресс гражданственности» сделал пометку: «Что за прогресс!!! прощу слова етого [sic!] не употреблять в официальных бумагах» (Письмо к редактору, 1858: 206). Тем не менее, сама идея активно использовалась; власти декларировали прогресс как одну из главных целей политики, для достижения которой требовалось проведение реформ.

Тридцатого марта 1856 г. Александр II произнес речь перед представителями московского дворянства, в которой он говорил о враждебных чувствах между крестьянами и помещиками и случаях неподчинения крестьян. Император заявил, что крепостное право должно измениться, еще не упоминая о необходимости его отмены. Это выступление завершилось известными словами: «гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу» (Речь Александра II, 1916: 393). Таким образом, он противопоставил насильственные попытки изменения, исходящие «снизу», то есть революцию, мирным преобразованиям, которые проводятся правительством, — реформе.

С одной стороны, говоривший о пагубности революций Александр продолжал старую традицию. С другой — в его словах была скрыта важная новация. Революция представлялась ему не просто антиподом

³См.: Захарова, 1984: 34; Литвак, 1991: 281.

реформы, но ее стимулом и движителем. Признаки надвигающейся революции должны были не напугать правительство и заставить его перейти к охранительной политике, но, напротив, скорее стимулировать его проводить те преобразования, на необходимость указывала революция. Таким образом, за причинами и/или целями революции признавалась некоторая легитимность, которая связывала ее с реформой.

Сам император словами о возможной угрозе революции сильно поднял ставки. Теперь все правительственные меры проводились не ради конкретных и не всегда значительных улучшений; действия властей приобретали эпический размах: правительство реформировало, чтобы избежать кровавой революции и невиданных потрясений. Торговля страхами не была исключительной прерогативой властей: подобная аргументация была подхвачена в публичной сфере. Из инструмента для усиления позиции правительства она стала способом давления на него.

Призывы к властям провести «реформу», чтоб предотвратить «революцию», получили некоторое распространение в те годы.⁴ В лондонских изданиях А. И. Герцена и Н. П. Огарева — прежде всего, в их газете «Колокол» — можно обнаружить рассуждения о том, что в России возможны потрясения и насилие, если власти не осуществят определенную, социалистическую по своей сути программу преобразований. В одном из адресов к императору, помещенных в «Колоколе», говорилось: «Державным словом В[ашего]. И[мператорского]. В[еличества]. об освобождении крестьян Россия пробуждена к новой жизни. Это поворот в истории нашего отечества. Ему предстояло два пути развития: один — мирный и правомерный; другой — путь насилий, борьбы и печальных последствий» (Адрес Государю, 1860: 496)⁵.

Либерал К. Д. Кавелин писал своему товарищу Б. Н. Чичерину: «Вы, я, все мы без исключения убеждены в том, что если правительство не проведет реформы мерами административными, то она совершится путем революции» (Чичерин, 2010: 398). Эта идея была столь важна для Кавелина, что он мог говорить о ней даже с членами императорской фамилии. В дневнике он записал свой разговор с императрицей Марией Александровной, которая пригласила его на место учителя для наследника. Мария Александровна, среди прочего, спрашивала его

⁴См.: Китаев, 1972.

⁵Сходные примеры см.: Реформа сверху или реформа снизу?, 1858: 225–231; Проект князя Гагарина, 1859: 285–287; Адрес, 1926: 36–38.

о политических взглядах, на что «с большим жаром, с большою откровенностью» профессор ответил, что одним из главных его убеждений является то, что революция неминуема и совершенно оправдана, если правительство не проводит реформу (Кавелин, 1898: 1175).

Этой же теме было посвящено стихотворение В. Р. Зотова «Шарманка» (1856 г.)⁶. В нем говорилось о Николае I, старике-шарманщике, который играл тридцать лет, постоянно откладывая починку износившегося инструмента. В итоге обязанность отремонтировать шарманку легла на сына, унаследовавшего ремесло отца. Автор, обращаясь к молодому шарманщику, Александру II, просил его быстрее починить инструмент, пока тот не порвался:

Ведь починка труд большой,
А на век мой станет!
Да и внутрь шарманки той
Вряд ли кто заглянет!
Так шарманщик рассуждал —
Видно, что дубина;
И шарманку ту звалили
Он на плечи сына.
Сын справляет день и ночь
Старую работу,
Хоть вертеть ему невзможь
Да и не в охоту,

В том труде не быть пути,
Так и жди — порвется,
И уж как ты ни верти,
А чинить придется.
Благо есть теперь досуг,
Взяться бы за разум,
Хуже будет, если вдруг
Распадется разом,
Если ты под звук заснешь
Льстивого напева,
Иль, забывшись, повернешь
Справа да налево.

(Зотов, 1857: 42)

Хотя разница двух концептов была, на первый взгляд, очевидной и у каждого из них была определенная роль в политическом дискурсе того времени, ситуация была далека от однозначности. «Революция» и «реформа», как уже говорилось, изначально имели довольно близкое значение. Кроме того, в эпоху Александра II большее, чем прежде, распространение получила традиция видеть в императоре революционера на троне. Реформы часто назывались «переворотами»: этим говорящий мог подчеркивать глубину и важность осуществляющихся преобразований, а также смелость и решительность царя и его приближенных. Слово «переворот» применительно к реформам правительства встречалось даже в документах, поданных императору⁷.

⁶Стихотворение долгое время ошибочно приписывалось Н. А. Некрасову.

⁷Записка без подписи о борьбе с революционным движением России и о необходимости созыва «совещательного собрания государственных гласных». ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 639.

Особенно далеко зашли левые авторы, которые делали многое, чтобы еще больше размыть границу «революции» и «реформы». Они разделяли веру в то, что альтернативой мирным правительственным преобразованиям являются восстания и насильственные перевороты. Однако они зачастую предпочитали называть правительственные меры «революцией», а не «реформой». Так, редакторы «Колокола», одного из главных изданий этого направления, стремились подчеркнуть «революционную» скорость и глубину преобразований, к которым они призывали. Утверждая, что в России должна произойти именно «самодержавная революция» (Герцен, 1958а: 216), а не чисто правительственная реформа, они противопоставляли ее неким недостаточным, половинчатым переменам. Герцен предостерегал правительство от изменений одних только государственных учреждений, «фасада» империи. По его мнению, преобразования должны были затронуть все общество, что означало вовлечение в них простого народа (Герцен, 1958с: 240).

Полноценное компаративное исследование не входит в задачи настоящей статьи, но нельзя не указать на то, что Герцен и его сотрудники, по всей видимости, были осведомлены о сходных идеях П.-Ж. Прудона и его последователей, считавших Наполеона III потенциальным революционером на троне (Proudhon, 1852). Так же о мирной «революции» через законотворчество говорили прудонисты, надевшиеся, что необходимые меры по обустройству быта крестьян и рабочих будут приняты через палату депутатов (Weill, 1924: 125).

В России, как и во Франции, существовала некоторая почва для развития подобных идей. После объявления о новом реформаторском курсе в 1857 г. правительство искало поддержки, поэтому некоторые ранние инициативы представителей левого направления общественной мысли были восприняты достаточно благосклонно. Издания Герцена имели некоторый вес при дворе, в обществе и в редакционных комиссиях, готовивших отмену крепостного права⁸. Также примечателен тот факт, что Александр II одобрительно отнесся к довольно рискованному проекту крестьянской реформы, который в 1858 г. ему подал будущий

⁸Е. А. Штакеншнейдер записала в своем дневнике в 1857 г.: «Искандер теперь властитель наших дум, предмет разговоров. [...] Колокол прячут, но читают все; говорят, и государь читает. Корреспонденции получает Герцен отовсюду, из всех министерств и, говорят, даже из дворцов. Его боятся, им восхищаются» (Штакеншнейдер, 1934: 160). В Редакционной комиссии по указанию В. Я. Ростовцева «Колокол» использовался для справок (Семенов, 1889: 114).

политический эмигрант, А. А. Серно-Соловьевич⁹. Все это порождало определенные ожидания в левой среде.

Постепенно приобретала поддержку точка зрения, что император должен стать «народным», «земским» царем, демократическим лидером, который разрушит сословные перегородки и бюрократическое средостенье, отделяющее его от «народа» (Огарев, 1858: 91–98). Следуя за установившейся в России традицией, Герцен и Огарев сравнивали царя с революционерами и народными вождями прошлого, причем, как кажется, они шли куда дальше, чем это было принято. Это вызывало негативную реакцию среди консервативно настроенных сторонников правительства. Например, цензор Н. В. Елагин посвятил специальный разбор сравнения Александра II и его предшественников с революционерами в изданиях «Вольной русской типографии». Елагин считал это попыткой навязать императорской власти, отличавшейся всегда «государственной мудростью», несвойственную ей роль демократического ниспровергателя устоявшегося порядка (Елагин, 1859: 247).

Существующая оппозиция «реформа или революция» была переформирована: мирная революция, проведенная царем, ставшим народным трибуном, — или кровавый переворот, если царь и правительство не решатся на необходимые меры. М. А. Бакунин замечал: «Итак, не в том вопрос, будет ли или не будет революция, а в том: будет ли исход ее мирный или кровавый?» (Бакунин, 1920: 79).

Сближение «реформы» и «революции» создавало несколько проблем, которые нуждались в решении. Во-первых, «революция» в политической риторике использовалось часто в крайне негативном контексте. Во-вторых, не все были согласны с тем, что это понятие вообще подходит для описания прошлого или будущего России, сильно отличавшейся от Франции и других стран, где имели место соответствующие события. Чтобы оправдать применение к российским реалиям слова и понятия «революция», а также показать, что у них есть своя положительная сторона, Герцен написал статью под названием «Революция в России». В ней он доказывал, что «революция» не всегда обозначает

⁹После того, как Серно-Соловьевич, подкараулив государя в Царскосельском парке, передал ему свою рукопись, его вызвали к графу А. Ф. Орлову, бывшему начальнику Третьего отделения. Тот обратился к пришедшему со словами: «Мальчишка, знаешь ли, что сделал бы с тобой покойный государь, Николай Павлович, если бы ты осмелился подать ему записку? Он упрятал бы тебя туда, где не нашли бы костей твоих. [...] А государь Александр Николаевич добр, потому что приказал тебя поцеловать. Целуй меня» (Лемке, 1908: 43–44).

насильственные преобразования, и поэтому этого слова и обозначаемых им событий не стоит бояться:

Мы так привыкли видеть с 1789, что все перевороты делаются взрывами, восстаниями, что каждая уступка вырывается силой, что каждый шаг вперед берется с боя, — что невольно ищем, когда речь идет о перевороте, площадь, баррикады, кровь, топор палача. Без сомнения, восстание, открытая борьба — одно из самых могущественных средств революций, но отнюдь не единственное (Герцен, 1958d: 21).

Важной чертой «революции», которую оправдывали лондонские издатели, было то, что она являлась действительно демократическим событием. Говоря о ней, они имели в виду, что она должна стать плодом сотрудничества «народа» и правительства. В их работах выразилась мысль, что преобразования требуют гражданского участия представителей всех сословий, включая бывших крепостных. Эта идея в целом была характерна для дискурса Великих реформ (Viise, 2000: 555), но в работах лондонских издателей она была доведена до логического предела.

Этот дискурс, впрочем, никогда не был унифицированным. Используя слово и понятие «реформа» подчас предполагали исключительную роль правительства, а сама «реформа» представлялась им даром, который переходит от властей к пассивным подданным-реципиентам, тем самым подчеркивая неравенство и обязанное положение последних¹⁰. Так ее характеризовал один из оппонентов Герцена, Кавказский епископ Игнатий (Брянчанинов) в феврале 1860 г. Игнатий подчеркивал, что реформа является даром царя народу, единственной реакцией на который может быть благодарность.

Радикалы, считал Игнатий, стремились сделать преобразования совместным предприятием, влиять на власти, тем самым став активными участниками реформы. Они также пытались втянуть в это низшие сословия, на которые воздействовали при помощи пропаганды. Епископ писал:

Окончим эти печальные замечания искренним сердечным желанием, чтоб крестьянский вопрос решился благополучно к радости и счастью народа и Царя, без беспорядков, без потрясений Государственных, чтоб звон заграничного яacobинского колокола и других яacobинских колоколов и колокольчиков не возмутил спокойствия народного, чтоб свобода помещичьих крестьян была для них и всей России даром Царя, а не следствием замыслов, планов, возгласов яacobинских (Игнатий, 1913: 207).

¹⁰См.: Уортман, Житомирская, 2004: 103–112.

Одним из наиболее ярких выразителей идеи реформы как дара стал историк М. П. Погодин, написавший ряд статей в преддверии объявления манифеста (Барсуков, 1904: 37–38). В них он обращался к крестьянам на нарочито простом, «народном» языке. Целью Погодина было предотвратить возможные эксцессы и беспорядки в момент обнародования условий реформы. Для этого он напоминал читателям, что реформа является даром монарха, за который они должны быть благодарны:

Русские люди! Русские люди! На колени! Молитесь Богу, благодарите Бога за это высокое, несравненное счастье, всем нам ниспосылаемое, за это беспримерное в летописях ощущение, которое всех нас ожидает, за эту великолепную страницу, которою украшается отечественная история! (Погодин, 1861: 1–2)

Погодин рисовал картину одного из грядущих воскресений, когда будет объявлен манифест. Крестьяне наденут праздничные синие кафтаны, пригладят волосы квасом и вместе с женами и детьми пойдут в церковь, где причастятся святыми дарами и получают волю. Изображенная Погодиным картина граничила с ересью, так как хлеб и вино в этот раз, по его словам, должны будут превратиться не в плоть и кровь Христову, а в плоть и кровь Александра Николаевича, которой причастятся его подданные: «О! по какому низкому, сердечному поклону положут все они в землю одним духом, когда диакон, выходя со святыми дарами, произнесет: Благочестивейшего, Самодержавнейшего, Великого Государя Александра Николаевича» (там же: 13).

Религиозные образы в текстах Погодина были довольно типичны для своего времени. Также довольно популярным было сравнение отмены крепостного права с Пасхой, искуплением прошлого греха (Раренго, 1991). Несмотря на это, патетический тон статей Погодина вызвал осторожную критику в легальной прессе. Один из журналистов заметил, что «от великого до смешного один шаг» (Русский инвалид, 1861а: 205). Герцен отозвался гораздо более резко, назвав статьи Погодина «детским бредом». Он не был согласен с предложенной Погодиным картиной благодарного Богу, царю и помещикам народа. Относительное спокойствие крестьян он объяснял терпением, а не благодарностью:

После вековых страданий, — страданий, превзошедших всю меру человеческого долготерпения, занялась заря крестьянской свободы. Путаясь перевязанными ногами, ринулась вперед, насколько веревка позволяла, наша литература; нашлись помещики, нашлись чиновники, отдавшиеся всем телом и духом великому делу; тысячи и тысячи людей ожидали с трепетом сердца

появления указа: нашлись люди, которые, как М. П. Погодин, принесли наибольшую жертву, которую человек может принести, — пожертвовали здравым смыслом и до того обрадовались манифесту, что стали писать детский бред (Герцен, 1958b: 135–136).

В прессе в момент обнародования манифеста действительно была заметна позиция, сходная с погодинской. Объявленное освобождение крестьян описывалось как «милость» царя, на которую народ ответил благодарностью и молитвой (Русский инвалид, 1861b: 214). Фельетонист «Русского инвалида» напоминал читателю, комментируя реакцию петербуржцев на появление манифеста и положений о крестьянах, что «Власть создала русскую землю», и что Россия должна быть и впредь «достойна попечения» монарха (Русский инвалид, 1861c: 229).

За даром царя, сделавшим крестьян должниками, ожидаемо последовали ответные подарки, которые, конечно, не могли полностью вернуть символический долг и скорее подчеркивали его. Так, депутаты от московских фабричных и заводских временнообязанных обратились к Александру в мае 1861 г. во время его визита в Москву с речью, которая вскоре была опубликована: «ОТЕЦ ОСВОБОДИТЕЛЬ! Благодарим Тебя, Государь, за великие твои милости, за дарованную нам Тобою свободу. Денно и ночью молим мы за Тебя, молят наши жены и дети, и будут молить внуки и правнуки». Они поднесли ему хлеб-соль, серебряные солонки, а также позолоченное серебряное блюдо. Оно имело около аршина (71 см) в диаметре и было украшено чеканными орнаментами. Надпись на нем гласила: «Царю-освободителю Александру II» (Русский инвалид, 1861d: 473). Из других инициатив подобного рода можно привести также сбор средств на постройку в Москве церкви в честь Александра Невского (Погодин, 1861: 50–77).

В целом, однако, ситуация была далеко не такой благополучной, как могло показаться. После 19 февраля 1861 г. в России происходили события, которые, как считали некоторые, приближали страну к революции. Весной 1861 г. в ряде губерний произошли крестьянские волнения (самым известным стало восстание в селе Бездна Казанской губернии); осенью 1861 г. в Москве и Петербурге начались беспорядки среди учащейся молодежи. В дворянской среде быстро развивался конституционализм; правительство также было озабочено тем, какое широкое распространение получили революционные прокламации. Главноуправляющий Третьим отделением Собственной Е. И. В. канцелярии В. А. Долгоруков в поданном в 1862 г. отчете за истекший год писал,

что вышеперечисленные выступления могут свидетельствовать о «зрелости России к политическому перевороту». Все они рассматривались Долгоруковым как потенциальные причины для революции, о начале которой, тем не менее, по его мнению, говорить было еще рано (Россия под надзором, 2002: 550–562).

Сам Александр II также видел в происходящем первые шаги революции, которые, как он полагал, требуют решительного и жесткого ответа правительства (Громова, 1994: 103). Предложенная им в 1857 г. формула, как представляется, после 1861 г. все больше утрачивала свое значение. Реформа все реже изображалась продолжением революции другими средствами. О перспективе революции чаще заговаривали для оправдания консервативных мер, а не дальнейших реформ.

Так как граница между революцией и реформой была уже довольно размытой, возникала потребность артикулировать разницу между двумя понятиями. С началом 1860-х гг. стали особенно частыми предостережения от «ультрапрогрессизма» и уточнения, что поддерживать стоит не всякое стремление к прогрессу, но только «истинный прогресс» (Никитенко, 1955: 76) и «разумно либеральное направление» (Нынешнее состояние..., 1868: 46).

Характерный пример содержится в объявлении, рекламирующем иллюстрированный ежегодник «Северное сияние». Его издатель В. Е. Генкель указывал, что за подписку полагается подарок, — частый ход издателей того времени, — гравюра большого формата авторства А. Е. Бейдемана. Она была посвящена отмене крепостного права и другим событиям начала царствования Александра II. На гравюре, отличавшейся сложной и многоуровневой композицией, были изображены представители разных сословий и жители различных областей империи. Над ними на мраморном пьедестале, украшенном гербами, стояла «благословляющая Россия», красивая женщина в традиционном русском наряде. За ней был помещен молодой русский крестьянин со знаменем в руках. У пьедестала был виден камень с надписью «Император Александр II, 19 февраля 1861 года, 23 миллиона русского народа освободил от крепостного состояния». Под камнем во мраке виднелись символы уничтожения рабства: сломанное ярмо, хомут, цепи, веревки и т. д. Рядом с ними Бейдеман изобразил в напоминание о победе над Шамилем летящее в бездну оружие горцев, а также атрибуты уничтожения винного откупа. На заднем плане были помещены символизировавшие эпоху модерна корабли, паровозы и фабрики, с которыми соседствовали

православные храмы. Над всем этим виднелась радуга и парил белый голубь с оливковой ветвью.

Генкель писал, что главными предметами, изображенными на гравюре, являются «свобода, равенство и братство», которые Александр II в ходе реформ даровал своим подданным. Издатель, однако, предостерегал от неверного толкования этих слов, которые, по его убеждению, не обладали «тем значением, которое придавали им французы в своих революциях». Вместо этого он предлагал их понимать «как мы, русские, их, понимаем, в смысле настоящем, мирном, христианском» (С.-Петербургские ведомости, 1862: 975).

Сравнение реформы с «революцией» или «переворотом» делалось рутинным и потому могло вызывать иронию. Следующую эпиграмму об отставке сенатора В. А. Цеэ В. П. Боткин сообщил И. С. Тургеневу в своем письме 1863 г.:

Еще переворот! Цензура при конце!
Отсечена глава у сей великой дуры:
Уволен от нее Сенатор мудрый Це
И стала уж она ензурой из цензуры.

(Боткин, 1930: 179)

Также постепенно утратила популярность сближавшая революцию и реформу концепция «революции сверху». Консервативный курс правительства, обозначившийся после польского восстания в 1863 г. и усилившийся с покушением Д. В. Каракозова на царя в 1866 г., сделал очевидным, что адресат не склонен принять предложенное. Не вполне когерентная левой традиции и бесполезная в тот момент «революция сверху» на время была оставлена, чтобы снова появиться в российском общественном дискурсе лишь спустя 50 лет. В радикальной среде распространялось убеждение, что невозможно действовать в союзе с правительством и помогать осуществлению «мишурно-либеральных реформешек или нововвведенщиц»¹¹. Революция из предложения снова становилась угрозой властям. Время семантических экспериментов и сближений закончилось, «революция» укрепилась в статусе антонима «реформы», подчеркивавшего различие между лояльными властям либералами и радикалами-революционерами.

¹¹Выражение С. Г. Нечаева (Народная расправа, 1869: 4).

«Революция» на протяжении первой половины XIX в. была полузапретным понятием. Власть в России, что было очевидно для некоторых современников, имела некоторые «революционные» черты, так как она нередко претворяла в жизнь радикальные и бескомпромиссные решения; но, несмотря на это, из-за ассоциаций с Великой Французской революцией обсуждение перспектив революции в России не поощрялось правительством. Ситуация во многом изменилась с наступлением эпохи реформ.

На начальном этапе реформ Александра II представители различных политических направлений искали подходящие дискурсы для описания происходящих изменений, а также для оправдания своих собственных программ. Значительную роль в этом процессе играла существовавшая оппозиция «революции» и «реформы». Важным ее свойством было то, что революция считалась не только противоположностью реформы: признавалось, что у революции и реформы общие цели, и потому первая является стимулом для второй.

Все это сделало революцию чем-то большим, чем просто устрашающим негативным сценарием, которым она была раньше. «Реформа» и «революция» сближались, что легитимировало не только первое понятие, но и второе. Особенно далеко в сближении этих концептов пошли левые участники дискуссии, которые создали концепцию революции сверху — мирных изменений, производимых властью и носящих коренный и демократический характер. Спустя несколько лет разочарование в способности правительства возглавить подобную революцию привело к отказу от этой концепции. Вместе с этим представители власти и умеренная часть общественности перестали видеть в реформе альтернативу революции, объединенную с ней близкими целями. «Реформа» становилась все более самостоятельным понятием, не нуждавшимся в отсылках к «революции».

Однако произошедшее не означало полного возврата к прежнему положению вещей. С одной стороны, в стране возникло и окрепло революционное движение, что создавало новое пространство для дальнейшего развития соответствующего понятия. С другой стороны, сам факт публичной дискуссии сделал «революцию» — пусть в виде негативной альтернативы. Тем самым он помог «революции» закрепиться в качестве легитимного элемента политического языка.

СОКРАЩЕНИЯ

ГАРФ Государственный архив Российской Федерации.

ИСТОЧНИКИ

- Адрес // Прокламации шестидесятых годов. — М. : Московский рабочий, 1926. — С. 36–38.
- Адрес Государю // Колокол. — 1860. — № 60. — С. 495–496.
- Бакунин М. А.* Народное дело // Избранные сочинения : в 5 т. Т. 3. — Петроград, М. : Голос труда, 1920. — С. 75–91.
- Боткин В. П.* Письмо И. С. Тургеневу 6 июня 1863 г. // В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851–1869. — М. : Academia, 1930. — С. 175–179.
- Булгарин Ф. В.* Социализм, коммунизм и пантеизм в России, в последнее 25-летие // Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / под ред. А. И. Рейтблата. — М. : Новое литературное обозрение, 1998. — С. 490–499.
- Герцен А. И.* 1860 год // Собрание сочинений. В 30 т. Т. 14. — М. : Издательство АН СССР, 1958a. — С. 214–225.
- Герцен А. И.* Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ // Собрание сочинений. В 30 т. Т. 15. — М. : Издательство АН СССР, 1958b. — С. 133–138.
- Герцен А. И.* От редакции // Собрание сочинений. В 30 т. Т. 14. — М. : Издательство АН СССР, 1958c. — С. 238–244.
- Герцен А. И.* Революция в России // Собрание сочинений. В 30 т. Т. 13. — М. : Издательство АН СССР, 1958d. — С. 21–29.
- [*Елагин Н. В.*] Искандер Герцен. — Берлин : Типография Карла Шультце, 1859.
- Зотов В. Р.* Шарманка // Колокол. — 1857. — № 5. — С. 42.
- Игнатий [Брянчанинов].* Замечания на отзыв журнала «Колокол» к Кавказскому Епископу Игнатию // Богословский вестник. — 1913. — № 2.
- Кавелин К. Д.* Из дневника // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2 / под ред. В. Д. Спасовича. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1898.
- Народная расправа. — 1869.
- Никитенко А. В.* Дневник : в 3 т. Т. 2 / под ред. И. Я. Айзенштока. — М. : Государственное издательство художественной литературы, 1955.
- Нынешнее состояние России и заграничные русские деятели. — 2-е изд. — Берлин : Behr's Buchhandlung (E. Vock.), 1868.
- Огарев Н. П.* Русские вопросы. Преобразование чиновничества // Колокол. — 1858. — № 12. — С. 91–98.
- Письмо к редактору // Колокол. — 1858. — № 25. — С. 201–208.
- Погодин М. П.* Красное яичко для крестьян от М. Погодина. — СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1861.
- Проект князя Гагарина // Колокол. — 1859. — № 35. — С. 285–287.

- Пушкин А. С.* Дневник 1833–1835 гг. // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7. — М. : Государственное издательство художественной литературы, 1962. — С. 312–342.
- Реформа сверху или реформа снизу? // Колокол. — 1858. — № 28. — С. 225–231.
- Речь Александра II, произнесенная им 30 марта 1856 г. перед Московским губернским и уездным предводителями дворянства // Голос минувшего. — 1916. — № 5/6. — С. 393.
- Россия под надзором : отчеты III отделения (1827–1869) / сост. М. В. Сидоровой, Е. И. Щербаковой. — М. : Российский Фонд культуры и др., 2002.
- Русский инвалид. — 1861a. — № 51.
- Русский инвалид. — 1861b. — № 53.
- Русский инвалид. — 1861c. — № 57.
- Русский инвалид. — 1861d. — № 116.
- С.-Петербургские ведомости. — 1862. — № 229.
- Чичерин Б. Н.* Воспоминания. В 2 т. Т. 1. Москва сороковых годов. Путешествие за границу. — М. : Издательство им. Сабашниковых, 2010.
- Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки. — М. : Academia, 1934.
- Proudhon P.-J.* La révolution sociale démontrée par le coup d'état du 2 décembre. — Paris : Garnier frères, 1852.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22 т. Т. 18. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1904.
- Виноградов В. В.* История слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 1999.
- Власть и реформы : от самодержавной к Советской России / под ред. Б. В. Ананьич. — М. : ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006.
- Громов Л. П.* А. И. Герцен и русская журналистика его времени. — СПб. : Издательство СПбГУ, 1994.
- Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. — М. : Издательство Московского университета, 1984.
- Китаев В. А.* От фронды к охранительству : из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века. — М. : Мысль, 1972.
- Лемке М. К.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». — СПб. : Издательство О. Н. Поповой, 1908.
- Литвак Б. Г.* Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. — М. : Политиздат, 1991.
- Одесский М. П., Фельдман Д. М.* Поэтика власти. Тираноборчество. Революция. Террор. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2012.
- Семенов Н. М.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II : в 3 т. Т. 1. — СПб. : Издание М. Е. Комарова, 1889.
- Словарь основных исторических понятий : избранные статьи. В 2 т. Т. 1. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr,

- Bürgerkrieg) / Н. Бульст [и др.] ; сост. Ю. Зарецкого, К. Левинсона, И. Ширле ; пер. с нем. К. Левинсон. — М. : НЛЮ, 2014. — С. 520–728.
- Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. Т. 2 / пер. с англ. С.В. Житомирской. — М. : ОГИ, 2004.
- Флоровский Г.В. Пути русского богословия. — М. : Институт русской цивилизации, 2009.
- Фотий (Спаский) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 36. — СПб. : Семеновская типолитография (И. А. Ефрона), 1896. — С. 396–398.
- Hindess B. Reform and Revolution // New Keywords: A Revised Vocabulary of Culture and Society. — Oxford : Blackwell, 2005. — P. 300–304.
- Koselleck R. Preussen zwischen Reform und Revolution : Allgemeines Landrecht, Verwaltung u. soziale Bewegung von 1791 bis 1848. — Stuttgart : Klett, 1967.
- Koselleck R. Historical Criteria of the Modern Concept of Revolution // Futures Past : On the Semantics of Historical Time. — New York : Columbia University Press, 2004. — P. 43–57.
- Paperno I. The Liberation of the Serfs as a Cultural Symbol // The Russian Review. — 1991. — Vol. 50, no. 4. — P. 417–436.
- Skinner Q. Retrospect: Studying Rhetoric and Conceptual Change // Visions of Politics. In 3 vols. Vol. 1. — Cambridge : Cambridge University Press, 2002. — P. 175–187.
- Vüise M. Filaret Drozdov and the Language of Official Proclamations in Nineteenth-Century Russia // The Slavic and East European Journal. — 2000. — Vol. 44, no. 4. — P. 553–582.
- Weill G. Histoire du Mouvement Social en France (1852–1924). — Paris : Librairie Felix Alcan, 1924.

Il'in, A. A. 2018. "Revolutsiya i reforma: sootnosheniye ponyatiy v pervyye gody Velikikh reform [Revolution and Reform: Relationship between the Concepts in the Early Years of the Great Reforms]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (2), 13–32.

ANDREY IL'IN

PHD STUDENT AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW

REVOLUTION AND REFORM: RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS IN THE EARLY YEARS OF THE GREAT REFORMS

Abstract: The article examines the place of the concepts *revolution* and *reform* in the political discourse in the first years of the Great reforms in Russia. *Revolution* was considered as a worst case scenario, so the menace of it was an effective argument against one or another decision or policy from the moment the concept had appeared in 1790s. The paper shows that the situation changed to some extent at the beginning of Alexander II's reign. Menace

of revolution was used at that time in order to justify reforms. Those who spoke on behalf of the government referred to the possible revolutions; their opponents spoke about revolutions, intending to exert pressure on the statesmen and to promote their own ideas and plans. It was acknowledged that *revolution* and *reform* had common goals. Although the concepts were opposites in many ways, *revolution* and *reform*, they were starting to drift together. Conception of *revolution from above* developed by the leftist journalists such as A. I. Herzen or N. P. Ogarev was a vivid manifestation of this trend. It meant that transformations carried out by authorities had to be fundamental, meet the people's interests and require its participation. Yet, these tendencies were not sustainable. The article concludes that semantic experiments and convergence at the beginning of the Great Reforms were connected with the ambiguity of the government's status in emerging circumstances and also with the unsettled character of the public sphere. An opposition between *revolution* and *reform* became more and more apparent during the 1860s. Conception of *revolution from above* was abandoned by the leftist authors. *Revolution* and *reform* became tools for political demarcation between the revolutionary movement and liberal supporters of the government. *Revolution* lost its previous role, but found a new legitimate place in public discussion, although usually as only a negative and threatening scenario.

Keywords: Revolution, Reform, the Great Reforms, Herzen, Alexander II of Russia.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-13-32.

REFERENCES

- "Adres [Address]" [in Russian]. 1926. In *Proklamatsii shestidesyatykh godov [Proclamations of the Sixties]*, 36–38. Moskva [Moscow]: Moskovskiy rabochiy.
- "Adres Gosudaryu [Address to the Sovereign]." 1860 [in Russian]. *Kolokol [The Bell]*, no. 60: 495–496.
- Anan'ich, B. V., ed. 2006. *Vlast' i reformy [Power and Reforms]: ot samoderzhavnoy k Sovet-skoj Rossii [From Autocratic to the Soviet Russia]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: OLMA-PRESS Ekslibris.
- Bakunin, M. A. 1920. "Narodnoye delo [People's Cause]" [in Russian]. In *Izbrannyye sochine-niya [Selected Works]*, 3:75–91. Petrograd and Moskva [Moscow]: Golos truda.
- Barsukov, N. P. 1904. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina [Life and Work of M. P. Pogodin]* [in Russian]. Vol. 18. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya M. M. Stasyulevicha.
- Botkin, V. P. 1930. "Pis'mo I. S. Turgenevu 6 iyunya 1863 g. [Letter to I. S. Turgenev, 6 June 1863]" [in Russian]. In *V. P. Botkin i I. S. Turgenev. Neizdannaya perepiska 1851–1869 [V. P. Botkin and I. S. Turgenev. Unpublished Letters]*, 175–179. Moskva [Moscow]: Academia.
- Bulgarin, F. V. 1998. "Sotsializm, kommunizm i panteizm v Rossii, v posledneye 25-letiyе [Socialism, Communism and Pantheism in Russia in the Recent 25 Years]" [in Russian]. In *Vidok Figlyarin: pis'ma i agenturnyye zapiski F. V. Bulgarina v III otdeleniye [Vidocq Figlyarin: Letters and Agent Notes by F. V. Bulgarin for the 3rd Section]*, ed. by A. I. Reytblat, 490–499. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Chicherin, B. N. 2010. *Moskva sorokovykh godov. Puteshestviye za granitsu [Moscow of the 1840s. Travelling Abroad]* [in Russian]. Vol. 1 of *Vospominaniya [Memories]*. 2 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh.
- Florovskiy, G. V. 2009. *Puti russkogo bogosloviya [Paths of Russian Theology]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut russkoy tsivilizatsii.

- “Fotiy (Spasskiy) [Photius Spassky]” [in Russian]. 1896. In *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgausa i Yefrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]*, 36:396–398. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Semenovskaya tipolitografiya (I. A. Yefrona).
- Gertsen, A. I. [Herzen, A. I.] 1958a. “1860 god [Year 1860]” [in Russian]. In vol. 14 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 214–225. 30 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- . 1958b. “Iskopayemuyu yepiskop, dopotopnoye pravitel'stvo i obmanutyy narod [Fossilized Bishop, Prehistoric Government, and Fooled People]” [in Russian]. In vol. 15 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 133–138. 30 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- . 1958c. “Ot redaktsii [Editor's Note]” [in Russian]. In vol. 14 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 238–244. 30 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- . 1958d. “Revolyutsiya v Rossii [Revolution in Russia]” [in Russian]. In vol. 13 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 21–29. 30 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Gromova, L. P. 1994. *A. I. Gertsen i russkaya zhurnalistika yego vremeni [Alexander Herzen and the Russian Journalism of His Time]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo SPbGU.
- Hindess, B. 2005. “Reform and Revolution.” In *New Keywords: A Revised Vocabulary of Culture and Society*, 300–304. Oxford: Blackwell.
- Ignatiy [Bryanchaninov]. 1913. “Zamechaniya na otzyv zhurnala ‘Kolokol’ k Kavkazskomu Yepiskopu Ignatiyu [Comments on the Review from ‘The Bell’ Journal for Ignatius, the Bishop of Kazan]” [in Russian]. *Bogoslovskiy vestnik [Herald of Theology]*, no. 2.
- Kavelin, K. D. 1898. “Iz dnevnika [From the Diary]” [in Russian]. In *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by V. D. Spasovich, vol. 2. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya M. M. Stasyulevicha.
- Kitayev, V. A. 1972. *Ot frondy k okhranitel'stvu [From Fronde to Conservatism]: iz istorii russkoy liberal'noy mysli 50–60-kh godov XIX veka [From the History of the Russian Liberal Thought of 1850–60-s]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Koselleck, R. 1967. *Preussen zwischen Reform und Revolution: Allgemeines Landrecht, Verwaltung u. soziale Bewegung von 1791 bis 1848* [in German]. Stuttgart: Klett.
- . 2004. “Historical Criteria of the Modern Concept of Revolution.” In *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*, 43–57. New York: Columbia University Press.
- Lemke, M. K. 1908. *Ocherki osvoboditel'nogo dvizheniya “shestidesyatykh godov” [Essays on the History of Liberation Movement of the “Sixties”]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo O. N. Popovoy.
- Litvak, B. G. 1991. *Perevorot 1861 goda v Rossii: pochemu ne realizovalas' reformatorskaya al'ternativa [The Revolution of 1861 in Russia: Why the Reformist Alternative Was Not Realized]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Politizdat.
- Narodnaya rasprava [People's Justice]* [in Russian]. 1869.
- Nikitenko, A. V. 1955. *Dnevnik [Diary]* [in Russian]. Ed. by I. Ya. Ayzenshtoka. Vol. 2. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
- Nyneshneye sostoyaniye Rossii i zagranichnnyye russkiye deyateli [Russian Thinkers Abroad and the Current State of Russia]* [in Russian]. 1868. 2nd ed. Berlin: Behr's Buchhandlung (E. Bock.)
- Odesskiy, M. P., and D. M. Fel'dman. 2012. *Poetika vlasti. Tiranoborchestvo. Revolyutsiya. Terror [Poetics of Power. Tyrannicide. Revolution. Terror]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Ogarev, N. P. 1858. “Russkiye voprosy. Preobrazovaniye chinovnichestva [Russian Questions. Transformation of Bureaucracy]” [in Russian]. *Kolokol [The Bell]*, no. 12: 91–98.
- Paperno, I. 1991. “The Liberation of the Serfs as a Cultural Symbol.” *The Russian Review* 50 (4): 417–436.

- “Pis'mo k redaktoru [A Letter to the Editor].” 1858 [in Russian]. *Kolokol [The Bell]*, no. 25: 201–208.
- Pogodin, M. P. 1861. *Krasnoye yaichko dlya krest'yan ot M. Pogodina [A Little Red Egg for the Peasants from M. Pogodin]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
- Proudhon, P.-J. 1852. *La révolution sociale démontrée par le coup d'état du 2 décembre* [in French]. Paris: Garnier frères.
- “Proyekt knyazyza Gagarina [Prince Gagarin's Project].” 1859 [in Russian]. *Kolokol [The Bell]*, no. 35: 285–287.
- Pushkin, A. S. 1962. “Dnevnik 1833–1835 gg. [Diary. 1833–1835]” [in Russian]. In *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 7:312–342. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
- “Rech' Aleksandra II, proiznesennaya im 30 marta 1856 g. pered Moskovskim gubernskim i uyezdnyim predvoditelyami dvoryanstva [Speech of Alexander II, Which He Gave for the Leaders of Moscow Provincial and County Nobility].” 1916 [in Russian]. *Golos minuvshego [Voice of the Past]*, nos. 5–6: 393.
- “Reforma sverkhu ili reforma snizu? [Reform from Above or Reform from Below?].” 1858 [in Russian]. *Kolokol [The Bell]*, no. 28: 225–231.
- Russkiy invalid [Russian Veteran]*. 1861 [in Russian]. (116).
- Russkiy invalid [Russian Veteran]*. 1861 [in Russian]. (51).
- Russkiy invalid [Russian Veteran]*. 1861 [in Russian]. (53).
- Russkiy invalid [Russian Veteran]*. 1861 [in Russian]. (57).
- S.-Peterburgskkiye vedomosti [Saint Petersburg News]*. 1862 [in Russian]. (229).
- Semenov, N. M. 1889. *Osvobozhdeniye krest'yan v tsarstvovaniye imperatora Aleksandra II [Liberation of Peasants During the Reign of Alexander II]* [in Russian]. Vol. 1. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdaniye M. Ye. Komarova.
- Shtakenshneyder, Ye. A. 1934. *Dnevnik i zapiski [Diary and Notes]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Academia.
- Sidorova, M. V., and Ye. I. Shcherbakova, comps. 2002. *Rossiya pod nadzorom [Russia under Supervision]: otchety III otdeleniya (1827–1869) [Reports of Third Section (1827–1869)]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskiy Fond kul'tury.
- Skinner, Q. 2002. “Retrospect: Studying Rhetoric and Conceptual Change.” In vol. 1 of *Visions of Politics*, 175–187. 3 vols. Cambridge: Cambridge University Press.
- Uortman, R. [Wortman, R.] 2004. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy]* [in Russian]. Trans. from the English by S. V. Zhitomirskaya. Vol. 2. Moskva [Moscow]: OGI.
- Viise, M. 2000. “Filaret Drozdov and the Language of Official Proclamations in Nineteenth-Century Russia.” *The Slavic and East European Journal* 44 (4): 553–582.
- Vinogradov, V. V. 1999. *Istoriya slov [History of the Words]* [in Russian]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moskva [Moscow].
- Weill, G. 1924. *Histoire du Mouvement Social en France (1852–1924)* [in French]. Paris: Librairie Felix Alcan.
- [Yelagin, N. V.] 1859. *Iskander Gertsen [Iskander Herzen]* [in Russian]. Berlin: Tipografiya Karla Shul'ttse.
- Zakharova, L. G. 1984. *Samoderzhaviye i otmena krestnogo prava v Rossii 1856–1861 [Autocracy and the Abolition of Serfdom in Russia 1856–1861]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Zotov, V. R. 1857. “Sharmanka [Barrel Organ]” [in Russian]. *Kolokol [The Bell]*, no. 5: 42.

АЛЕКСАНДР КОТОВ*

ПУБЛИЦИСТЫ КАТКОВСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛЕВОГО РАДИКАЛИЗМА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1880-Х ГГ.)**

Аннотация: Одной из главных задач консервативной печати М. Н. Катков считал содействие властям в борьбе с революцией. Первоначально Катков считал русский нигилизм следствием «польской интриги». Но уже первые покушения на Александра II показали, что революция имеет внутреннюю природу. К концу 1860-х годов тема «польской интриги» отходит в антинигилистическом дискурсе на второй план. И Катков, и его сотрудники все чаще ищут истоки революции внутри самого русского общества. На рубеже 1870–1880-х годов широкий резонанс получили антиреволюционные памфлеты Н. А. Любимова, Н. Н. Голицына, П. П. Цитовича, М. Ф. Де-Пуле. Но выходили в этот период работы и иного рода. Немалый интерес представляет подготовленный С. С. Тащевым для III отделения «Обзор социально-революционного движения в России». Издание не предназначалось для широкой публики, и это давало автору определенную свободу — в частности, он признавал правоту отдельных тезисов теоретиков социализма, но русских нигилистов считал маргиналами. Схожим был подход И. Ф. Циона. С середины 1870-х гг. он проживал за границей и также имел возможность соотнести русскую революционность с европейским контекстом. Установление во Франции республики только доказало, по его мнению, все ничтожество левых. Столь же презрительно относился к французским республиканцам и главный парижский корреспондент Каткова — Н. В. Щербань. В своих корреспонденциях для газеты «Голос» он рисовал яркую панораму революционных событий начала 1870-х гг. Перейдя в «Московские ведомости», Щербань стал уделять основное внимание русскому революционному зарубежью. В 1887 г. вышел его памфлет под названием «Политический разврат», содержащий выпады как против народovolьцев и их теоретиков, так и против проникавших в русскую революционную среду марксистских идей. Опираясь на материалы эмигрантской печати, Щербань убедительно доказывал теоретическую слабость революционного нигилизма.

Ключевые слова: консерватизм, нигилизм, революция, марксизм, народничество, М. Н. Катков, Н. В. Щербань.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-11-2-33-47.

Наиболее известный отечественный консервативный публицист М. Н. Катков считал главной задачей охранительной печати помощь «добрым

*Котов Александр Эдуардович, д. ист. н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, a.kotov@spbu.ru.

**© Котов, А. Э. © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Дневник А. В. Богданович (1879–1890 гг.)» № 17-01-00021.

людям в изловлении беспутных бродяг и воришек» (Катков, 1861: 483). К последним московский публицист причислял всех, кто покушался на целостность и гомогенность русского государственного организма. Как известно, и русский революционный экстремизм, и нарождавшийся украинский национализм представлялись редактору «Московских ведомостей» результатами деятельности «польской интриги», напрямую заинтересованной в распаде русской «политической нации».

В этой «конспирологии» имелось и рациональное зерно: Катков и его единомышленники стремились таким образом подчеркнуть внешний характер революционной угрозы. Впрочем, уже первые покушения на Александра II показали, что последняя имеет внутреннюю природу. К концу 1860-х гг. тема «польской интриги» отходит в антинигилистическом дискурсе на второй план. И Катков, и авторы публиковавшихся на страницах его изданий антинигилистических романов, и политические публицисты катковского круга — все они всё чаще ищут истоки революции внутри самого русского общества: в невежестве и «полуобразованности» разночинной молодежи, в космополитизме аристократической и бюрократической элиты. Читатели катковских изданий выносили из них впечатление, что «нигде так много не толкуют о нигилизме, как в п[етер]б[ургских] гостиных, но нигде также нет столько людей, их распложаящих, как именно в этих salons du grand monde (салонах большого света)» (Богданович, 1880: 136об.).

Специфически-утилитарные задачи подобной критики «революционного нигилизма» делали излишним глубокий анализ идеологии революционного движения и выявление внутри него различных направлений:

Не все ли равно, под каким соусом нас съедят, когда все согласны между собою в том, что съесть нас необходимо, что общественный и государственный строй России нужно разрушить до основания, что из всего здания, носящего еще название Русской империи, не следует оставлять камня на камне (Цион, 1886: 9).

Ничто не мешало и расширению трактовок терминов «нигилизм» и «революция». Так, в 1890-е гг. Л. А. Тихомиров (сам, впрочем, одним из первых консерваторов отошедший от сформулированного Ционом подхода) выразил довольно стандартную для консервативной публицистики мысль: «Не подлежит [...] никакому сомнению, что в личном составе, как и в идейном отношении, между чисто революционным и конституционным движениями нельзя провести резкой разницы» (Тихомиров, 1997: 219). Как следствие, антиреволюционный полемический

арсенал можно было пополнять, например, указаниями на злоупотребления западных конституционных режимов.

На рубеже 1870–1880-х гг. широкий резонанс получили антিনিгилистические и антиреволюционные памфлеты Н. А. Любимова, Н. Н. Голицына, П. П. Цитовича, М. Ф. Де-Пуле. Де-Пуле искал истоки нигилизма в системе образования (Котов, 2016а), а Цитович — в крепостном праве (Котов, 2015). Любимов объяснял французскую революцию либеральными уступками правительства (Котов, 2012). Князь же Николай Голицын напоминал своим оппонентам о теории Дарвина: «За нами — Бог и Русь, за вами — коммуна и обезьяна» (Голицын, 1879: 12). Но выходили в этот период работы и иного рода.

Немалый интерес представляет подготовленный С. С. Татищевым «Обзор социально-революционного движения в России», напечатанный в 1880 г. «по распоряжению III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии». Издание не предназначалось для широкой публики, и это давало автору определенную свободу. Кроме того, во время написания книги Татищев еще не вошел в круг «птенцов гнезда Каткова» — и влияние на него харизматичного «московского громовержца» было куда менее значительным. Долгая жизнь и служба за границей также дали Татищеву возможность взглянуть на революционное движение несколько иначе.

Корни революционного движения бывший дипломат искал на Западе — прежде всего, во Франции. В тяжких условиях политической нестабильности и плюрализма мнений поиски французской общественной мыслью «более устойчивых или, что то же, более истинных форм общественной и государственной жизни» не могли не сопровождаться спорами, «подтасовкой фактов и освещения их различными фактами по их усмотрению» — а следовательно, «исторический метод естественно уступал место гипотетическому». Это и привело к популярности в стране различных социальных утопий. В качестве любопытной тенденции развития социалистической мысли середины XIX в. Татищев отмечал, что ее идеологи все чаще приходят к отрицанию собственно демократических практик. Характеризуя же русское революционное движение 1860-х, Татищев причислял его участников к «измельчавшему поколению». Исключением на этом фоне представлялась ему лишь фигура Бакунина — «злого гения всякой социальной реформы» (Котов, 2016b: 287–289).

Однако все это не мешало Татищеву отчасти соглашаться с социалистами: с «едкими упреками» Бакунина по адресу французской буржуазии, с наличием объективных социально-экономических причин для

народного недовольства, со словами Лассаля и Маркса о наличии на Западе бесправия рабочих. По мнению Татищева, «движение четвертого сословия к эмансипации», требовавшее от государственной власти «покровительства их справедливым требованиям», возникло не благодаря, но вопреки социалистическим «работникам мысли» — внесившим в эту борьбу «только недоумение и смуту». Русских же революционеров Татищев считал прежде всего маргиналами. Последние не представляли бы опасности «при цельности общества, при непоколебимости его консервативных элементов». В условиях же дряблости общества, способного лишь «выделять из весьма разнообразных слоев своих контингент для пополнения [...] врагов его собственного благосостояния», государство, по убеждению Татищева, оставалось единственной «силою, от которой общество ждет своего возрождения из пепла, силою, которая одна только в состоянии восстановить в его основе незыблемые консервативные начала» (Котов, 2016b: 287–288).

Схожим был подход к революционному движению и другого знаменитого «катковца» — И. Ф. Циона. Этот профессор-физиолог, ушедший из Медико-хирургической академии в результате конфликта с революционным студенчеством и либеральной профессурой, также считал, что «в пресловутых идеях нашего нигилизма весьма мало оригинального, что они только бледные снимки с идей величайших извергов эпохи террора во Франции». Он отмечал теоретическую слабость народнических воззрений: «их группа [...] в течение 10–15 лет чуть не каждый месяц меняла свою систему, свою программу действия, свое название». Нигилизм рассматривался И. Ф. Ционом как разновидность эпидемической болезни, а потому главный объект его критики — не сами «микробы», а «санитарные власти», «давшие заразе развиться»; «пагубная небрежность публики, [...] не нашедшей в себе достаточно энергии, чтобы собственною инициативой заменить отсутствие правительства»; наконец, те «развратители юношества, которые в стенах университетов и на столбцах журналов систематически вливали в молодые умы яд и сознательно, из-за пошлой популярности, губили целые поколения [...] русского юношества» (там же: 263–265).

С середины 1870-х гг. Цион проживал за границей и имел возможность соотнести русскую революционность с европейским — прежде всего французским — контекстом, а также с результатами революционного движения на Западе. В 1885 г. на страницах «Русского вестника» появился очерк Ильи Фаддеевича о новейшей французской истории. Цион отмечал, что после 1789 г. во Франции «ни одна форма правления

не могла продержаться более полутора десятка лет» (Цион, 1885а: 462). Любопытно его рассуждение о причинах революции 1870 г.:

Человек, спокойно обсуждающий исторические события в мирной тиши своего кабинета, может находить, что революции в эпоху вторжения внешних врагов и как бы на глазах иностранного завоевателя есть акт непатриотический; он без труда даже докажет, что для самих республиканцев было бы благоразумнее предоставить империи, столь легкомысленно начавшей народную борьбу, довести ее до конца и понести тяжелое бремя постыдного мира. Но тридцатимиллионное население, совершенно обезумевшее от беспримерных в истории поражений, пожираемое лихорадкой патриотического гнева и стыда, не может сложа руки спокойно обдумывать всевозможные последствия своих действий. Императорское правительство пало столько же под тяжестью собственных ошибок, сколько под ударами грозного завоевателя (там же: 463).

Свершившаяся революция, по мнению Циона, доказала все ничтожество республиканцев, равно развеяв мифы и о непобедимости революционных «легионов», и «о любви к свободе и неподкупной честности республиканцев»: «Эта последняя легенда была гораздо менее распространена, чем первая, и находила верующих только среди поколения, выросшего после 1851 года. Но в стране, где в 21 год каждый становится избирателем, и эта легенда была не без влияния на результаты выборов» (там же: 466). Цион был убежден, что разочарование в республиканцах было всеобщим, и только отсутствие единства среди монархистов помешало восстановлению монархии. Последующее же экономическое возрождение Франции произошло «не благодаря республике, а несмотря на республику» (там же: 478). Отношение министров-республиканцев к собственной стране профессор сравнивал с поведением колонизаторов:

Для этих господ Франция до тех пор, как они стали у кормила, точно вовсе не существовала. Это была дикая страна: без дорог, без школ, [...] без литературы и искусств, чем-то вроде провинции Тонкина, в которой монархисты, бонапартисты и другие консерваторы играли роль Черных флагов. Завоевав страну, республиканцы сочли долгом цивилизовать ее. Все пришлось переломать, переобразовать и создать, а для этого потребовались деньги и деньги (там же: 497).

Цион обвинял республиканцев в разрушении армии, преследовании религии и продажности: «Революционные идеи превратились в предмет торговли, и любой радикал охотно покидает свою революционную пропаганду и свое призвание спасать человечество, как только ему

доставляет более доходное место в какой-нибудь другой отрасли: в торговле, промышленности или даже в администрации» (Цион, 1885а: 507). Терпимость же революционеров к религии была, по его мнению, невозможна в принципе:

Между религией, предписывающей любовь к страждущим массам, стремящейся устранить из сердец младшей братии чувства ненависти и зависти к счастливым мира, постановляющей в обязанность прощение обид и утешающей несчастных вознаграждением в другом мире за перенесенные страдания в здешнем, между этою религией и революцией, эксплуатирующей массы вызываемую ненавистью и завистью, возбуждающей месть и уверяющей страдальцев, что посмертное возмездие ложь и что только земные возжелания реальны, между этими двумя абсолютными противоречиями соглашение невозможно. Они смертельные враги, и борьба между ними будет продолжаться без пощады с обеих сторон (Цион, 1885b: 153).

Столь же презрительно относился к французским республиканцам и главный парижский корреспондент Каткова — забытый ныне Н. В. Щербань. Живя в начале 1870-х во Франции, первоначально он посылал корреспонденции в либеральный «Голос». Вращаясь в это время по преимуществу в республиканских кругах, Николай Васильевич знал эту среду «не по ораторским упражнениям, которыми они заманивают, а — au natural».

Неприязнь Щербаня к «освободительному движению» чрезвычайно усилилась во время Парижской коммуны. В его корреспонденциях из Бордо и Версаля (временных столиц «контрреволюционных» сил) находили отражения самые красочные слухи из охваченной мятежом «столицы мира»: «Столица Вселенной!.. Столица новой Каледонии, центр демагогического людоедства — вот это так!..» Подробно описывался Щербанем царивший в городе революционный террор, самыми черными красками изображалась и Коммуна, «самый комитет, овладевший Парижем». Любые попытки компромисса с мятежниками казались Николаю Васильевичу недопустимыми:

Соглашение с патентованными и открытыми врагами всякой тени какого бы то ни было, хотя бы даже демагогического, но правильно организованного общественного порядка! Уступки кровожадным фантазерам, которые если бы победили, то перевешали бы всех антагонистов; политическим воршкам, которые завели в пределах своего господства формальное государственное и частное воровство со взломом! (Котов, 2016b: 154–166)

После разрыва с «Голосом» Щербань посылает свои корреспонденции в «Московские ведомости». Здесь он гораздо больше внимания уделяет русскому революционному зарубежью — тем более, что, проживая в Париже, он имел практически неограниченный доступ к ее печатной продукции. Так, в июне 1875 г. на страницах «Московских ведомостей» появился обширный очерк Щербаня «Возрождение русской печати за границею», посвященный возобновлению литературной активности революционной эмиграции, прекратившейся было после смерти А. И. Герцена и разгрома Парижской коммуны (Котов, 2016b: 175–176).

В дальнейшем Щербань также не упускал возможности затронуть столь важную для редакции тему. Во второй половине 1887 г. на страницах «Русского вестника» появился его обширный памфлет под названием «Политический разврат», содержащий полемические выпады как против народовольцев и их теоретиков, так и против проникавших в русскую революционную среду марксистских представлений.

Прежде всего Николая Васильевича интересовала мотивация, толкнувшая революционеров на «непрощенное зверское вмешательство» — т. е. на террористические акты. Выписав некоторые ходячие фразы из зарубежных изданий — «Вестника народной воли», «Общего дела», различных сочинений Степняка-Кравчинского, Лаврова и еще не перешедшего в консервативный лагерь Тихомирова — Щербань характеризовал их как «глухое нытье и неуловимые в своей широковещательности причитания»:

«Не нас одних, всю стомиллионную нацию душат, давят». «Страдания ее беспримерны в летописях деспотизма». «Россия лишена *всяких* прав.» — «Не имея самых элементарных человеческих прав, русские люди являются породой червей». «Россия страна бесправная и угнетенная во всех человеческих побуждениях». — «Правительство держит Россию в рабстве, примеры которого можно найти теперь только в азиатских и африканских деспотиях». «Всякое сознательное прикосновение к жизненному общественному прогрессу, в силу полицейских условий, слишком опасно». «Душат все проявления здоровой жизни страны». «Что прикажете делать и чем заниматься у нас человеку честному, находящемуся в должном обладании умственными способностями, когда всякая нормальная деятельность строго преследуется». «Русское самодержавие — вред не только для русского народа, но и для всего человечества, над которым эта система висит грозой истребления всех прав, вольностей и приобретений цивилизации...» (Щербань, 1887a: 10).

В ответ на это жестокосердный публицист «Русского вестника» требовал уточнить:

Каких именно человеческих прав лишены российские люди-черви? *Какие* побуждения угнетаются? *Куда* загорожен путь? *Какое* «прикосновение» к жизненному процессу не допускается полицейскими условиями? *Какие* проявления жизни задушены? Что подразумевается под *должным* обладанием умственными способностями и *нормальной* деятельностью... (Щербань, 1887а: 10).

Проживавший в Париже Щербань был, тем не менее, убежден в том, что

Россия, конечно, не рай, которого не существует на земле со времен грехопадения, но далеко и не ад, из которого следовало бы выводить невинных страдальцев, да еще путем терроризма. В России живется легче, чем где бы то ни было, потому что громадному большинству в ней обеспечено существование и потому что прочие классы не сталкиваются в ней на каждом шагу с беспощадной конкуренцией, заслоняющей на Западе все дороги начинающему; так что *честный* труд имеет в ней более чем где-либо шансов успеха. Он всегда найдет в ней «что делать и чем заняться», но труд честный, не презирающий своих обязанностей, может быть скромный труд, а не то ветрогонство, заносчивость или шарлатанство, которое скучая серьезным делом или брезгуя им, предпочитает бить баклуши, широкоवेशательствуя об устройстве судеб страны посредством безбожия, безначалия и грабежа по последнему слову науки (там же: 11).

В русской сельской общине Щербань видел ту же степень самоуправления, «что у сельских общин Швейцарии и Норвегии», налоги представлялись ему сопоставимыми с французскими, а проблема крестьянского малоземелья должна была, по мнению публициста, решиться по мере уже идущего постепенного и свободного перехода помещичьих. Наконец, крестьянскую нужду Щербань связывал с «недостатком умения пользоваться своею землей» и задавался риторическим вопросом: «При чем же тут правительство и государственный строй, и уж не терроризм ли научит недостающему умению»? (там же: 16).

Не будучи консерватором, Щербань был твердым сторонником эволюционного развития. В частности, его возмущала критика теоретиком народничества крестьянских банков, «забракованных им на том основании», что «крестьяне могут покупать только ту землю, что владелец хочет продать», т. е. из-за отсутствия в этих учреждениях «принудительного элемента». По этому поводу Щербань заметил, что нигилизм «не может высказаться, чтобы не показать кончика волчьего хвоста» (там же: 12).

Отрицал публицист и другие поводы к недовольству существовавшими в России порядками: ограничения свободы слова, университетской автономии и полномочий земств. Цензурные послабления 1860-х гг Щербань расценивал как беспрецедентное в европейской истории «литературное кование „революционного оружия“, создание „революционной интеллигенции“, подготовка переворота» — которым в 1880-х гг. был наконец-то «положен некоторый предел» (Щербань, 1887а: 19). Осуждал публицист и стремление левых превратить земство из «орудия мирного провинциального прогресса» в «орудие всероссийской агитации и интриги» (там же: 44).

Наконец, вполне катковскими были оценки Щербанем университетской автономии 1860-х гг.: «Студентам внушалось, что [...] экзамены — „насилие, возмущающее нравственное чувство“; что „преподавание только тогда полезно, когда профессор имеет известные политические взгляды“» (там же: 24). Как следствие,

мало-помалу искусственно выработался тип студента, который в припадке откровенности «народовольческий» официальный орган называет теперь «студентом улицы», характеризуя его тем, что он чересчур чутко и «большую часть в ущерб своим занятиям отзывался на все общественные злобы дня и страдал существенными недостатками: скорою возбудимостью, непомерною резкостью, ленивым поверхностным отношением к университетской науке и малою культурностью». На этом несчастном юноше, воплотившем собою французскую карикатуру с подписью «прочь книги! Мы студентствуем не для того, чтоб учиться, а для того, чтобы давать уроки правительству» — на «обработке» «неопытности и мужества» вот этого несчастливца сосредоточились старания революционных ловцов (там же: 25–26).

Все это «нигилистическое обращение с фактами» было следствием «народовольческой нравственности», которая, по мнению публициста,

состоит в отсутствии всякой нравственности, в замене вечной правды и справедливости революционными пользами и нуждами данной минуты, в подчинении нравственному закону лишь до тех пор, пока он не стесняет мерзких поступков, признаваемых «целесообразными»: на эти последние «требования нравственности не распространяются» (там же: 51).

Революционеры представляли в памфлете как «социалистические маркизы де-Сады» (Щербань, 1887b: 574), «политические развратники, открыто попирающие справедливость и нравственность» (Щербань, 1887а: 52).

Революционное сознание народников стало поводом для проникновенного морализаторства:

И когда, в час окончательной проверки бытия, лицемер социалистической нравственности станет подводить духовный итог своей жизни, что скажет он окружающим его изголодавшему унылым призракам «малых сих», из прекрасного далека натравленных им на злодейство и подброшенных под возмездие? Что пролепетает он окровавленным теням мучеников, погибших от руки последователей его учения? Спокойно воззрит он на унылые призраки и обгаренные кровью тени, потому что учение его [...] погубило одних и заклало других в осуществление превысивших даже самой высшей нравственности обязанностей и требований человеческого развития, сулящих будущему «царство справедливости» [...] Так ли это? Где порука, что заменой общечеловеческой нравственности особой «народовольческой моралью» достигается благо человечества, что трупы — мост к царству справедливости, что «научный социализм» непогрешим и открывает обетованную землю? (Щербань, 1887а: 52).

Для Щербаня «социальный вопрос в той форме, в которой ставит его [...] „партия народной воли“» был «игрой своекорыстного честолюбия литературных и иных проходимцев»; «научный социализм» — «возвращением в перл создания лени, зависти, ненависти, злобы, всех неприглядных свойств, дремлющих в тайниках человеческого сердца», «облечением животных инстинктов научным костюмом, прикрытием философскою мантией социальной похоти» (там же: 53).

Публицист отмечал, что возбуждение общественного негодования после серии террористических актов уже в 1870-х гг. привело к изоляции нигилизма, а следствием «хождения в народ» стало то, что «безнадежность нигилистического волокитства за сельским населением выяснилась наглядно и осязательно». Именно это привело к серьезной трансформации революционного движения: «нигилизм набросился на мастеровых и рабочих». Но и эта трансформация, по мнению Щербаня, была обречена. Даже на Западе заявленная Марксом солидарность с парижской коммуной только оттолкнула английских рабочих от революционного движения (Щербань, 1887b: 588). Как следствие,

не истый французский мастеровой и фабричный, не рабочий, а тот искусственно сфабрикованный социалистической пропагандой выродок, который известен под кличкой *sublime* различных подразделений, вот кто даже во Франции составляет контингент революционной армии, готовый ринуться на завоевание «царства справедливости», то есть на порабощение всего сущего себе и своим худшим инстинктам (там же: 593–594).

Обречен был революционный марксизм (который Щербань не отделял еще от народничества) и в России — уже в силу того, что был стремлением

к насильственному «неумолимому» перевороту в пользу *единственно* мастеровых и фабричных [...] в пользу класса, численность которого сами социалисты-революционеры определяют в девятьсот пятьдесят четыре тысячи девятьсот семьдесят человек, то есть менее чем в один процент всего стомилионного населения; в пользу и посредством класса, о котором подстрекатели сами говорят, что «половина его работает на фабриках *временно* и чуть не случайно, а три четверти — вовсе не пролетарии», который следовательно даже и не составляет революционного элемента, но который нигилизму хотелось бы прибрать к рукам, чтобы посредством его *властвовать* над народом и приводить в исполнение свои затеи (Щербань, 1887b: 587).

Но главной причиной были, конечно же, лояльность и здравомыслие русского простонародья:

«Скрутить»-то русский рабочий люд нигилизму и не удалось. Русский фабричный приведенного выше нигилистического рисунка, трактирный завсегдатель, сподручный для нигилизма «горлан», «коновод» деревенской оппозиции, просвещенный кабацкими «сведениями» и знакомством с «распутными женщинами» — это меньшинство. В большинстве собственно рабочих слишком много веры в Бога, доверия к правительству, совести, да наконец и сметки, чтобы поддаваться «вздору». Не удалось нигилизму создать на Руси *sublime!* (там же: 597–598).

В силу этих причин

нигилизм не проник ни в общество, ни в сельское население, ни в рабочий класс. Нигилизм, — это дерево, правильное — ствол, без корней. Нигилисты, это даже не партия, а шайка, группа, кружок; это кучка отщепенцев и отверженцев, которые могут бросить бомбу из засады, могут, подскочив на готовой умчаться пролетке, неожиданно поразить беззащитного человека: но за засадой, но за пролеткой, но за собою — не имеют никого, кроме нескольких пособников преступления... (Щербань, 1887a: 608).

Вслед за Достоевским Щербань описывал тоталитарный характер левого движения. Так, народовольческий кружок претендовал «на гегемонию посреди всех вообще нигилистов, на начальственное к ним отношение, исключаящее малейшую критику ее действий и программ», при этом в «начальстве» этого кружка видел «беспредельное самообожание и страстную нетерпимость [...] преследующих всякое сомнение в его непогрешимости» (Щербань, 1887b: 617). Не имея практически

никакого представления о партийной жизни будущих марксистов, публицист в целом верно предугадал ту атмосферу, что вскоре будет царить на их съездах: «Взаимная подозрительность красною ниткою проходит через все так называемое русское революционное движение. Марксисты печатно прославляли шпионами Бакунина и Герцена; Ткачев печатно объявил в 1874 г. шпионом П. Лаврова» (Щербань, 1887b: 618). В заключительной части своего памфлета публицист изобразил целую галерею портретов нигилистов — от Карказова и Нечаева до безымянных «идеальных типов», диагностировав у них самые различные разновидности фанатизма: от «тупого фанатизма неповоротливой природы с ограниченным умом и бурной волей» до «фанатизма врожденного ехидства», «ненависти к начальству, собственной начальственной похоти, вождения господства» (Щербань, 1887c: 78).

Досталось от Николая Васильевича и теоретикам русской революции. Первые учителя нигилизма — Бакунин, Ткачев, Писарев, Добролюбов, Чернышевский, — по его мнению, «не создали никакого положительного учения» (Щербань, 1887b: 624). Из современных ему теоретиков революции Щербань мог указать только П. Л. Лаврова и Л. А. Тихомирова. Первый, по мнению публициста, был

посредственностью себе на уме, которая будучи не в состоянии прославить себя вкладом в действительную науку, [...] но желая во что бы то ни стало играть роль, создает ее для себя по принципу *je suis leur chef, done je les suis*: заискивая в самых дурных страстях и потакая самым низким инстинктам (там же: 626).

Тихомиров же предстает в памфлете Щербаня как «обычный распорядитель», плохой публицист, слабо знакомый с западной литературой. (там же: 627). «Убогость нигилистического генералитета» (Щербань, 1887c: 47) привела к тому, что

отцы-командиры, позволяющие себе распоряжаться судьбой уверовавших в них мальчиков и мечтающие о захвате в свои руки судеб России, *сами* в глубине души сознают свою несостоятельность: когда в начале 1883 года им понадобилась особенно убедительная для России революционная брошюра, с просьбой написать ее они обратились [...] к находившемуся тогда еще в живых Марксу!.. (Щербань, 1887b: 628).

Таким образом, младшие представители катковского круга рисовали весьма плачевную картину русского революционного движения 1880-х. Была ли эта картина неверной, или именно в этой — прежде всего,

духовной — слабости и заключалась сила, одна из причин победы революции, — дело вкуса читающего. Впрочем, борьба с нигилизмом не всегда способствовала усилению и консолидации собственно охранительных сил. Даже А. В. Богданович в конце марта 1881 г. так отзывалась о настроении «катковца» Б. М. Маркевича: «У него одна песня — везде он видит „красных“. Это нехорошо» (Богданович, 1881: л. 45об.). Обвиняя в нигилизме либералов, консервативные публицисты все чаще усматривали лево-радикальные тенденции и в своих рядах.

СОКРАЩЕНИЯ

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Источники

Рукописные источники

Богданович А. В. Дневник // РГИА. — 1880. — Ф. 1620. — Ед. 235.

Богданович А. В. Дневник // РГИА. — 1881. — Ф. 1620. — Ед. 237.

Опубликованные источники

Голлицын Н. Н. По прочтении депеши. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1879.

Катков М. Н. Несколько слов вместо «Современной летописи» // Русский вестник. — 1861. — № 1. — С. 483–484.

Тихомиров Л. А. Критика демократии. — М. : Москва, 1997.

Цион И. Ф. Пятнадцать лет республике // Русский вестник. — 1885а. — № 8. — С. 461–517.

Цион И. Ф. Пятнадцать лет республике // Русский вестник. — 1885б. — № 9. — С. 153–184.

Цион И. Ф. Нигилисты и нигилизм. — М. : Университетская типография, 1886.

Щербань Н. В. Политический разврат // Русский вестник. — 1887а. — № 9. — С. 9–60.

Щербань Н. В. Политический разврат // Русский вестник. — 1887б. — № 10. — С. 574–628.

Щербань Н. В. Политический разврат // Русский вестник. — 1887с. — № 12. — С. 47–97.

ЛИТЕРАТУРА

Котов А. Э. Профессор Н. А. Любимов: технократ на службе «властной вертикали» // Россия и мир: гуманитарные проблемы. Т. 18. — СПб. : СПб-ГУВК, 2012. — С. 195–208.

Котов А. Э. П. П. Цитович против «живой воды» революционной демократии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. — 2015. — № 4. — С. 126–134.

Котов А. Э. «Великая идея всероссийзма»: политическая публицистика М. Ф. Де-Пуле // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. — 2016а. — № 1. — С. 54–59.

Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. — СПб. : Владимир Даль, 2016б.

Kotov, A. E. 2018. "Publitsisty katkovskogo napravleniya protiv levogo radikalizma (vtoraya polovina 1880-kh gg.) [Publicists of Katkov's Line against the Left Radicalism (Second Half of the 1880s)]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (2), 33–47.

ALEKSANDR KOTOV

DOCTOR OF LETTERS IN HISTORY, ASSOCIATE PROFESSOR
AT ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY (RUSSIA)

PUBLICISTS OF KATKOV'S LINE AGAINST THE LEFT RADICALISM (SECOND HALF OF THE 1880S)

Abstract: M. N. Katkov considered assisting the authorities in the fight against the revolution to be one of the main tasks of the conservative press. Initially, Katkov believed Russian nihilism to be a consequence of the *Polish intrigue*. But first attempts of revolutionaries to kill Alexander II showed that the revolution is of an inward nature. By the end of the 1860s, the theme of the *Polish intrigue* fades away from the antinihilistic discourse. Both Katkov and his staff were looking for the roots of the revolution within Russian society itself. At the turn of the 1870s – 1880s, anti-revolutionary pamphlets written by N. A. Lyubimov, N. N. Golitsyna, P. P. Tsitovich, M. F. De-Poulet had a great resonance. But there were pamphlets of a different kind in this period. One of them was *Review of the Social-Revolutionary Movement in Russia* by S. S. Tatischev. The publication was not intended for the general public, and this gave the author some freedom (in particular, he recognized the validity of some theses stated by the ideologists of socialism), but he regarded Russian nihilists as misfits. I. F. Cyon's approach was similar. Since mid-1870's Cyon lived abroad, thus he, too, had an opportunity to see Russian revolutionism within the European context. The establishment of the republic in France had only proved, in his opinion, all the feebleness of the Left. Equally contemptuous of the French republicans was Katkov's main correspondent in Paris, N. V. Shcherban. In his correspondence he drew a vivid panorama of the revolutionary events of the early 1870s. In 1887, he published his pamphlet entitled *Political Debauchery*, attacking both *Narodnaya Volya* with their theoreticians and Marxist ideas penetrating into the Russian revolutionary milieu. Relying on the materials of the émigré press, Shcherban convincingly demonstrated the weakness of the theory of revolutionary nihilism.

Keywords: Conservatism, Nihilism, Revolution, Marxism, Populism, M. N. Katkov, N. V. Shcherban.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-33-47.

REFERENCES

- Bogdanovich, A. V. 1880. "Dnevnik [Diary]" [in Russian]. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 1620/235.
- . 1881. "Dnevnik [Diary]" [in Russian]. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 1620/237.
- Golitsyn, N. N. 1879. *Po prochtenii depeshi [After Reading the Despatch]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tip. M. M. Stasyulevicha.
- Katkov, M. N. 1861. "Neskol'ko slov vmesto 'Sovremennoy letopisi' [A Few Words instead of the 'Modern Review']" [in Russian]. *Russkiy vestnik [Russian Herald]*, no. 1: 483–484.
- Kotov, A. E. 2012. "Professor N. A. Lyubimov: tekhnokrat na sluzhbe 'vlastnoy vertikali' [N. A. Lyubimov: A Technocrat in the Service of the Top-Down Governance]" [in Russian]. In *Rossiya i mir: gumanitarnyye problemy [Russia and World: Humanitarian Issues]*, 18:195–208. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: SPbGUVK.
- . 2015. "P. P. Tsitovich protiv 'zhivoy vody' revolyutsionnoy demokratii [P. P. Citovich against the 'Aqua Vita' of the Revolutionary Democracy]" [in Russian]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya [Bulletin of the Tver State University. Series: History]*, no. 4: 126–134.
- Shcherban', N. V. 1887a. "Politicheskiy razvrat [Political Debauchery]" [in Russian]. *Russkiy vestnik [Russian Herald]*, no. 9: 9–60.
- . 1887b. "Politicheskiy razvrat [Political Debauchery]" [in Russian]. *Russkiy vestnik [Russian Herald]*, no. 10: 574–628.
- . 1887c. "Politicheskiy razvrat [Political Debauchery]" [in Russian]. *Russkiy vestnik [Russian Herald]*, no. 12: 47–97.
- Tikhomirov, L. A. 1997. *Kritika demokratii [Criticism of Democracy]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Moskva.
- Tsion, I. F. 1885a. "Pyatnadtsat' let respublike [15 Years of Republic]" [in Russian]. *Russkiy vestnik [Russian Herald]*, no. 8: 461–517.
- . 1885b. "Pyatnadtsat' let respublike [15 Years of Republic]" [in Russian]. *Russkiy vestnik [Russian Herald]*, no. 9: 153–184.
- . 1886. *Nigilisty i nigilizm [Nihilists and Nihilism]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Universitet-skaya tipografiya.
- Kotov, A. E. 2016a. "'Velikaya ideya vserossiizma': politicheskaya publitsistika M. F. De-Pule [The Great Idea of Vserossiizm [All-Russianness]: M. F. De-Poulet's Political Essays]" [in Russian]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology]*, no. 1: 54–59.
- . 2016b. "'Tsarskiy put'" *Mikhaila Katkova: ideologiya byurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoy publitsistike 1860–1890-kh godov [Mikhail Katkov's "the Road of the Czar": Ideology of the Bureaucratic Nationalism in the 1860–1890s Political Essays]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.

Кирилл Соловьев*

ИДЕЯ САМОДЕРЖАВИЯ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Аннотация: В статье рассматривается понимание концепта «самодержавие» интеллектуалами и представителями высшей бюрократии в конце XIX – начале XX вв. Исследование основано на широком круге источников, как опубликованных, так и архивных. Отмечается, что получившая широкое признание славянофильская версия (точнее: версии) «самодержавия», в сущности, предусматривала перереформирование политического режима и проведение масштабных институциональных преобразований. Фактически она служила «камуфлированию» оппозиционных настроений среди высших сановников империи, которые не могли быть слишком откровенными в декларации собственных политических взглядов. Это была риторика мнимой лояльности. В основе ее лежало категорическое неприятие абсолютистской доктрины, которая по умолчанию была идеологическим фундаментом российской государственности. Критикуя слабо прижившиеся в России институты полицейского государства, сторонники славянофильской версии «самодержавия» вплотную подходили к идее конституционных ограничений царской власти. Они отказывали государству в праве быть единственным демиургом российской истории и настаивали на необходимости установления жестких рамок его деятельности. Важно подчеркнуть, что славянофильская риторика получила широкое хождение как среди убежденных сторонников славянофильского учения, так и среди тех, кто готов был принять ее как словесное оформление для собственных оппозиционных взглядов. Все это не было секретом для многих высокопоставленных бюрократов, не сочувствовавших такому пониманию монархии. Высказывания самих императоров в большинстве случаев были весьма далеки от славянофильской риторики. И все же каноническое прочтение «самодержавия» принадлежало не царям, а славянофильствующим мыслителям, работавшим в редакциях московских журналов и газет или же в министерских канцеляриях Санкт-Петербурга. Это лишний раз подчеркивает политическое одиночество верховной власти, которая не могла ожидать однозначной поддержки даже со стороны ближайших сотрудников в лице государственных служащих или придворного окружения.

Ключевые слова: самодержавие, славянофильство, бюрократия.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-48-69.

В юбилейный год революции нередко вспоминают запоминающиеся и во многом точные слова Д. С. Мережковского: «Любое государство — это застывшая революция. Любая революция — это расплавленное го-

*Соловьев Кирилл Андреевич, д. ист. н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор кафедры теории и истории права факультета права НИУ ВШЭ (Москва), ksoloviev@hse.ru.

**© Соловьев, К. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

сударство». Но какая революция застыла в Российском государстве XIX в.? И столь ли уж застывшей материей кажется государство?

В современной гуманитаристике все громче звучит мысль, которая до сих пор не прижилась в историографии: привычное к настоящему времени государство — явление Нового времени. В значительной мере оно стало логическим развитием эволюционировавшей династической власти Средних веков. Такое государство стало явственным воплощением дискурса рационализма XVII в.¹ Согласно этому наблюдению, европейское государство сложилось как полицейское и имело в своем основании управленческую модель абсолютной монархии (Шмитт, Филишов и др., 2016: 176). П. Бурдые предлагает и более широкий контекст становления государства. Его формирование совпало с развитием картезианской философии.

Конечно, такое понимание данного феномена весьма далеко ушло от юридического позитивизма, фактически подменяющего анализ явления перечислением его функций (Бурдые, Кралечкин и Кушнарера, 2016: 55). Это не совокупность государственных учреждений, а «результат договора» (Кокошкин, 2010: 76–78), «завоевания» (там же: 93–94), своего рода «живой организм» (там же: 84–86), «господство той или иной силы» (там же: 90–92), «монополия на насилие» (Вебер, Давыдов, 1990: 646)², «коллективная иллюзия или фикция» (Бурдые, Кралечкин и Кушнарера, 2016)³.

По мнению Бурдые, государство менялось вместе с представлениями о нем. Филантропические идеи конца XIX в. стали фундаментом для

¹Конечно, сторонники такой точки зрения подчеркивают, что речь идет о поступательном процессе, который начался еще в период Высокого Средневековья и в значительной мере объяснялся столкновением светской и папской власти (Кревельд, Кузнецов и Макеев, 2006: 81–156).

²В сущности, схожую интерпретацию государства предлагает М. Фуко: «Второй момент политической теории суверенитета связан изначально с тем, что она выделяет множественность властей, которые не являются властями в политическом смысле слова, а представляют просто способности, возможности, силы, она может их конституировать в качестве властей в политическом смысле слова только при условии, что между возможностями и властями будет установлено прочное и основополагающее единство, единство власти. Неважно, будет ли это единство воплощено в образе монарха или государства; важно, что в нем берут начало различные формы, аспекты, механизмы и институты власти. Множественность властей, толкуемых в качестве политических властей, может быть установлена и может функционировать только исходя из единства власти, основанной на теории суверенитета» (Фуко, 2005: 60–61).

³«Государство и есть эта хорошо обоснованная иллюзия, место, которое существует, по сути, именно потому что его считают существующим» (Бурдые, Кралечкин и Кушнарера, 2016: 62).

социального государства XX столетия и одновременно с тем — вызовом для правящей элиты. В любом случае это был следующий шаг после того, как государство заявило о себе устами абсолютного монарха, а потом безжалостно свергло его с престола. Однако королевское наследие, а именно культ власти, практически его обожествление, так или иначе осталось.

Впрочем, у современных исследователей европейского абсолютизма не вызывает сомнения, что в основе его лежит не столько несовершенная технология управления, сколько хорошо известная по источникам мифология власти, явленная в виде придворных церемоний, символических актов. В практической сфере у абсолютного монарха власть была далеко не абсолютной. Так, Н. Элиас полагает, что генезис государства был тесно увязан с поиском баланса между монаршим абсолютизмом и общественными интересами (Элиас, Кухтенков и др., 2002: 193–195)⁴. Действительно, вера в то, что государство — следствие достигнутого равновесия социальных или политических сил, была весьма популярна среди мыслителей Нового времени (Шмитт, Филиппов и др., 2016: 136–143). Даже принимая эту точку зрения, следует иметь в виду, что такой баланс был динамичным и неустойчивым.

Монархический абсолютизм Нового времени взламывал привычную политическую рамку династической власти, так или иначе защищавшей сословные интересы традиционалистски устроенного общества. В сущности, он становился революцией в понимании того, что такое верховная власть. Он угрожал привычному правопорядку, вызывая вполне естественную защитную реакцию его сторонников. Антитезой абсолютизму мог стать парламентаризм, который должен выполнять роль гаранта прав общества, сталкивающегося с агрессивным и амбициозным правительством⁵.

Борьба разворачивалась, в том числе, в символическом поле. Образ власти в древности, в Средневековье, в Новое время — сюжет, популярный среди современных историков. Очевидно, что этот образ неслучайно возникает в сознании властителей и подданных. За ним стоит мифология власти, так или иначе объясняющая обывателю, почему одни могут

⁴См. также: Блош, Тарасенкова и Тарасенков, 1998: 150.

⁵Как писал К. Шмитт, «идея современного парламентаризма, требование контроля и вера в общественное мнение и публичность возникли в процессе борьбы с тайной политикой абсолютных князей; чувство свободы и справедливости было возмущено практикой агсана, которая решала судьбы народов тайными постановлениями» (Шмитт, Филиппов и др., 2016: 145).

осуществлять господство над другими. В «конденсированном» виде эта мифология транслируется обществу в виде самых разных торжественных церемоний: парадов, приемов, коронаций и т. д. Для медиевиста описание придворных обрядов — важный источник по политической истории⁶. Уже давно эта проблема увлекла и специалистов по истории России Нового времени (Уортман, Житомирская, 2002; Уортман, 1992: 18–30). Интерес к этому вопросу оправдан. Прежде исследователи просто не замечали его. И все же проблематика мифологии власти открывает куда более широкие перспективы перед историками. Источников, имеющих в их распоряжении применительно к российским сюжетам XIX – начала XX в., — существенно больше.

Любая церемония происходит в соответствии со строгим каноном, который по определению консервативен и не может динамично меняться вместе со временем. Кроме того, возникает вопрос, на который трудно найти однозначный ответ: насколько сценарий торжественных процессий был отрефлексирован его авторами и участниками? Они слепо следовали сложившейся традиции или же (вольно или невольно) участвовали в коллективной политической декларации?

Вместе с тем мифология власти так или иначе сказывалась и на правовых актах, чья идеологизированность, оторванность от политических реалий признавалась еще в момент написания. Они были плодом усилий рационально мыслящих бюрократов, которые в большинстве своем прекрасно осознавали всю условность отстаиваемых ими юридических конструкций.

Любая политическая система предполагает сложную комбинацию социальных отношений. Ее нельзя свести к однозначно читаемому ярлыку: абсолютизм, олигархия, демократия и т. д. Как уже отмечалось выше, «старый режим» в Европе раннего Нового времени привычно ассоциировать с абсолютной монархией, которая на практике оказывается менее абсолютной, чем кажется. Она основана на многочисленных конвенциях, которые ее ограничивают с разных сторон. Такой абсолютизм — в большей степени идея, нежели практика; миф, а не реальность (Хеншелл, Паламарчук и др., 2003: 239–240)⁷. Вместе с тем, это миф

⁶ См.: Бойцов, 2009: 25–90; Власть и образ, 2010. См. также: Элиас, Кухтенков и др., 2002: 100–145.

⁷ 24 ноября 1909 г. Д. А. Хомяков писал К. Н. Пасхалову: «„Самодержавие“ и „абсолютизм“ по существу своему так же отличны одно от другого, как в общественной жизни „культурный выразитель своего народа“ и „интеллигент“: первый во власти самодержавия, а второй абсолютный император» (Хомяков, 1909. Л. 5).

чрезвычайной важности. Он способствует легитимации политической системы. Проблема в том, что эти мифы прочно укоренились в историографии и порой определяют современное понимание процессов столетней давности.

Понятие «самодержавие» эволюционировало на протяжении трех столетий. Сложившись к концу XVI в., оно на каждом историческом повороте материализовывалось по-новому (Кром, 2018: 65). Непрерывность становления и развития самодержавия — миф, восходящий к политической романтике XIX столетия. Соответственно, разговор о самодержавии XIX в. нужно начинать не с царя Федора Иоанновича, а, видимо, с Петра Великого. Именно в его царствование были заявлены проектные возможности самодержавия как политического режима. «Революционер на троне» не был в этом отношении оригинален. Он воспроизводил доктрину полицейского государства, которая лежала в основе практик западноевропейского абсолютизма (Медушевский, 1994: 53–54; Власть и реформы, 1996: 128–130). Российское своеобразие сказывалось в том, что идеологический проект был первичен по отношению к политической практике, которая не могла поспеть за замыслами законодателя. В итоге российский абсолютизм приобретал причудливые формы. С одной стороны, у императора всероссийского был значительно более ограничен арсенал средств контроля и подавления, чем в странах Западной Европы. С другой стороны, царская власть на этом этапе не знала конкурентов в лице сословий или церкви. К этому стоит присовокупить дезорганизацию управления, ставшую следствием петровских преобразований (Писарькова, 2007: 140–142). Таким образом, российский абсолютизм был значительно менее институционализирован, нежели абсолютизм в западноевропейских странах. Он так или иначе отталкивался от петровского образца, на практике предполагавшего харизматическую модель легитимации власти.

Расхождение между словом и делом становилось своего рода вызовом для правительства, побуждая «высшие сферы» к преобразованиям, нацеленным на рационализацию государственной власти. Относительно успешности реформаторских циклов в России в историографии идет долгий спор, который, видимо, никогда не кончится. И все же очевидно, что политический режим не стоял на месте, а постепенно трансформировался, в чем-то приближаясь к петровскому идеалу. По крайней мере, о серьезных подвижках в профессионализации бюрократии можно говорить со второй четверти XIX в. Таким образом, институциональное оформление абсолютной монархии в России складывалось тогда, когда

в Западной Европе она доживала последние дни. В итоге русскому самодержавию приходилось решать те задачи, о которых абсолютные монархи XVIII столетия и не задумывались. Организация власти самодержавной монархии должна была более или менее соответствовать технологическим, экономическим, а, главное, социальным вызовам второй половины XIX в. Управленческая и законотворческая механика в России этого периода была куда более изощренной, чем у правителей Западной Европы столетием раньше.

Самодержавие столкнулось и с вызовом идеологического свойства. Для европейского XVIII столетия абсолютная монархия — вполне приемлемая и, может быть, даже оптимальная форма правления. Во второй половине XIX в. оправданность такого политического режима необходимо было специально доказывать. Этот интеллектуальный вызов выпал на время нациостроительства, когда шел поиск формулы национальной идентичности. В итоге самодержавие стало неотъемлемой его частью (Миллер, 2016: 57–59). Оно было по-новому исторически осмыслено, вплетено в мифотворную историю Московской Руси. В данном случае «первая скрипка» в переинтерпретации самодержавия принадлежала славянофилам и «славянофильствующим». Они создали язык описания этого явления.

В этом, видимо, и заключается коренная особенность самодержавия второй половины XIX в. Если абсолютная монархия XVIII столетия претендовала на то, чтобы быть универсальной нормой, то самодержавие не признавало такую норму в принципе. Абсолютная монархия в значительной мере сводится к попытке рациональной организации власти. Самодержавие славянофильского извода предлагает ее мистическое понимание. Проблема в том, что правовая и управленческая техника второй половины XIX в. восходит к интеллектуальным традициям XVIII в. Бюрократическая империя как проект весьма рациональна. Получалось, что конфликт между абсолютной монархией (которая в Европе только и оставалась в России да в Османской империи) и самодержавием разворачивался в рамках одной политической системы — России второй половины XIX – начала XX в.

То, что российское самодержавие — это не самовластие царя, признавали еще его критики конца XIX – начала XX в. В марте 1904 г. князь Д. И. Шаховской на страницах журнала «Освобождение» утверждал:

Мы признаем, что в современном русском самодержавии монархический принцип имеет если не злейшего врага, то опаснейшего союзника, что русское

самодержавие, делая монархический режим игрушкой в руках бюрократической олигархии, превращая его в тормоз свободного развития России, дискредитирует и подкапывает самую идею монархии. С самодержавием следовало бы бороться даже во имя монархии, не говоря о других принципиальных и практических основаниях (Либеральное движение..., 2001: 69).

Впрочем, с этим соглашались и апологеты самодержавия, для которых было важно подчеркнуть: в России не было традиционного западноевропейского абсолютизма⁸. Вокруг этой идеи выстраивалась политическая конструкция позднего славянофильства. Нет смысла воспроизводить ее в деталях (см.: Соловьев, 2009: 63–88). Стоит особо остановиться лишь на характерных ее особенностях. Неославянофилы предложили политическую утопию. Их понимание власти — неправоное или, можно сказать, «надправоное». Это обуславливает не отрицание права, а исключительно недоверие к нему. Как писал Д. Н. Шипов, государство и все его институты сами по себе — вынужденное зло, вызванное несовершенством человеческой природы. Генетически связанное с государством право — важнейший факт общественно-политической жизни, но, как и государство, его нельзя абсолютизировать. Все это лишь очень несовершенные средства для достижения высоких целей (Шипов, 2007: 165–166). По мнению неославянофилов, преимущество России над Западной Европой, в том числе, заключается в адекватном понимании общественного значения права. В западноевропейских странах привыкли его фетишизировать:

Различие наше с Западом, представляется мне, заключается, главным образом, в том, что там область права признается как нечто абсолютно существующее, как нечто отдельное и даже противоположное области нравственности, а у нас народный православный дух не придает области права такого самостоятельного значения, а ищет в нем и желает в нем видеть выражение и осуществление нравственного закона, основы учения Христа (Шипов, 1904. Л. 22).

Фетишизация права представлялась явным недоразумением. В неославянофильских построениях по умолчанию подразумевалось, что право основывалось на государственной силе. Самодержавная власть базировалась, прежде всего, на религиозно-этических ценностях, признававшихся всем обществом. Киреев в своей работе «Россия в начале XX столетия» писал:

⁸Хотя, как уже было сказано выше, западноевропейский абсолютизм отнюдь не такой, как его привыкли понимать в славянофильской среде.

...Правовой порядок — ложь, неудержимо понижающая этические идеалы народов и государств. Да, правовой порядок есть не что иное, как узаконенный эгоизм, кощунственно возведенный в этическое начало, и этому началу мы должны противопоставить наше христианское начало, твердо его отстаивая, твердо проводя его в нашу общественную жизнь (Киреев, 1903: 41).

Примечательно, что в своем понимании права неославянофилы следовали позитивистскому канону и критиковали его практически с тех же позиций, что и сторонники возрождения естественного права. И все же различие между ними имелось, и довольно существенное. Для сторонников возрождения естественного права общественные идеалы — историческая величина, постоянно меняющаяся во времени. Для неославянофилов это — абсолютные ценности, восходящие к христианскому вероучению. Следовательно, общественная нравственность — это не то, что формируется само собой, а то, что следует специально прививать и воспитывать. Это необходимо иметь виду при определении формы правления, которая должна стать благодетельной для состояния умов и души народонаселения страны. Если власть — вынужденное зло, она несомненно развращает своих носителей. Соответственно, чем больше людей обладают ею, тем больше отравы она несет. Демократия — это прямой путь к развращению уже всего народа, который будет озабочен лишь частными интересами и материальными благами, позабыв о нравственном долге и обязанностях. «Принцип народоправства положит в основу государственного строя личную волю, личные права граждан, тогда как необходимое условие государственной жизни, представляется мне, должно заключаться в подчинении личной воли иным, высшим идеалам» (Шипов, 2007: 168).

Этого можно достигнуть, подчинив всю власть одному лицу, которое стояло бы выше всех классовых интересов. Естественно, им должен быть наследственный монарх, само наличие которого снимало вопрос о какой-либо политической борьбе. В отличие от избранного президента, министра, депутата, царь не зависит от лоббистских групп, отбирающих по своему вкусу политиков и гарантирующих им победу на выборах. Подлинный государь представляет интересы всех. Конечно, история знает случаи злоупотребления монархами своей неограниченной властью. По мнению Шипова, это слабый аргумент против самодержавия. Его подлинный носитель всегда настроен на диалог с народом. В противном случае он перестает быть самодержцем, а становится лишь абсолютным

монархом на западноевропейский лад (Шипов, 2007: 169)⁹. Эта мысль оттеняет всю умозрительность данной интеллектуальной конструкции. Прибегая к таким интеллектуальным приемам, неославянофилы сами подчеркивали предельную уязвимость собственных позиций.

Впрочем, нравственное значение самодержавия можно было обосновывать и иначе. Д. А. Хомяков, сын отца-основателя славянофильства и сам видный теоретик рубежа веков, видел оправдание самодержавия в подлинной свободе, которую обретал человек.

Самодержавная форма правления возможна только у того народа, который почитает наиценнейшими не могущество, не утонченность политической системы, не принцип «обогащения», а свободу быта и веры, свободы жизни, для достижения которой государство — только орудие [...] Раз же оно сделалось целью, то, конечно, поработит себе человека и отвлечет его от той свободы которая дорога человеку неизврращенному и которая есть прирожденная его потребность (Хомяков, 1993: 136–137).

Иными словами, русский народ, предпочтя самодержавие, сделал свой выбор в пользу подлинной свободы — прежде всего, от политики и связанных с ней тягостных забот. Они возложены на плечи царя, который принял на себя этот огромный труд.

Однако даже при таком понимании вопроса славянофилы подчеркивали ошибочность отождествления самодержавия с бюрократией. Последняя нещадно критиковалась. Более того, регулярно ставился вопрос о ее замене «государственно-земским» аппаратом, расширении функций органов местного самоуправления (т. е. земств). Довольно известный публицист конца XIX — начала XX в. С. Ф. Шарапов призывал решительно сократить сферу компетенции центральных правительственных учреждений, которые могли успешно работать при поддержке всероссийского представительного учреждения (Шарапов, 1903: 24, 55). Эту роль мог бы сыграть реформированный Государственный совет, в который следовало было бы приглашать выборных представителей от земских областей (Шарапов, б. д. Л. 28). «Все же внутреннее управление должно идти в областях посредством излюбленных земских людей на

⁹ 1 июня 1907 г. П. Б. Мансуров писал Ф. Д. Самарину: «Я полагаю, что монархический принцип не выдержал бы никакой критики, если бы он требовал выдающихся способностей у монархов. Монархия, как я понимаю, имеет целью поставить во главе народа личную совесть и при том в таких условиях, которые наиболее облегчали бы ей свободное проявление, т. е. при наименьших побуждениях подчиняться частным эгоистическим мотивам» (Мансуров, 1907. Л. 158 об.–159).

точном основании самодержавно царем даваемых законов при действительной и серьезной ответственности местных выборных людей перед верховной властью и государством» (Шарапов, б. д. Л. 8 об.).

Высокую оценку земства и «земских людей» порой разделяли и в правительственных кабинетах, где нередко сидели и сторонники славянофильства. В августе 1899 г. товарищ министра внутренних дел князь А. Д. Оболенский написал письмо министру финансов С. Ю. Витте с критикой его недавней «антиземской» записки. По мнению Оболенского, «самодержавие не есть лишь вершина бюрократической пирамиды, он [самодержец. — К. С.] есть глава всего народа, солидарный с этим народом, в котором бюрократия лишь один из элементов...» Оставшись наедине с чиновничеством, царь перестает быть царем, превращаясь лишь в очередного администратора — правда, высокопоставленного. Ради сохранения самодержавия следовало бы укреплять земство, которое может быть единственным серьезным противовесом бюрократии (Оболенский, 1899. Л. 2). Самодержавие — не европейский абсолютизм или же азиатский деспотизм. С точки зрения Оболенского, это в первую очередь доказали реформы Александра II. Абсолютный монарх не мог пойти на столь широкие социальные и правовые преобразования, не смог бы гарантировать существование независимого суда, а, главное, освободить крестьян. «Никогда не было такого положения и быть его не может, чтобы интересы самодержавия могли в чем-либо противоречить благу народному, чтобы русский самодержец не служил этому благу» (Оболенский, 1905. Л. 1.).

Схожую мысль проводил граф П. С. Шереметев в беседе с министром внутренних дел В. К. Плеве 2 мая 1903 г.: «Самодержавие нам необходимо, но основанное на местном самоуправлении. Поэтому для меня земство есть основа самодержавия. Если же угнетать земство, вообще местных людей, то мы неизбежно придем к конституции в России» (Шереметев, 1903. Л. 3.).

Таким образом, политическая конструкция неославянофильства имела очевидный оппозиционный «заряд». Ее сторонники рано или поздно, так или иначе выходили на тему государственной реформы. Причем в большинстве случаев их не устраивали частные преобразования — они настаивали на институциональных реформах. Главным своим врагом они считали высшую бюрократию. По мнению Киреева, чиновник — несомненный противник всех исторических устоев России и, более того, самодержавия. Рецепты совершенствования государственного строя

могли быть самые разные. Так, Киреев предлагал запретить всеподданнейшие доклады министров императору, когда высокопоставленные чиновники могли добиваться от царя принятия любого решения (Киреев, 1903: 30); он призывал смягчить цензурный контроль над печатью (там же: 33); расширить полномочия земства (там же: 37–40); привлекать «сведущих людей» к разработке правительственных решений (там же: 34). Главное же его требование — созыв Земского собора, законосовещательного учреждения (там же: 35).

Эти предложения не были результатом консенсуса славянофильских мыслителей. Каждый из них был особой величиной со своими взглядами и убеждениями. Это можно сказать и о Ф. Д. Самарине, племяннике Ю. Ф. Самарина. Ф. Д. Самарин полагал киреевский проект предельно наивным. Он не верил в спасительность Земского собора, не доверял русскому обществу. Впрочем, Самарин не ограничился только критикой: он предложил и свой проект выхода из настоящего кризиса. Он признавал, что общество недоволено властью и это ставит под сомнение перспективы существующего режима:

Действительно, как бы ни была сильна и тверда верховная власть, она может оказаться неспособной управлять страной и пасть жертвой внутреннего бессилия, если тот общественный класс, который служит ей орудием, без которого она не может обойтись, ибо через него она правит, если этот класс относится к ней враждебно или хотя бы отрицательно и все лучшие свои надежды связывает с переменой режима (Самарин, 1904. Л. 23).

Нормализация отношений общества и власти требовала реформ, причем весьма значительных. Следовало упразднить предварительную цензуру (Может ли земский собор..., 1905: 29), ввести ежегодные отчеты министров, которые были бы достоянием гласности (там же: 28); бюрократию нужно было поставить под контроль особых административных судов; необходимо было упорядочить работу приглашавшихся экспертов, «сведущих людей». Лучше всего было бы использовать английский опыт

производства местного опроса и исследования особыми комиссиями смешанного состава или особыми лицами, специально на то уполномоченными от верховной власти, с тем, чтобы эти комиссии или лица имели право опрашивать, кого они найдут нужным, собирать те сведения, которые они признают полезными, и чтобы они были обязаны на основании всего виденного и слышанного выработать предположения о желательных законодательных мерах (там же: 29–30).

Нам говорят: что же, по вашему, преобразовать и как? Мы отвечаем: нет такого преобразования, которое одно обещало бы полное излечение. Требуется целый ряд мер. Нужно преобразование Государственного совета, Сената, министерств, местного управления. Нужно освободить государя от массы мелких дел, которые теперь до него не доходят. Нужно дать возможность частным лицам привлекать к ответственности должностных лиц и т. д. (Машинописи материалов..., 1905. Л. 3 об.)

Иными словами, Ф. Д. Самарин, консерватор, человек весьма умеренных взглядов, критик идеи созыва Земского собора, тем не менее выступал за институциональные преобразования, которые фактически должны были ограничить самодержавную власть. Д. Н. Шипов шел существенно дальше. Он полагал, что подлинное самодержавие, соответствовавшее всем славянофильским требованиям, было в Англии. Именно там политический строй основывался не на писанной конституции, а на традиции, совести правителя, а также многовековом единении короля и народа.

И я считал вероятным и возможным, что если идея русского самодержавия сохранится непоколебимой в своей основе, то при постепенном развитии нашей государственной жизни эта идея могла бы получить в более или менее близком будущем выражение и осуществление в формах и порядке, аналогичных государственному строю в Англии (Шипов, 2007: 288).

Мифологический образ самодержавной власти жил своей жизнью, явно расходясь с политической и административной реальностью. Это побуждало некоторых сожалеть об утраченном идеале и мечтать о возрождении подлинного самодержавия, фактически замененного всевластием бюрократии. Это был удел не только общественных деятелей славянофильского направления, но и высокопоставленных чиновников, вполне сочувствовавшим подобным идеям. Остается вопрос о том, насколько славянофильский язык разговора о самодержавии подразумевал искренность людей, его использовавших. Не чаще ли он маскировал подлинные их устремления? Решительный поворот многих чиновников к конституционализму в период Первой русской революции скорее позволяет ответить на этот вопрос положительно. Впрочем, это чувствовалось задолго до 1905 г. Так, в 1886 г. правитель канцелярии МВД А. Д. Пазухин жаловался издателю газеты «Новое время» А. С. Суворину: «Людей, верующих в самодержавие, очень немного в России» (Суворин, 2000: 64). В нем сомневались даже искренние его сторонники.

Так, по словам Н. А. Любимова, в марте 1887 г. даже Катков склонялся к представительной форме правления (Суворин, 2000: 306).

И все же славянофильская доктрина была весьма влиятельной. Она стала теоретическим обоснованием проекта Указа 12 декабря 1904 г., подготовленного по инициативе министра внутренних дел князя Л. Д. Святополк-Мирского. Ею воспользовались, когда определялся статус так и не созданной «булыгинской думы». В период Первой русской революции проекты возвращения самодержавия к его славянофильским, земским корням готовили многие высокопоставленные бюрократы: например, член Государственного совета А. Н. Куломзин (Куломзин, 1905. Л. 1.), чиновник особых поручений МВД П. Б. Мансуров (Русский консерватизм..., 2010: 256–257). В 1905 г. многие государственные деятели вступили в политические объединения, которые открыто призывали к политическим реформам в славянофильском духе: начальник земского отдела МВД В. И. Гурко, начальник канцелярии МВД Д. Н. Любимов, директор канцелярии МВД по делам дворянства Н. Л. Мордвинов, директор департамента личного состава МВД А. И. Буксгеведен, бывший товарищ министра внутренних дел А. С. Стишинский и др. (там же: 335–337).

И все же многие представители высшей бюрократии категорически не принимали славянофильскую риторику. Видный государственный деятель и проницательный мыслитель П. А. Валувев ее часто критиковал:

Дикая допетровская стихия взяла верх. Разложение императорской России предвещает ее распадение [...] Замечательна слепота, с которой державные власти относятся к славянофильскому движению, а вероломство этих славяноманов мне внушает такое отвращение, что если они истинная Россия, то я перестаю быть русским (Валуев, 1919: 186).

29 января 1886 г. главноуправляющий по делам печати Е. М. Феоктистов записал в дневнике: «Славянофильство — доктрина достаточно смутная, а управлять государством на основании доктрин нельзя. Аксаков чуть не причинил великий вред, убедив в 1882 г. пустоголового графа Н. П. Игнатьева созвать Земский собор...» (Феоктистов, 1886. Л. 4 об.)¹⁰.

¹⁰Вместе с тем, скептическое отношение к славянофильским формулам отнюдь не свидетельствует об охранительном настрое того или иного государственного служащего. Так, критиком славянофильства был сенатор, а впоследствии государственный секретарь А. А. Половцов. Однако он же был сторонником проведения политической реформы. Свои взгляды он изложил в записке 1876 г.

Среди чиновников было немало тех, кто отрицал сам факт наличия самодержавия. Среди них был и П. А. Валуев:

В обиходе административных дел государь самодержавен только по имени, что есть только вспышки, проблески самодержавия [...] что при усложнившимся механизме управления важнейшие государственные вопросы ускользают и должны по необходимости ускользать от непосредственного направления государя [...] наше правление — министерская олигархия... (Валуев, 1961: 100).

Валуев в своей оценке не был одинок. В марте 1874 г. будущий государственный секретарь А. А. Половцов записал в дневнике:

Самодержавное правление самодержавно только по имени, ограниченность средств одного человека делают для него всемогущество невозможным; государь зависим от других, от лиц его окружающих, от господствующих мнений, от других правительств, от сложившихся в человечестве сил, то прямо то косвенно высказывающих свое влияние (Половцов, 1874. Л. 68).

Прошло десять лет. В 1883 г., буквально в дни коронации Александра III, Половцов записал: «Самодержавие, о котором так много толкуют, есть только внешняя форма, усиленное выражение того внутреннего содержания, которое отсутствует. В тихое, нормальное время дела плетутся, но не дай Бог грозу, не знаешь, что произойдет» (Половцов, 2005: 108). Впрочем, такой порядок вещей скорее устраивал Половцова. В мае 1885 г. он объяснял императрице Марии Федоровне:

Государь должен вмешиваться во второстепенные вопросы повседневной жизни? Я думаю, что верховной власти следует в этом вопросе подражать божественному провидению, которое, установив совершенный порядок, не может вмешиваться в жизнь отдельных существ, не подрывая своего престижа (там же: 356).

О взглядах высокопоставленных сановников порой ходили удивительные слухи. В 1891 г. министр финансов И. А. Вышнеградский рассказывал издателю «Московских ведомостей» В. А. Грингмуту, что среди чиновников существовала партия конституционалистов и во главе ее стоял сам министр императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков (Феоктистов, 1890–1896. Л. 44)¹¹.

¹¹По этому поводу Е. М. Феоктистов отметил: «И. А. Вышнеградский — слишком умный человек, чтобы верить всему тому, что он рассказывает Грингмуту. У него много озлобленных врагов — это не подлежит сомнению, но враги эти — люди легкомысленные и пустые, которые напускают мерзкие сплетни о нем, наушничают государю...». Феоктистов, 1890–1896. 44 об.

И все же «верующие в самодержавие» были — прежде всего, сами императоры. Впрочем, их понимание собственной власти явно расходилось со славянофильским. Хорошо известно, что Людовик XIV никогда не произносил часто приписываемые ему слова: «Государство — это я» (Блюш, Тарасенкова и Тарасенков, 1998: 719). Русские цари конца XIX — начала XX в. могли это сделать за него. Согласно запискам Н. А. Любимова, 20 апреля 1881 г. Александр III сказал Баранову: «Конституция! Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?» (Суворин, 2000: 304) Памятны слова Николая II о «бессмысленных мечтаниях», сказанные 17 января 1895 г. перед делегацией земств и городов. Сам император отнесся к этому выступлению с чрезвычайной серьезностью. На следующий день он говорил министру внутренних дел И. Н. Дурново: «Ночь накануне того дня, когда мне следовало отвечать на адрес, я провел почти без сна. Намерение мое было непоколебимо, но нервное возбуждение не давало мне покоя. Теперь же я спокоен и не сомневаюсь, что оказал услугу России» (Феоктистов, 1890–1896. Л. 67 об.). В 1902 г., объясняя барону В. Б. Фредериксу свое решение изъять имущество у дяди — великого князя Павла Александровича, Николай II прямо заявил: «По моему мнению, император может делать то, что пожелает» (Половцов, 2014: 398)¹².

¹²Конечно, и среди искренних сторонников самодержавия были и безусловные противники славянофильского учения. Одним из наиболее известных из них был К. П. Победоносцев. Его влияние на политическую жизнь России конца XIX — начала XX в. то росло, то падало. И все же в 1881–1905 гг., то есть почти четверть века, он оставался на самой вершине «олимпа» государственной жизни империи. Однако его представления о власти, государстве, самодержавии были столь своеобразными, что сложно считать их определяющими для бюрократической элиты того времени. Победоносцев был фаталистом. Он не верил в перспективы самодержавного строя. Предсказывал неизбежную победу революции. Его отстаивание самодержавия — это тщетная (по мнению самого Победоносцева) попытка приостановить безудержный исторический процесс (Феоктистов, 1991: 219).

Впрочем, некоторые высказывания Победоносцева были вполне славянофильскими по духу. 6 декабря 1904 г. при обсуждении реформаторского проекта князя П. Д. Святополк-Мирского он предпочел говорить о самодержавии в мистическом духе: «Царь-де папа, он должен руководствоваться не политическими, но религиозными соображениями. Если он откажется от самодержавия, то он обезглавит церковь. Русский народ впадет в варварство и грех. Отказ от самодержавия явился бы таким образом грехом от Божьего закона. Царь принимает свои права Божьей милостью от своих предков. Как он может решиться на преступление, отказавшись от того, что ему дало Божьим соизволением. Как он оправдается перед своими потомками в том, что он отказался из-за преходящих затруднений от Божьего вечного установления. На царе лежит обязанность защищать православие и веру и оставить своим потомкам свое Божье право в неумеренном преступными внушениями объеме» (Письмо из Санкт-Петербурга..., 1904. Л. 2).

Славянофильское учение, сравнительно популярное и в обществе, и в чиновничьей среде, не описывало реальное самодержавие, а конструировало его идеальный образ, во многом противоположный политической практике. Принимая такое самодержавие, консерватор или государственный служащий в сущности выступали критиками сложившегося порядка и становились чаще всего молчаливыми сторонниками широких (в том числе политических) реформ. Иными словами, признанная в обществе версия самодержавия подразумевала демонтаж самодержавия как такового.

СОКРАЩЕНИЯ

ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации.
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
РО ИРЛИ	Рукописный отдел Института российской литературы РАН.
РГИА	Российский государственный исторический архив.

Источники

Рукописные источники

- Куломзин А. Н.* Записка Э. В. Фришу // РГИА. — 1905. — Библиотека. — Коллекция печатных записок. — № 45.
- Мансуров П. Б.* Письмо Ф. Д. Самарину // ОР РГБ. — 1 июня 1907. — Ф. 265 (Самарины). — К. 193. — Д. 12.
- Машинописи материалов и адреса царю московского дворянства и московского земства // ОР РГБ. — 1905. — Ф. 265 (Самарины). — К. 116. — Д. 31–33.
- Оболенский А. Д.* Письмо С. Ю. Витте // ОР РГБ. — Авг. 1899. — Ф. 440 (Д. Н. Шишов). — К. 2. — Д. 7.

Критически о славянофильском учении отзывался К. Н. Леонтьев: «Славянофилы всегда представлялись мне людьми с самым обыкновенным европейским умеренно-либеральным образом мыслей. И государь Николай Павлович был прав, подозревая постоянно, что под широким парчовым кафтаном их величавых „вещаний“ незаметно для них самих скрыты узкие и скверные панталоны обыкновенной европейской буржуазности» (Леонтьев, 2007: 465–466). Представления же Леонтьева о власти вопиющим образом расходятся со славянофильскими построениями: «Пора же, наконец, сознаться громко, что и вся Россия, и сама Царская власть возростали одновременно и в тесной связи с возрастанием неравенства в русском обществе, с утверждением крепостного права и с развитием того самого „наследственного чиновничества“, которое так не нравится столбовому, 600-летнему — Н. П. Аксакову» (там же: 467). Такого рода высказывания — нарочитый эпатаж, нацеленный против взглядов, популярных в обществе.

- Оболенский А. Д.* Записка о самодержавии // РГИА. — 1905. — Библиотека. — Коллекция печатных записок. — № 45.
- Письмо из Санкт-Петербурга Д. Н. Шипову о совещании 6 декабря 1904 г. // ОР РГБ. — 1904. — Ф. 440 (Д. Н. Шипов). — К. 3. — Д. 14.
- Половцов А. А.* Дневник // ГАРФ. — 1874. — Ф. 583. — Оп. 1. — Д. 7.
- Самарин Ф. Д.* Письмо А. А. Кирееву // ОР РГБ. — 11 июня 1904. — Ф. 265 (Самарины). — К. 156. — Д. 10.
- Феоктистов Е. М.* Дневник // ОР РГБ. — 1886. — Ф. 318 (Е. М. Феоктистов). — Оп. 1. — Д. 9120.
- Феоктистов Е. М.* Дневник // ОР РГБ. — 1890–1896. — Ф. 318 (Е. М. Феоктистов). — Оп. 1. — Д. 9122.
- Хомяков Д. А.* Письмо К. Н. Пасхалову // ГАРФ. — 24 нояб. 1909. — Ф. 102 (Департамент полиции). — Оп. 265. — Д. 402.
- Шарапов С. Ф.* Проект // ОПИ ГИМ. — Б. д. — Ф. 2 (Д. И. Иловайский). — Оп. 1. — Д. 26.
- Шереметев П. С.* Записка // РГИА. — 1903. — Ф. 1088 (Шереметевы). — Оп. 2. — Д. 465.
- Шипов Д. Н.* Письма М. В. Челнокову // ГАРФ. — 1904. — Ф. 810 (М. В. Челноков). — Оп. 1. — Д. 492.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- [*Валуев П. А.*] Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел : в 2 т. Т. 1 / под ред. П. А. Зайончковского. — М. : АН СССР, 1961.
- Валуев П. А.* Дневник, 1877–1884. — Петроград : Былое, 1919.
- Киреев А. А.* Россия в начале XX столетия. — СПб., 1903.
- Кокошкин Ф. Ф.* Избранное. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2010.
- Леонтьев К. Н.* Славянофильство теории и славянофильство жизни // Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. Т. 8. Кн. 1. — СПб. : Владимир Даль, 2007.
- Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря : в 2 т. Т. 1. — М. : Центрполиграф, 2005.
- Половцов А. А.* Дневник, 1893–1909. — СПб. : Алетейя, 2014.
- [*Суворин А. С.*] Дневник Алексея Сергеевича Суворина. — London, М. : Независимая газета, The Garnett Press, 2000.
- Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. — М. : Новости, 1991.
- Хомяков Д. А.* Самодержавие: опыт схематического построения этого понятия // Православие, самодержавие, народность. — М., 1993.
- Шарапов С. Ф.* Самодержавие и самоуправление. — М., 1903.
- Шипов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2007.

ЛИТЕРАТУРА

- Блюш Ф.* Людовик XIV / пер. с фр. Л. Д. Тарасенковой, О. Д. Тарасенкова. — М. : Ладомир, 1998.
- Бойцов М. А.* Величие и смирение : очерки политического символизма в средневековой Европе. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2009.
- Бурдые П.* О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / пер. с фр. Д. Кралечкина, И. Кушнаревой. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.
- Вебер М.* Избранные произведения / пер. с нем. Ю. Н. Давыдова. — М. : Прогресс, 1990.
- Власть и образ : очерки потестарной имагологии / под ред. М. А. Бойцова, Ф. Б. Успенского. — СПб. : Алетейя, 2010.
- Власть и реформы: от самодержавной к Советской России / под ред. Б. В. Ананьич. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1996.
- Кревельд М.* Расцвет и упадок государства : пер. с англ. / под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. — М. : ИРИСЭН, 2006.
- Кром М. М.* Рождение государства. Московская Русь XV–XVI вв. — М. : Новое литературное обозрение, 2018.
- Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. — М., 2001.
- Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России : сравнительное историческое исследование. — М. : Текст, 1994.
- Миллер А. И.* Нация. Могущество мифа. — СПб. : ЕУ СПб, 2016.
- Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения // Мирный труд. — 1905. — 4 апр.
- Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII вв. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2007.
- Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2010.
- Соловьев К. А.* Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности, 1899–1905. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2009.
- Уортман Р.* Николай II и образ самодержавия // Реформы или революция? Россия, 1861–1917. — СПб. : Наука, 1992. — С. 18–30.
- Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. Т. 2 / пер. с англ. С. В. Житомирской. — М. : ОГИ, 2002.
- Фуко М.* Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / пер. с фр. Е. А. Самарской. — СПб. : Наука, 2005.
- Хеншелл Н.* Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего нового времени / пер. с англ. А. А. Паламарчука, Л. Л. Царук, А. А. Махалова. — М. : Алетейя, 2003.
- Шмитт К.* Понятие политического / пер. с нем. А. Ф. Филишова, А. П. Шурбелева, Ю. Ю. Коринца. — СПб. : Наука, 2016.

Элиас Н. Придворное общество / пер. с нем. А. П. Кухтенкова [и др.]. — М. : Языки славянской культуры, 2002.

Solov'yev, K. A. 2018. "Ideya samoderzhaviya (konets XIX – nachalo XX vv.) [The Notion of Tsarist Autocracy at the End of Nineteenth – Beginning of Twentieth Century]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (2), 48–69.

KIRILL SOLOV'YEV

PHD IN HISTORY, PRINCIPAL RESEARCHER AT THE INSTITUTE OF RUSSIAN HISTORY,
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES; PROFESSOR AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW

THE NOTION OF TSARIST AUTOCRACY AT THE END OF NINETEENTH – BEGINNING OF TWENTIETH CENTURY

Abstract: This article is concerned with the concept of autocracy (*samoderzhavie*) in the version of the Russian intellectuals and higher bureaucrats in the late 19th – early 20th century. The research is based on the great variety of historical sources – both published and archival. It is emphasized that the Slavophile conception of autocracy calls for the dramatic change of the political regime, and for great institutional reforms. Actually, it camouflaged the oppositional intentions of the Russian elites who could not be sincere while claiming their political allegiance. It was a *mock loyalty* rhetoric. It meant the definitive rejection of the concept of the absolute monarchy that was an ideological core of the Russian statehood of that time. The followers of the Slavophile political vision criticized the institutions of *Polizeistaat* that – from their point of view – had no strong connection to the Russian culture. This way they approached the idea of the constitutional limitation of the Tzar's power. They supposed that the state could not be the only actor in the Russian history. They insisted on the necessity of the strict frames of its activity. The Slavophile rhetoric was a significant part of Russian intellectual life – among both the dedicated Slavophiles and those who accepted the Slavophile rhetoric to hide their antigovernmental way of thinking. It was no secret for many high-ranking bureaucrats of that time who did not accept the Slavophile point of view and who were too far from the Slavophile rhetoric. Russian Emperor's statements mainly were far from the Slavophile rhetoric, too. The canonic way of the understanding of autocracy belonged not to the Tsars, but to the Slavophile thinkers who worked in the editorial offices of Moscow newspapers and magazines, or in Saint-Petersburg Ministry offices. One more time it proves the political loneliness of the monarch power that could not expect any support even on the part of its officers – bureaucrats or courtiers.

Keywords: Tsarist Autocracy, Absolutism, Slavophilism, Bureaucratism.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-48-69.

REFERENCES

Anan'ich, B. V., ed. 1996. *Vlast' i reformy: ot samoderzhavnoy k Sovet-skoy Rossii [Power and Reforms: From Autocratic to the Soviet Russia]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Dmitriy Bulanin.

- Blyush, F. [Bluche, F.] 1998. *Lyudovik XIV [Louis XIV]* [in Russian]. Trans. from the French by L. D. Tarasenkova and O. D. Tarasenkov. Moskva [Moscow]: Ladomir.
- Boytsov, M. A. 2009. *Velichiyе i smireniye [Grandeur and Humility]: ocherki politicheskogo simvolizma v srednevekovoy Yevrope [Essays on the Political Symbolism in the Medieval Europe]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Boytsov, M. A., and F. B. Uspenskiy, eds. 2010. *Vlast' i obraz [Power and Image]: ocherki potestarnoy imagologii [Essays on Potestas Imagology]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Burd'ye, P. [Bourdieu, P.] 2016. *O gosudarstve [Sur l'État]: kurs lektsiy v Kollezhe de Frans (1989–1992) [Cours au Collège de France (1989–1992)]* [in Russian]. Trans. from the French by D. Kralechkin and I. Kushnareva. Moskva [Moscow]: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS.
- Elias, N. 2002. *Pridurnoye obshchestvo [Die höfische Gesellschaft]* [in Russian]. Trans. from the German by A. P. Kukhtenkov et al. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
- Feoktistov, Ye. M. 1886. "Dnevnik [Diary]" [in Russian]. In *OR RGB [Manuscript Section of the RAS Institute of Russian Literature]*. 318 (Ye. M. Feoktistov's Collection). 1/9120.
- . 1890–. 1896. "Dnevnik [Diary]" [in Russian]. In *OR RGB [Manuscript Section of the RAS Institute of Russian Literature]*. 318 (Ye. M. Feoktistov's Collection). 1/9122.
- . 1991. *Za kulisami politiki i literatury [Behind the Scenes of Politics and Literature]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novosti.
- Fuko, M. [Foucault, M.] 2005. *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo [Il faut défendre la société]: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu [Cours au Collège de France, 1975–1976]* [in Russian]. Trans. from the French by Ye. A. Samarskaya. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Khenshell, N. [Henshall, N.] 2003. *Mif absolyutizma. Peremeny i preymstvennost' v razvitiu zapadnoyevropeyskoj monarkhii rannego novogo vremeni [The Myth of Absolutism. Change & Continuity in Early Modern European Monarchy]* [in Russian]. Trans. from the English by A. A. Palamarchuk, L. L. Tsaruk, and A. A. Makhlov. Moskva [Moscow]: Aleteyya.
- Khomyakov, D. A. 1909. "Pis'mo K. N. Paskhalovu [Letter to K. N. Paskhalov]" [in Russian]. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. Nov. 24. 102 (the Police Department Fond). 265/402.
- . 1993. "Samoderzhaviye: opyt skhematiceskogo postroyeniya etogo ponyatiya [Tsarist Autocracy. Trying to Define the Notion]" [in Russian]. In *Pravoslaviye, samoderzhaviye, narodnost' [Orthodoxy, Autocracy, and Nationality]*. Moskva [Moscow].
- Kireyev, A. A. 1903. *Rossiya v nachale XX stoletiya [Russia in the Beginning of Twentieth Century]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg].
- Kokoshkin, F. F. 2010. *Izbrannoye [Selected Works]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Krevel'd, M. [Crevel'd, M. van]. 2006. *Rastsvet i upadok gosudarstva [The Rise and Decline of the State]* [in Russian]. Ed. by Yu. Kuznetsov and A. Makeyev. Moskva [Moscow]: IRIS-EN.
- Krom, M. M. 2018. *Rozhdeniye gosudarstva. Moskovskaya Rus' xv–xvi vv. [Birth of the Nation. Muscovy in Fifteenth and Sixteenth Centuries]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Kulomzin, A. N. 1905. "Zapiska E. V. Frishu [Note to E. V. Frish]" [in Russian]. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. Library. Typed Notes Collection. 45.
- Leont'yev, K. N. 2007. "Slavyanofil'stvo teorii i slavyanofil'stvo zhizni [Slavophilism in Theory and Slavophilism in the Real World]" [in Russian]. In *Book 1*, vol. 8 of *Polnoye sobraniye*

- sochineniy i pisem [Collected Works and Letters]. 12 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.*
- Liberal'noye dvizheniye v Rossii. 1902–1905 gg. [Liberal Movement in Russia, 1902–1905] [in Russian]. 2001. Moskva [Moscow].*
- Mansurov, P. B. 1907. "Pis'mo F. D. Samarinu [Correspondence to F. D. Samarin]" [in Russian]. In *OR RGB [Manuscript Section of the Russian State Library]*. June 1. 265 (Samarins' Collection). 193/12.
- "Mashinopisi materialov i adresa tsaryu moskovskogo dvoryanstva i moskovskogo zemstva [Typescript of the Materials and the Address to the Tzar by the Moscow Nobility and Moscow Zemstvo]" [in Russian]. 1905. In *OR RGB [Manuscript Section of the Russian State Library]*. 265 (Samarins' Collection). 116/31–33.
- Medushevskiy, A. N. 1994. *Utverzhdeniye absolyutizma v Rossii [The Establishment of Absolutism in Russia]: sravnitel'noye istoricheskoye issledovaniye [A Comparative Historical Study]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tekst.
- Miller, A. I. 2016. *Natsiya. Mogushchestvo mifa [Nation. The Might of Myth]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: YeU SPb.
- "Mozhet li zemskiy sobor vyvesti nas iz nastoyashchego polozheniya [Whether the Assembly of the Land Can Help Us Out Now]." 1905 [in Russian]. *Mirnyy trud [Peaceful Work]* (Apr. 4).
- Obolenskiy, A. D. 1899. "Pis'mo S. Yu. Vitte [Correspondence to S. Yu. Vitte]" [in Russian]. In *OR RGB [Manuscript Section of the Russian State Library]*. Aug. 440 (D. N. Shipov's Collection). 2/7.
- . 1905. "Zapiska o samodержavii [Note on the Autocracy]" [in Russian]. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. Library. Typed Notes Collection. 45.
- "Pis'mo iz Sankt-Peterburga D. N. Shipovu o soveshchaniy 6 dekabrya 1904 g. [Correspondence from Saint Petersburg to D. N. Shipov on the Meeting on 6th December 1904]" [in Russian]. 1904. In *OR RGB [Manuscript Section of the Russian State Library]*. . 440 (D. N. Shipov's Collection). 3/14.
- Pisar'kova, L. F. 2007. *Gosudarstvennoye upravleniye Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII vv. [State Management in Russia from the End of Seventeenth to the End of Eighteenth Century]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Polovtsov, A. A. 1874. "Dnevnik [Diary]" [in Russian]. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 583/1/7.
- . 2005. *Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya [Secretary of State's Diary]* [in Russian]. Vol. 1. Moskva [Moscow]: Tsentrpoligraf.
- . 2014. *Dnevnik, 1893–1909 [Diary, 1893–1909]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Russkiy konservatizm srediiny XVIII – nachala XX veka [Russian Conservatism from the Mid-Eighteenth to the Early Twentieth Century]: entsiklopediya [The Encyclopaedia]* [in Russian]. 2010. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Samarin, F. D. 1904. "Pis'mo A. A. Kireyevu [Correspondence to A. A. Kireev]" [in Russian]. In *OR RGB [Manuscript Section of the Russian State Library]*. June 11. 265 (Samarins' Collection). 156/10.
- Sharapov, S. F. 1903. *Samoderzhaviye i samoupravleniye [Autocracy and Autonomy]* [in Russian]. Moskva [Moscow].
- . N. d. "Proyekt [Proposal]" [in Russian]. In *OPI GIM [Archive and Manuscript Section of the State Historical Museum]*. 2 (D. I. Ilovayskiy's Collection). 1/26.

- Sheremetev, P. S. 1903. "Zapiska [Note]" [in Russian]. In *RGIA [Russian State Historical Archive]*. 1088 (The Sheremetevs). 2/465.
- Shipov, D. N. 1904. "Pis'ma M. V. Chelnokovu [Correspondence to M. V. Chelnokov]" [in Russian]. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 810 (M. V. Chelnokov's Collection). 1/492.
- . 2007. *Vospominaniya i dumy o perezhitom [Memories and Meditations on the Past]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Shmitt, K. [Schmitt, C.] 2016. *Ponyatiye politicheskogo [Der Begriff des Politischen]* [in Russian]. Trans. from the German by A. F. Filippova, A. P. Shurbeleva, and Yu. Yu. Korintsa. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Solov'yev, K. A. 2009. *Kruzhok "Beseda". V poiskakh novoy politicheskoy real'nosti, 1899–1905 ["Beseda" Coterie. In Search of New Political Reality, 1899–1905]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- [Suvorin, A. S.] 2000. *Dnevnik Alekseya Sergeevicha Suvorina [Aleksij Sergeevich Suvorin's Diary]* [in Russian]. London and Moskva [Moscow]: Nezavisimaya gazeta / The Garnett Press.
- Uortman, R. [Wortman, R.] 1992. "Nikolay II i obraz samodержaviya [Nicolas II of Russia and the Image of Autocracy]" [in Russian]. In *Reformy ili revolyutsiya? Rossiya, 1861–1917 [Reforms or Revolution? Russia, 1861–1917]*, 18–30. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2002. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy]* [in Russian]. Trans. from the English by S. V. Zhitomirskaya. Vol. 2. Moskva [Moscow]: OGI.
- Valuyev, P. A. 1919. *Dnevnik, 1877–1884 [Diary, 1877–1884]* [in Russian]. Petrograd: Byloye.
- [Valuyev, P. A.] 1961. *Dnevnik P. A. Valuyeva, ministra vnutrennikh del [Diary of P. A. Valuyev, Minister of the Interior]* [in Russian]. Ed. by P. A. Zayonchkovskiy. Vol. 1. Moskva [Moscow]: AN SSSR.
- Veber, M. [Weber, M.] 1990. *Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]* [in Russian]. Trans. from the German by Yu. N. Davydov. Moskva [Moscow]: Progress.

Любовь Бибикова*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. И «РЕВОЛЮЦИЯ»: ИГРА ПОНЯТИЕМ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА?***

Аннотация: В статье рассматривается трактовка понятия «революция» различными структурами политической полиции Российской империи конца XIX – начала XX вв. (Департамент полиции, охранные отделения, губернские жандармские управления) — той совокупности государственных учреждений, которые должны были бороться с революцией. В рамках разработанной Р. Козеллеком истории понятий обращается внимание, что революция в отличие от понятий «смуты», «бунта», «восстания», «гражданской войны» — это нацеленность на изменение государственного строя, на принципиальные изменения в политической системе страны. Теоретической рамкой для экспликации этого подхода к делопроизводственным материалам политического сыска выступает концепция «уликовой парадигмы», предложенная К. Гинзбургом для описания процесса становления государственного контроля над обществом в европейских странах периода становящегося модерна. По мнению чинов политической полиции Российской империи, «революционерами» считались те, кто готовил свержение существующего строя в подполье. При этом жандармы к революционным легальным общественно-политическим силам относили всех, кто в местном обществе не позиционировал себя как «охранителей». Департамент полиции же рассценивал в качестве «революционной угрозы», кроме собственно революционеров-подпольщиков, группы «радикалов», «оппозиционеров» и «радикальных либералов», но исключал из «агентов революции» «либералов» в целом. Внутри системы политической полиции сложилось два образа «революции», которые в общем соответствуют двум понятиям «революция», описанным Р. Козеллеком. Первый, хронологически более ранний: революция — это сугубо политическое явление, связанное с изменением основ государственного строя (что, собственно, и произошло в 1905 году). Анализ делопроизводственной переписки политического сыска Российской империи рубежа XIX – XX вв. показывает, что руководству политической полиции (то есть чинам Департамента полиции) к началу XX в. был ближе именно образ революции не «политической», но «социальной». В этом смысле события революционного 1905 года имели для них первостепенное значение не столько с точки зрения изменения государственного строя (как было для жандармов), сколько как неизбежное отражение трансформационных процессов, имевших место в российском обществе.

Ключевые слова: политическая полиция, понятие «революция», Департамент полиции, жандармерия, история идей, радикализм, правящие элиты Российской империи.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-70-98.

*Бибикова Любовь Владимировна, к. ист. н., старший преподаватель МГУ им. М. В. Ломоносова, ulianovalv@gmail.com.

*** © Бибикова, Л. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Политическая полиция Российской империи — структура, которая была призвана охранять существовавший государственный строй. И хотя в нормативно-правовой базе главная задача Департамента полиции формулировалась как «предупреждение и пресечение преступлений и охрана общественной безопасности и порядка» (Свод законов Российской империи, 1906: 362), общепринятым в современной литературе является представление, казавшееся верным и современникам рубежа XIX–XX вв.: что политическая полиция, в первую очередь, должна была предотвращать революцию и бороться с революционерами.

Однако в литературе отсутствует подробное описание того, какой внутри политического сыска был образ, а точнее, образы революционных событий — того «проекта России», который несла с собой ожидаемая в обществе (и внутри политической полиции) в ближайшем будущем «революция». Не претендуя на полную и окончательную реконструкцию этих образов, попробуем описать и проанализировать некоторые их черты на рубеже XIX–XX вв., то есть в исторический период, предшествовавший началу Первой русской революции.

В историко-теоретической литературе, так или иначе касающейся полиции, нередко предлагается рассматривать политический сыск Российской империи в рамках концепции «полицейского государства» — государства, в котором та часть бюрократии, которая связана с полицейскими функциями, играет большую роль в управлении страной в целом¹. Не отвергая продуктивность этого подхода в отношении политической полиции имперского периода истории России в целом, применительно к обозначенному периоду (конец XIX — начало XX вв.), как показано в исследованиях последнего времени, деятели политического сыска не имели большого веса среди высшей бюрократии; рекомендации и аналитические записки Департамента полиции нередко игнорировались даже министром внутренних дел, не говоря уже о других инстанциях (Перегудова, 2000; Ульянова, 2009а).

В связи с этим представляется продуктивным в рамках данной статьи дополнить методологию «полицейского государства» концепцией «уликовой парадигмы», разработанной К. Гинзбургом применительно к европейским государствам периода становящегося модерна. Согласно Гинзбургу, в процессе трансформации от традиционного общества к обществу модерна «возникает все более отчетливая тенденция уже

¹ О концепции «регулярного полицейского государства» см.: Кильдошов, 2013; Филиппов, 2013; Raeff, 1983.

не суммарно-количественного, а качественного и капиллярно-проникающего контроля над обществом со стороны государственной власти» (Гинзбург, Козлова, 2004: 215). При этом итальянский антрополог предложил рассматривать стремление власти к такому «капиллярно-проникающему контролю» над обществом также в связи с развитием в XIX в. медицинских наук, популярности медицинского языка для описания процессов, происходящих в обществе². Гинзбург определяет это через медицинскую семейотику — «дисциплину, которая позволяет, опираясь на поверхностные симптомы», порой ничего не говорящие постороннему наблюдателю, «диагностировать болезни, недоступные для прямого наблюдения» (там же)³.

В этом контексте политическая полиция предстает ключевой государственной структурой, которая целенаправленно занималась «диагностической» состоянием общества, обладая для этого широким набором средств (перлюстрация, негласное наблюдение, наружное наблюдение, гласный надзор, секретная агентура и т. д.). И в этой «диагностике» большое место занимал анализ чинами политического сыска тех или иных общественных явлений, свидетельствующих о приближении революции.

При этом в политической полиции отсутствовало внутреннее единство в соответствующем анализе. Разница во взглядах на образ «будущей революции» во многом зависела от структурного контекста, то есть от того, из какого подразделения политического сыска исходил тот или иной документ. Однако дело не столько в функциональных различиях, сколько в мировоззренческих особенностях людей, служивших в той или иной структуре.

Руководящий орган политической полиции — Департамент полиции — входил в состав Министерства внутренних дел в качестве одного из подразделений. С момента упразднения в 1880 г. III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии кадровая политика в отношении Департамента полиции состояла в целенаправленном привлечении на службу лиц с юридическим образованием и стажем по судебному ведомству⁴. Как пишет крупнейший исследователь политической полиции З. И. Перегудова, «при комплектовании руководящего состава

²О «медикализации» общественного дискурса в XIX в. см.: Веер, 2007: 532–537.

³Об использовании медицинской терминологии в делопроизводственной переписке политической полиции см.: Ульянова, 2009b.

⁴Об этосе судебной корпорации во второй половине XIX в. см.: Уортман, Долбилов и Севастьянов, 2004.

Департамента МВД вплоть до 1902 г. стремилось брать в штат преимущественно лиц с юридической подготовкой. Директора Департамента полиции, вице-директора, чиновники особых поручений, прикомандированные к Департаменту, руководители структур (делопроизводств), как правило, имели высшее юридическое образование» (Перегудова, 2000: 337). Помимо пиетета перед законом служащие Департамента полиции — каким бы парадоксальным ни показалось это утверждение — отличались положительным отношением к умеренному либерализму в духе Б. Н. Чичерина, К. Д. Кавелина, А. Д. Градовского⁵.

Совсем иным было мировоззрение служащих местных подразделений политического сыска — губернских жандармских управлений (далее — ГЖУ). Жандармы, отличавшиеся от обычных военных только окончанием полугодовых курсов при Отдельном корпусе жандармов, были чужды тонкостям политического языка, формировавшегося в России во второй половине XIX в., а вместе с тем — погружены в губернскую и уездную провинциальную жизнь; они мыслили политическое пространство через верноподданнические категории. При этом ГЖУ — единственные местные органы политической полиции, существовавшие в каждой губернии и области Российской империи, — были главными информаторами Департамента полиции о положении дел на местах на всем пространстве страны.

Однако ключевую роль в вопросах политического розыска в глазах руководства Департамента играли охранные отделения, существовавшие в наиболее активных центрах революционного движения⁶. В охранных же отделениях, в свою очередь, весомое положение занимали бывшие секретные агенты, знавшие революционное движение изнутри и склонные оперировать языком революционного подполья в делопроизводственной переписке. Среди наиболее известных бывших секретных агентов, ставших успешными «охранниками», — начальник Московского охранного отделения, автор политики «полицейского социализма» С. В. Зубатов и заведующий Заграничной агентурой П. И. Рачковский, однако ими список отнюдь не исчерпывается (Ульянова, 2009с).

Таким образом, политическая полиция представляла собой совокупность структур, служащие каждой из которых оперировали политическим языком, во многом зависевшим от доминирующего типа ми-

⁵О идеях умеренного либерализма см.: Ведерников и др., 1997: 12–25.

⁶До начала XX в. — в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, с 1902 г. — еще в девяти крупных губернских городах. Сюда же стоит отнести Заграничную агентуру в Париже.

ровоззрения чинов каждого подразделения, а также задач, стоявших перед данной структурой, и окружающего общественно-политического пространства.

Понятие «революция», если воспользоваться разработанной немецким теоретиком Р. Козеллеком методологией истории понятий, было одним из базовых понятий в дискурсе образованного общества России рубежа XIX–XX вв. Как отмечает Э. Бедекер, неотъемлемой чертой «базовых понятий» является их ориентированность на будущее, проектность содержащихся в них смыслов, а также их способность быть важным инструментом политической борьбы (Бедекер, Дубина, 2010).

В коллективной статье Н. Бульста, Р. Козеллека, К. Майера и Й. Фиша указывается, что одно из ключевых составляющих понятия «революция» — в отличие от понятий «смуты», «бунта», «восстания» и «гражданской войны» — это нацеленность на изменение государственного строя, на принципиальные изменения в политической системе страны (Бульст и др., 2014: 522, 523, 635, 644 и др.). Анализ делопроизводственной переписки служащих политического сыска Российской империи показывает, что под «революцией» понималось, прежде всего, «свержение самодержавия», то есть изменение формы правления с неограниченной власти монарха либо на конституционную монархию, либо на республику (в зависимости от убеждений стремившихся к революции групп).

В политической полиции различали два понятия: «революция» и «революционеры». «Революционерами» считались те, кто готовил свержение существующего строя в подполье, — сюда относилось большое количество нелегальных кружков, партий и групп как социал-революционного, так и социал-демократического толка, борьба политического сыска с которыми подробно была описана еще в советской историографии⁷. Но на благо пришествия «революции» в общероссийском масштабе трудились не только и даже не столько они, сколько общественно-политические группы, находившиеся в легальном пространстве («радикалы», «оппозиционеры», «либералы», «народники», «марксисты») и имевшие доступ к публичным ресурсам (трибуна земского и городского самоуправления, периодическая печать, публичные лекции, народные чтения, земские школы, съезды врачей и т. п.). Общность из полицейской перспективы подпольного и, по сути, легального

⁷См.: Анисимов, 1989; Булдаков и др., 1981; Додонов и Кирьянов, 1990; Карелин, 1968; Павлов, 1989; Революция и общественное движение..., 1986; Самосудов, 1987; Соловьева, 1966; Эренфельд, 1983.

противоприветственного движений отразилась в одном из самых популярных и устойчивых словосочетаний, присутствовавших как в делопроизводственной переписке чинов политической полиции, так и в их мемуаристике, — «революционное и оппозиционное движение»⁸.

Донесение начальника Санкт-Петербургского охранного отделения в Департамент полиции (1893 г.) отражает тонкую грань между легальным и нелегальным в языке полицейского описания революционного движения:

В конце 1890 г. среди некоторых лиц противоприветственного направления возникла мысль об организации кружка из лиц либерального образа мыслей, занимающих общественные должности, преимущественно земских деятелей и земских педагогов, в видах *противодействия мероприятиям правительства на законной почве*. Не преследуя прямо революционных предприятий, кружок, по мысли его основателей, должен стремиться сплотить всех недовольных и *действуя в круге предоставленной им власти и на земских собраниях, или на собраниях ученых обществ*, производить давление на правительство посредством петиций, указывающих на необходимость освободительных реформ (курсив мой. — Л. Б.) (О сыне надворного советника..., 1893).

Подобные представления были свойственны всем чинам политического сыска: формально-легальные общественно-политические группы (то есть группы, не запрещенные законом, который в принципе не предполагал наличие публичной политики в самодержавном государстве) воспринимались как серьезная сила, работающая на «свержение самодержавия». О «легальной оппозиции» писали многие служащие Департамента полиции: директора С. Э. Зволянский и А. А. Лопухин, заведующий Особым отделом Департамента Л. А. Ратаев, руководитель 5-го делопроизводства В. К. Лерхе, сотрудник 3-го делопроизводства Н. А. Пешков (О вдове сенатора..., 1893; О дворянине..., 1899; О тверском земстве, 1895). О «легальной агитации» местных революционных кружков интеллигенции писал в январе 1902 г. начальник Владимирского ГЖУ (О совещаниях..., 1901).

⁸С многочисленными вариациями: «революционные и оппозиционные группы», «революционные и оппозиционные кружки», «революционные и оппозиционные деятели» и т. п. (Новицкий, 1991; Спиридович, 1991; Рууд и Степанов, 1993: 4, 270, 275, 381; Перегудова, 2000: 295–310; Реент, 2002: 248 и далее; Герасимов, 2004; Мартынов, 2004; Заварзин, 2004a,b).

Вместе с тем в политической полиции полагали, что именно легальное оппозиционное и откровенно противоправительственное общественно-политическое пространство задает основания для развития подпольной и полуподпольной (как различные студенческие кружки) деятельности. Без первых вторые лишились бы существенной подпитки (в том числе финансовой и моральной).

Один из основных лейтмотивов в донесениях жандармов из разных уголков Российской империи в Департамент полиции — это сочувствие и покровительство «революционерам» со стороны «либералов», преимущественно в виде обеспечения работой и финансовой помощи. Например, начальник Орловского ГЖУ в июне 1894 г. писал об известном земском деятеле, писателе, на рубеже 1870–1880-х гг. побывавшем в ссылке, — И. П. Белоконском:

Состоящий под негласным надзором полиции с давнего времени, занимающийся по найму статистическими работами при Орловской губернской земской управе дворянин Белоконский [...] жена Валери занимается переводами на русский язык иностранных сочинений. Сестры — [...] уроками у частных лиц [...]. Все эти лица скромностью образа жизни, поведением с видимыми занятиями стараются показать себя во всех отношениях благонадежными, но политическая благонадежность их крайне сомнительна, они тщательно скрывают свои сношения. Ведя знакомство в Орле лишь с одними поднадзорными лицами, но не со всеми вполне откровенны, заявляя себя с некоторыми только либеральными, Белоконские готовы принять у себя и политического нелегального, оказать ему ночной приют и денежную помощь, называя это посильным добрым делом для несчастного (О дворянине..., 1893).

Жандарм из Твери в 1885 г. сообщал в Департамент о местном земском деятеле А. Б. Врасском: «Будучи по своим убеждениям крайне враждебно настроен к существующему порядку в России, Врасский по своим возможностям протезирует и помогает лицам, скомпрометированным в политическом отношении и неблагонадежным, каковыми он и наполнил тверскую губернскую земскую управу» (Политический обзор..., 1885а). Спустя четыре года из этой же губернии в Департамент писали: «Отличаясь редким единодушием и сплоченностью..., тверское земство всегда охотно оказывает поддержку каждому отдельному лицу, где-либо и когда-либо замеченному в политической неблагонадежности, с полною готовностью принимая его на службу, подыскивая ему работу», а

существование, по слухам, секретного вспомогательного фонда, образуемого, будто бы из остатков и сбережений тверского общества взаимного кредита

и общества Ладо, находящихся в бесконтрольном заведывании политически неблагонадежных лиц — Апостолова, Петрункевичей, Шуянинова, Кащенко и др., привлекают сюда массу поднадзорных из разных мест империи и заставляют их стремиться не в какую-либо другую, а именно в Тверскую губернию с полной и основательной надеждою найти здесь всякого рода сочувствие, нравственную поддержку и материальную помощь (Политический обзор..., 1888).

Охранные отделения также волновали целенаправленные попытки различных «общественных деятелей» выйти на связь с «революционерами». Так, заведующий Заграничной агентурой Департамента полиции в Париже П. И. Рачковский в 1886 г. писал о контактах деятелей «легального пространства» с эмигрантами-народовольцами, жившими в Европе после разгрома «Народной воли» в России в начале 1880-х гг.:

Задуманное было сначала в виде замены неудобного к перевозке в Россию «Вестника» [Народной воли. — Л. Б.] издание периодического революционного листка осложнилось предложением каких-то сочувствующих революционному движению «либералов», которые предлагают будто бы в распоряжение народовольческой группы за границей значительные денежные суммы, с тем чтобы Тихомиров [речь идет о Л. А. Тихомирове. — Л. Б.] перешел из сферы узкоконспиративной деятельности «народовольца» на почву широкого общественного воздействия и заинтересовал бы программой новой газеты все, даже самые умеренные оппозиционные элементы в России (По сообщениям заведующего..., 1886).

Взаимодействие легального и нелегального противоправительственных движений стало темой донесения Рачковского в 1890 г.: при наблюдении за народовольцем П. Л. Лавровым

было [...] установлено, что названный революционер посетил два раза некоего Максима Ковалевского, прибывшего из Москвы 14/26 января [...] Из дальнейших расследований усматривается, что упомянутый Ковалевский, принадлежа к либеральному кружку в Москве, оказывает разные услуги революционерам, сочувствуя вообще революционному движению как за границей, так и в России (По сообщениям заведующего..., 1891).

Позднее, в октябре 1894 г., Рачковский сообщал в Департамент полиции: «Сознавая будто бы важность минуты, русские либералы обратились за содействием к подпольным революционерам, чтобы совместно с ними приступить к действительному разрушению государственного строя России» (Произведения нелегальной печати, 1898).

При общем понимании, что в по факту легальном политическом поле действуют различные силы, способствующие революции, внутри политической полиции отсутствовало единство в следующем вопросе: какие же из этих легальных общественно-политических сил «работают» на революцию. Служащие ГЖУ включали в число таковых всех, кто в местном сообществе не позиционировал себя как «охранителей». В то же время Департамент полиции относил к тем, кто способствует революции, кроме собственно революционеров-подпольщиков, группы «радикалов», «оппозиционеров» и «радикальных либералов», исключая тем самым «либералов» в целом из «агентов революции» — против чего постоянно возражали в своих донесениях жандармы.

Стратегии жандармов и чинов Департамента полиции заметным образом отличались и в использовании понятия «революция» в качестве риторического инструмента: для оправдания собственных действий (или бездействия), для обоснования тех или иных мер, в карьерных или иных целях. Жандармы были склонны оперировать «революционной угрозой» как актуальной мотивацией для собственной деятельности (или бездействия) в губерниях, для поиска «врагов» в окружающем их обществе.

Показательна риторическая игра, которую вел руководитель Тверского ГЖУ с Департаментом полиции во второй половине 1880-х гг., описывая либеральное движение в подведомственной его надзору губернии в революционных терминах. Так, в политическом обзоре за 1884 г. жандарм характеризовал известного общественного деятеля, видного либерала Ф. И. Родичева:

Крайне вредный и опасный пропагандист, ибо в деле преступной деятельности Русской анархической партии принимает активное участие, что вполне выяснилось дознанием, так как в 1879 г. [...] Софья Перовская, Вера Филлипова, урожденная Фигнер, и другие участники взрыва полотна [...] проживали в имении Родичева (Политический обзор..., 1885b).

Вторил начальнику его помощник в Новоторжском уезде, сообщая о местных либералах:

Линд, обязанный всем Бакуниным, не только усвоил себе их взгляды, но и опередил своих руководителей в слепом озлоблении своем к единодержавной власти [...] если бы не природная трусость Линда и не влияние Бакуниных, благодаря которым Линд в данное время не принимает активного участия

в злодеяниях русской анархически-террористической партии, то Линд явился бы в рядах террористов исполнителей (Политический обзор..., 1885с).

В 1888 г. аналогичные характеристики были выданы известному либералу М. И. Петрункевичу — это один «из наиболее вредных деятелей в смысле распространения социально-революционного движения по Тверской губернии» (Политический обзор..., 1889). В июне 1889 г. начальник местного ГЖУ в записке о тверском земстве на имя директора Департамента полиции среди участников «социал-революционного движения» называл известных общественных деятелей: братьев П. А. и А. А. Бакуниных, М. П. Литвинова, Д. Н. Квашнин-Самарина, М. И. и И. И. Петрункевичей, В. И. Покровского, Ф. И. Родичева (По сообщениям начальника..., 1888).

В схожем духе почти двадцать лет спустя рассуждал руководитель Черниговского ГЖУ в политическом обзоре за 1904 г.: «Ненависть к губернатору постоянно подогревается со стороны вожжаков либеральной партии всех оттенков... По имеющимся агентурным сведениям против губернатора и вице-губернатора можно ожидать каких-либо террористических актов» (Политический обзор..., 1905).

Однако чины Департамента полиции нередко игнорировали «революционную истерику» представителей местной власти. Характерна история с ярославским губернатором, который, видимо, решил примерить на себя роль сыщика.

В своем донесении министру внутренних дел В. К. Плеве в январе 1904 г. губернатор писал о собственном негласном наблюдении за видным общественным деятелем Д. И. Шаховским через «секретного агента Антонину Прокопьевну», высланную из Баку за участие в местной социал-демократической организации. Губернатор обвинял Шаховского в руководстве Северным комитетом социал-демократической рабочей партии. Свое знакомство с Д. И. Шаховским «агент» описывала следующим образом: он попросил назвать фамилии ее руководителей по социал-демократической организации в Баку. Она назвала Г. М. Ласхишвили, на что Шаховской сказал: «А. Редактор газеты „Цнабич Пурцей“». Потом «я сказала Дмитрию Ивановичу „возьмите меня для агитации, я хочу мстить за угнетенный народ“». На что он ответил: «Благодарю, у меня сейчас есть трое, пока достаточно». После чего пригласил ее к себе домой на сходку, на которой заявил: «Я получил письмо от сосланных товарищей, они просят денег. У меня нет, я решил обратиться к вам. Друзья, соберем, как и в прошлые года, и пошлем

не по почте, а с кем-нибудь из наших...». Губернатор предлагал через прокурора Ярославского окружного суда «поймать главных участников во время или по окончании их заседаний» или «произвести в ближайшее время ликвидацию и обыски у всех заподозренных лиц». И получил ответ: «Это философские рассуждения о понятиях русского народа о Боге, Царе и [...] ничего предосудительного в себе не заключают» (О князе..., 1891).

Другой популярной практикой в Департаменте была передача полученной с мест информации в другие ведомства. В 1889 г. после нескольких донесений московского обер-полицмейстера о «тенденциозных» докладах в Юридическом обществе, имевших целью «осмеяние и опошление всех правительственных мер и порядков», Департамент сообщил эти сведения в Министерство народного просвещения, посчитав на этом свою миссию исчерпанной. Московский обер-полицмейстер был другого мнения. Столкновение позиций произошло в переписке о присяжном поверенном Г. А. Джаншиеве, который прочел в феврале 1890 г. доклад «Замечания по поводу организации местных административных и судебных учреждений». Сообщив об этом в Департамент и, видимо, не получив ответа, через четыре месяца обер-полицмейстер обратился к директору Департамента П. Н. Дурново с вопросом о том, не подлежит ли Джаншиев негласному надзору. Ответ Дурново был отрицательным. На этом обер-полицмейстер не успокоился и в очередном сообщении о московском юридическом обществе выразил свое опасение, «чтобы деятельность общества при таком составе его администрации не приняла крайне радикального направления». Дурново и в этот раз не изменил своей позиции:

О вредном направлении деятельности юридического общества в ноябре прошлого г. было сообщено министру народного просвещения, который 29 ноября 1889 г. уведомил [...] о сделанном председателю юридического общества через попечителя учебного округа в предостережении, что в случае допущения к прочтению в заседаниях общества рефератов тенденциозного характера, общество будет закрыто. В виду сего в настоящее время не встречается надобности в каких-либо распоряжениях по отношению к упомянутому обществу. К обязанности полиции надлежит лишь отнестись наблюдение за происходящими в обществе чтениями, с тем, чтобы обо всем заслуживающим внимания своевременно доводилось до сведения Департамента (О московском юридическом обществе, 1889).

Для Департамента полиции дискурс «революционной угрозы» становится актуальным в начале XX в. (в 1901–1904 гг.), отражая тем

самым скорее реальное общественно-политическое развитие страны, чем практику «дискурсивных игр».

Особенное внимание при этом чины Департамента и вместе с ним охранных отделений уделяли «радикалам». Это течение практически не известно в литературе об общественном движении, но, видимо, является аутентичным восприятию современников определенного общественно-политического сегмента. Один из общественных деятелей, В. Кранихельд, так описывал «радикалов» 1890-х гг. в 1917 г.:

Казалось, я попал в общество людей, которым жизнь уже не сулила в будущем ничего неизведанного, заманчивого, не открывала перед ними никаких перспектив. А между тем это были в большинстве люди молодые, студенты, только недавно еще потерпевшие на своем жизненном пути некоторую и, в сущности, незначительную аварию. Несчастье их заключалось однако в том, что вместе с этой личной аварией терпело крушение также их мирозерцание — рушились их идеалы, их вера в будущее. И чем круче подламывала жизнь их старые верования, тем нетерпимее относились они ко всем инакомыслящим, по-сектантски замыкаясь в свой маленький тесный кружок. Они добывали себе пропитание грошевыми уроками, называли себя «радикалами» и с особенной брезгливостью отзывались о местном культурном обществе — о либералах и либералишках (Кранихельд, 1917: 233).

Наиболее близкой к «радикалам» (и в то же время четко дистанцированной в восприятии полицейских) группой в легальном общественно-политическом пространстве были «либералы», о чем свидетельствуют многочисленные упоминания о «либеральных и радикальных кружках», «либеральной и радикальной публике», «либеральной и радикальной группах», «либеральной части общества и радикальной молодежи», «либерально-прогрессивной и радикальной фракциях» и пр.⁹ При этом «радикалы» нередко использовали «либералов» для попадания в легальное пространство и для создания себе публичных площадок. Так, начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов писал в 1901 г. о «близоруких либералах» в обществе взаимопомощи лиц интеллигентных профессий:

Дабы образовать так или иначе прочный и сильный комплот, радикалы, прикрываясь идеей взаимопомощи, привлекли к содействию некоторых близоруких либералов, политическая благонадежность коих не могла бы внушать подозрений, а затем, оформив при их помощи дело и собравшись в достаточном числе, сначала устранили на чрезвычайном общем собрании 16 марта

⁹Например, см.: О состоящих..., 1893.

прошлого года учредительный декорум и ввели в совет общества своих сторонников, а потом, к концу года, окончательно завладели его административными органами (О закрытии..., 1901).

При этом кажется правомерным утверждать, что умеренный либерализм и либерально-консервативные взгляды в Департаменте оценивались как «норма», а не как политическая «угроза». В делопроизводительной переписке главного «охранительного ведомства» вряд ли можно найти откровенные высказывания по этому поводу, однако некоторые косвенные «улики» позволяют сделать такой вывод. Так, директор Департамента Н. А. Петров на перлюстрированном письме известного журналиста Г. К. Градовского в Лондон в 1894 г. сделал такую помету: «Умеренный либерал. Можно не наблюдать» (). Деятели земского самоуправления ассоциировались в Департаменте полиции и в Московском охранном отделении с «умеренным либерализмом», причем полицейские чины полагали, что «радикалы» их используют «втемную» для раскачивания ситуации. Заведующий Особым отделом Департамента Л. А. Ратаев отмечал в 1902 г.:

За спинами увлекающихся и протестующих земцев всегда стоит в качестве подсказчика земский статистик, земский писарь, земский врач, агроном и т. п. В одной губернии земские учреждения находятся под давлением заведывающего земским санитарным бюро, в другом вдохновителем является главный статистик, в третьем — заведующий по вольному найму страховым отделом и т. д. (О легальной оппозиции, 1902).

Начальник Московского охранного отделения В. В. Ратко и вовсе находился под влиянием неославянофильского течения, связанного с именем известного земца Д. Н. Шипова. В записке, датируемой февралем 1905 г., положительно характеризуя «политику доверия» министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского в противовес политике его предшественника В. К. Плеве, Ратко, по сути, воспроизвел некоторые постановления земского съезда ноября 1904 г. в версии сторонников Д. Н. Шипова.

Для предотвращения надвигающейся катастрофы необходимо безотлагательно: 1. дать возможность умеренным общественным элементам применить свои силы в деле служения государству и участия в законодательных работах, наряду с правительственными чиновниками (обусловив эту меру имущественным цензом) [...] 3. пересмотреть уставы высших учебных заведений, предоставив принять участие в обсуждении этого вопроса представителям от профессуры в высших учебных заведениях (Записки начальников..., 1904)¹⁰.

¹⁰О постановлениях ноябрьского земского съезда 1904 г. см.: Второй съезд..., 1904.

В начале XX в. для Департамента полиции именно «радикализм» стал главной легальной угрозой с точки зрения расползания революционных настроений за пределы подполья, в широкие слои общества. В 1901 г. руководство политического сыска дало определение тому спектру общественно-политических деятелей, которые легально трудились на благо «пришествия революции». Толчком к этому стали события 4 марта 1901 г. Тогда студенческая демонстрация у Казанского собора в Санкт-Петербурге была разогнана полицией, что вызвало волну негодования в среде интеллигенции.

Заведующий Особым отделом Департамента полиции (ключевой аналитической структуры политического сыска) Л. А. Ратаев и руководитель Департамента С. Э. Зволянский писали в записке о событиях, связанных со студенческой демонстрацией:

Выясны все главнейшие деятели радикально-оппозиционной группы, захватившей за последние два года руководство всем революционным движением в Петербурге и ознаменовавшей свою деятельность за последнее время подстрекательством учащейся молодежи и рабочих к устройству уличных манифестаций, а либеральной части общества к предъявлению правительству разных неосновательных и неподлежащих удовлетворению требований (Внутренняя агентура, 1898).

В другом месте Ратаев отмечал, что состоящие в «радикально-оппозиционной группе» добиваются «низвержения в более или менее отдаленном будущем существующего ныне в империи государственного строя» (Свод данных..., 1898). Более развернутое определение «радикально-оппозиционной группы» было сформулировано в циркуляре № 6234 (июнь 1901 г.), составленном в Департаменте полиции и разосланном губернаторам, градоначальникам, обер-полицмейстерам и начальникам ГЖУ от имени и за подписью министра внутренних дел Д. С. Сипягина: группа

лиц, преимущественно интеллигентных профессий, которые, не принимая непосредственного участия и даже намеренно устранившись от активной революционной деятельности, поставили себе задачей, путем устройства вечеринок, чтения речей и рефератов на соответствующие темы, а также издательства систематически подобранной тенденциозной литературы, готовить в среде молодежи и рабочих противоправительственных деятелей и агитаторов (О профессоре..., 1893).

В историографии начало Первой русской революции традиционно датируется 9 января 1905 г., однако для чинов политической полиции

революция началась в конце 1904 г. — с так называемой «банкетной кампании», когда по всей стране прокатились публичные мероприятия в честь 40-летия судебной реформы, сопровождавшиеся «крайне антиправительственными» речами. Публичное пространство оказалось захвачено революционным дискурсом. Причина этого, по мнению чинов политического сыска, состояла в объединении подпольщиков с тем спектром общественного движения, который в Департаменте называли «легальной оппозицией». Так, в записке от ноября 1904 г. чиновник Департамента полиции Н. Д. Зайцев отмечал:

30 сентября в Париже по инициативе финляндской оппозиции состоялась конференция революционных и оппозиционных групп, решивших заключить союз для ведения общими силами в настоящее тяжелое [...] время борьбы с самодержавным режимом, причем русская либеральная партия (бывшая группа русских конституционалистов или освобожденцев Петра Струве) постановила продолжать свои действия на легальной почве в земских и общественных учреждениях (О помощнике..., 1894).

Накануне демонстрации освобожденцев, социал-демократов и социал-революционеров 5 и 6 декабря 1904 г. начальник Московского охранного отделения Ратко писал: «Сделано все для создания революционного настроения и сознания, что самое главное, полной безнаказанности. Цинизм либералов и нахальство революционеров дошло до максимума, и, кажется, уже дальше идти нельзя» (цит. по: Козьмин, 1928: 41).

Попытка удержать стремительно сползающее в революцию публичное пространство в начале XX в. отразилась в практике личных переговоров чинов Департамента полиции с теми, кто это публичное пространство активно осваивал и «революционизировал». В отношении особо маститых деятелей оппозиционного движения или в особо тревожных ситуациях Департамент практиковал вызовы к директору или к министру внутренних дел. Так, в 1903 г. на беседу к министру внутренних дел был вызван Д. И. Шаховской, который был одной из самых серьезных проблем для жандармов Твери и Ярославля на протяжении около двадцати лет. При этом начальник Ярославского ГЖУ, который в течение предшествующего десятилетия неоднократно просил головную структуру политического сыска об избавлении губернии от Шаховского, получил из Департамента полиции такое письмо:

По приказанию господина министра имею честь уведомить, что предположения Ваши о необходимости высылки из пределов Ярославской губернии

признаны заслуживающими уважения. Но император во внимание к заслугам его отца и сестры повелел соизволить приостановиться внесением означенного дела в Особое совещание и, вызвав князя Шаховского в Санкт-Петербург, объявить ему, что дальнейшее участие его в агитации, происходящей в неблагонадежной части общества, поведет к высылке в одну из отдаленных местностей (О князе..., 1903а)¹¹.

Одновременно с Шаховским были вызваны для «личных объяснений» несколько его соратников (О князе..., 1903b).

После нелегального майского земского съезда 1902 г. его организаторы Д. Н. Шипов и М. А. Стахович были вызваны к министру В. К. Плеве, который стремился договориться с Шиповым о содействии власти со стороны так называемой «общественности» (Шацилло, 1985: 136–139). В конце 1902 г. в преддверии банкета, посвященного 200-летию печати, Плеве вызывал для личной беседы маститого народника Н. К. Михайловского, а директор Департамента полиции А. А. Лопухин — общественных деятелей Н. А. Рубакина, В. И. Чарнолуцкого, Г. А. Фальборка и С. А. Вейнберга. Целью властей являлось заключение «сделки» о форме банкета: он мог быть разрешен при условии отсутствия речей о конституции и адреса в этом духе (там же: 55).

Таким образом, в первые годы XX в. у чинов политической полиции всех уровней представление о надвигающейся «революции» приобретает устойчивую форму, а самым явным ее предвестником становится попадание революционного дискурса в публичное общественно-политическое пространство.

Отдельной темой, важной для служащих политической полиции, было содержание «будущей революции». Из делопроизводственной переписки ясно, что жандармы видели главную цель всех революционных сил в «освобождении» с анархической подкладкой: установлении «свободы» во всех ее возможных проекциях — начиная от комплекса «политических свобод» и неконтролируемого публичного пространства общественных дискуссий и заканчивая отсутствием дисциплины в учебных заведениях и моральных норм в частной жизни. В этом смысле жандармы были ближе к сугубо «охранительному дискурсу», представленному фигурами К. П. Победоносцева, М. Н. Каткова, В. А. Грингмута, В. П. Мещерского и трактовавшего «революцию» как нацеленное на сугубо политическое действие.

¹¹О вызове Д. И. Шаховского к министру В. К. Плеве см.: Шацилло, 1985: 95.

В Департаменте полиции же, с одной стороны, были склонны трактовать возможную в будущем «революцию» как следствие социальной неудовлетворенности низов, отсутствия легального публичного пространства для развития низовой самоорганизации. Во многом в этом представлении берет корни поддержка так называемой политики полицейского социализма, осуществлявшейся разными директорами Департамента полиции и приведшей к карьерному росту ее автора С. В. Зубатова из начальников Московского охранного отделения в заведующие Особым отделом Департамента полиции.

С другой стороны, чины Департамента настойчиво писали в первые годы XX в. о том, что революция неизбежна при сохраняющейся слабости системы власти, отсутствии единства во властной системе, внутренних колебаниях, а также при следовании и — более категорично — потакании общественному мнению. В результате с полицейской перспективы размывались границы допустимого политического поведения и критерии, по которым легальное пространство могло быть ограничено от проникновения «революционных настроений». Заведующий Особым отделом Департамента полиции Л. А. Ратаев писал об этом в 1902 г.:

Позволю себе коснуться [...] вопроса [...] о крайней податливости к ходатайствам за революционеров разных высокопоставленных лиц. Обыкновенно эти лица совершенно не знают или очень мало знают тех людей, за которых просят, а действуют в громадном большинстве случаев по чужим ходатайствам. Добившись освобождения или прощения их протееже, высокопоставленные лица, рассыпавшись в благодарностях, возвращаются в свою среду и там в интимных беседах весьма не благоприятно отзываются о направлении Министерства внутренних дел, вполне логично по своему рассуждая, что если бы лицо, за которое они просили, было действительно виновато, то не помогли бы никакие просьбы, между тем стоило сказать слово и вот [...] Следовательно, государственная полиция действует зря, без достаточных оснований. В таком же виде слухи о деятельности государственной полиции доходят до двора, а оттуда восходят далее (О легальной оппозиции, 1902).

Начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов размышлял в связи со скандалом вокруг спектакля «Контрабандисты» в театре А. С. Суворина: во время премьеры спектакля студенты под влиянием кружка князя В. В. Бярятинского устроили беспорядки в зале, после чего местная власть распорядилась о снятии пьесы из репертуара. С. В. Зубатов, предчувствуя снятие пьесы, писал:

Индифферентизм к таким вещам может легко породить полный политический разврат. Спустить этот инцидент — значит, расписаться в полученной оплеухе.

Кто же власть? Кто охраняет право частных лиц и групп как не власть? Не голое ли насилие учинили скандалисты над Сувориным, театром и артистами, получившими от установленных властей п р а в о [разрядка в тексте. — Л. Б.] на постановку пьесы. Если власть окажется бессильной защитить от них дарованное ею право, то, что же Россия — отживающая страна. Накануне она что ли переворота? [...] Да ведь это бездействие власти — приведет в уныние всякого благонамеренного человека и даже озлит его: не повиноваться же в самом деле шайке мальчишек с деканатами-руководителями во главе. Нет, надо виновных вздуть, да покрепче, а то раскачаете и другие города [...] Неужели пьесу снимут? Ведь это показать свое бессилие — опасная вещь для будущего (Внутренняя агентура, 1898).

Отсутствие внятного курса власти, ее колебания вслед за общественными настроениями воспринимались внутри политического сыска как главная угроза, способствующая скорому «пришествию» революции — и этот аргумент был одним из наиболее популярных во внутренней переписке ее деятелей как перед Первой русской революцией, так и накануне 1917 г.

При этом деятели политического сыска еще до начала Первой русской революции психологически жили с ощущением скорого и практически неотвратимого наступления революционной поры. Внутренние же различия сводились к разнице в представлениях о том, по каким причинам эта пора наступит. Жандармы со свойственными им антипрогрессорскими настроениями, по большей части, были склонны винить в предстоящей революции современное им общество, нежелающее жить в верноподданнической, а значит, досовременной парадигме мироустройства. Чины же Департамента полиции и некоторые деятели охранных отделений скорее возлагали ответственность за будущий революционный взрыв на власть, бесконечно колеблющуюся на протяжении предшествующего полувека между стремлением сохранить традиционные для самодержавия политические формы и настойчивым и неумолимым прогрессизмом «образованного меньшинства».

Таким образом, обобщая (и неизбежно упрощая), можно утверждать, что внутри системы политической полиции сложилось два образа «революции», которые в общем и целом соответствуют двум понятиям «революция», описанным Р. Козеллеком. Первый: революция — это сугубо политическое явление, связанное с изменением основ государственного строя (что, собственно, и произошло в 1905 г.): в рамках методологии истории понятий, таким и было изначальное смысловое наполнение этого термина. Второй же образ «революции» в Европе

возник ближе к середине XIX в.; в частности, в Германии появилось различие «политической революции», которая касалась государственной-гражданской, конституционно-правовой стороны, и «социальной» — касавшейся общества (Бульст и др., 2014: 699). Анализ делопроизводственной переписки политического сыска Российской империи рубежа XIX–XX вв. показывает, что руководству политической полиции (то есть чинам Департамента полиции) к началу XX в. был ближе именно такой образ революции. В этом смысле события революционного 1905 г. имели для них первостепенное значение не столько с точки зрения изменения государственного строя (как было для жандармов), сколько как неизбежное отражение трансформационных процессов, имевших место в российском обществе.

СОКРАЩЕНИЯ

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

Источники

Рукописные источники

- Внутренняя агентура. Агентурные сведения из Москвы. Л. 192–193. Переписка // ГАРФ. — 1898. — Ф. 102. — Особый отдел. — 1898. — Д. 2. — Ч. 1. — Лит. В.
- Внутренняя агентура. Личное и денежное дело сотрудника М.И. Харьковцева. Л. 64. Записка // ГАРФ. — 1898. — Ф. 102. — Оп. 316. — 1898. — Д. 2. — Ч. 5. — Т. 1.
- Записки начальников охранных отделений о революционных организациях в их районах. Л. 48. Записка начальника Московского отделения по охране общественной безопасности. О постановлениях ноябрьского земского съезда 1904 г. // ГАРФ. — 1904. — Ф. 102. — Особый отдел. — 1904. — Д. 1195.
- О вдове сенатора тайного советника Александре Михайлове Калмыковой. Л. 6. Справка // ГАРФ. — 1893. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — 1893. — Д. 1200.
- О дворянине Иване Петрове Белокономском. Л. 69–70. Донесение начальника Орловского жандармского управления // ГАРФ. — 1893. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — 1893. — Д. 820.
- О закрытии Московского Общества взаимопомощи лиц интеллигентных профессий. Л. 2, 6. Донесение // ГАРФ. — 1901. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — 1901. — Д. 933.
- О князе Дмитрие Ивановиче Шаховском, обвиняемом в политической неблагонадежности. Переписка // ГАРФ. — 1903а. — Ф. 102. — 7 делопроизводство. — 1903. — Д. 1791. — Л. 93.

- О князе Дмитрие Ивановиче Шаховском, обвиняемом в политической неблагонадежности. Переписка // ГАРФ. — 1903b. — Ф. 102. — 7 делопроизводство. — 1903. — Д. 1791. — Л. 49–53.
- О князе Дмитрие Ивановиче Шаховском. Переписка // ГАРФ. — 1891. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — 1891. — Д. 527. Т. 1. — Л. 152, 153. — Т. 2. — Л. 12, 82–103.
- О легальной оппозиции. Л. 3 об.-4. Записка для памяти // ГАРФ. — 1902. — Ф. 102. — Особый отдел. — 1902. — Д. 835.
- О легальной оппозиции. Л. 7. Записка для памяти // ГАРФ. — 1902. — Ф. 102. — Особый отдел. — 1902. — Д. 835.
- О московском юридическом обществе. Л. 7, 11, 13–14, 15–16. Переписка // ГАРФ. — 1889. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — 1889. — Оп. 87. — Д. 503.
- О помощнике присяжного поверенного Петре Бернгардове Струве. Л. 162a. Записка // ГАРФ. — 1894. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — Оп. 92. — 1894. — Д. 202.
- О профессоре Санкт-Петербургского университета Петре Францеве Лесгафте. Л. 58. Циркуляр // ГАРФ. — 1893. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — 1893. — Оп. 91. — Д. 434.
- О совещаниях в декабре 1901 г. и январе 1902 г. под председательством госпожи-на директора Департамента полиции начальников некоторых губернских жандармских управлений, в районах коих замечается особое развитие революционной пропаганды. Л. 64. Донесение начальника Владимирского жандармского управления // ГАРФ. — 1901. — Ф. 102. — Особый отдел. — 1901. — Д. 987.
- О состоящих при Императорском Вольном Экономическом обществе Санкт-Петербургском и Московском комитетах Грамотности. Л. 120, 138–143. Переписка // ГАРФ. — 1893. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — 1893. — Оп. 91. — Д. 635.
- О сыне надворного советника Генрихе Адольфове Фальборке. Л. 6. Справка // ГАРФ. — 1893. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — 1893. — Д. 1199.
- О тверском земстве. Всеподданнейший отчет. Л. 3–16 // ГАРФ. — 1895. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — 1895. — Д. 1719.
- По сообщениям заведующего Парижской агентурой и по переписке с ним. Л. 280–281. Донесение // ГАРФ. — 1886. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — Оп. 82. — 1886. — Д. 93.
- По сообщениям заведующего Парижской агентурой и по переписке с ним. Л. 69–69 об. Донесение // ГАРФ. — 1891. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — 1891. — Д. 1.
- По сообщениям начальника Тверского губернского жандармского управления. Л. 87–89. Донесение // ГАРФ. — 1888. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — 1888. — Оп. 84. — Д. 235.

- Политический обзор по Тверской губернии. Политический обзор // ГАРФ. — 1885а. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — Оп. 81. — 1885. — Д. 59. — Ч. 40. — Л. 2.
- Политический обзор по Тверской губернии. Политический обзор // ГАРФ. — 1885b. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — 1885. — Д. 59. — Ч. 40. — Л. 4.
- Политический обзор по Тверской губернии. Политический обзор // ГАРФ. — 1885с. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — 1885. — Д. 59. — Ч. 40. — Л. 32.
- Политический обзор по Тверской губернии. Политический обзор // ГАРФ. — 1888. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — 1888. — Д. 89. — Ч. 32. — Л. 2.
- Политический обзор по Тверской губернии. Политический обзор // ГАРФ. — 1889. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — 1889. — Д. 43. — Ч. 29. — Л. 11, 12.
- Политический обзор по Черниговской губернии. Л. 15. Политический обзор // ГАРФ. — 1905. — 102. — Особый отдел. — 1905. — 1 отделение. — Д. 106. — Ч. 11.
- Произведения нелегальной печати. Сношения членов Лондонской группы с кружком санкт-петербургских либералов, намеревающихся издавать в Лондоне свой специальный орган «Земский собор». Л. 2 об. Донесение заведующего Заграничной агентурой // ГАРФ. — 1898. — Ф. 102. — Особый отдел. — 1898. — Оп. 226. — Д. 14. — Ч. 6.
- Свод данных Департамента Полиции о проявлениях борьбы против правительства на легальной почве в Санкт-Петербурге. Л. 2. Записка для памяти // ГАРФ. — 1898. — Ф. 102. — Особый отдел. — 1898. — Д. 723.

Опубликованные источники

- Второй съезд земских деятелей. — СПб., 1904. — 6–9 ноября 1904.
- Герасимов А. В.* На лезвии с террористами // Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. Т. 2. — М. : Новое литературное обозрение, 2004.
- Мартынов А. П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. Т. 1. — М. : Новое литературное обозрение, 2004.
- Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма. — М. : Издательство МГУ, 1991.
- О дворянине Михаиле Иванове Туган-Барановском. Л. 157. Справка // ГАРФ. — 1899. — Ф. 102. — 3 делопроизводство. — 1899. — Д. 1055.
- Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 2. — СПб., 1906.
- Спиридович А.* Записки жандарма. — М. : Художественная литература, 1991.
- Заварзин П. П.* Жандармы и революционеры // Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. Т. 2. — М. : Новое литературное обозрение, 2004а.
- Заварзин П. П.* Работа тайной полиции // Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. Т. 1. — М. : Новое литературное обозрение, 2004b.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов Н. Н.* Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903–1917). — 1989.
- Бедекер Э.* Размышления о методе истории понятий / пер. с нем. В. Дубиной // История понятий, история дискурса, история метафор. — М. : Новое литературное обозрение, 2010. — С. 34–65.
- Борьба за массы в трех революциях в России: Пролетариат и средние городские слои / В. П. Булдаков [и др.]. — М. : Мысль, 1981.
- Ведерников В. В., Китаев В. А., Луночкин А. В.* Конституционный вопрос в русской либеральной публицистике 60–80-х гг. XIX в. — М. : Магистр, 1997.
- Гинзбург К.* Мифы-эмблемы-приметы: морфология и история / пер. с итал. С. Л. Козловой. — М. : Новое литературное обозрение, 2004.
- Додонов Б. Ф., Кириянов Ю. И.* Обзор архивных источников об основных формах массового рабочего движения в России, 1895 – февраль 1917. — М., 1990.
- Карелин А. П.* Русский полицейский социализм // Вопросы истории. — 1968. — № 10. — С. 41–58.
- Кильдюшов О. В.* Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. — 2013. — Т. 12, № 3. — С. 9–40.
- Козьмин Б. П. С. В.* Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников, жандармов и провокаторов. — М., Ленинград : Государственное издательство, 1928.
- Кранигельд В. В. Я.* Яковлев-Богучарский (по материалам Департамента полиции, Московского охранного отделения и по личным воспоминаниям) // Былое. — 1917. — Т. 23, № 1.
- Павлов Б. Д.* Эсеры-максималисты в Первой русской революции. — М. : Издательство Всесоюзного заочного политехнического института, 1989.
- Перегудова З. И.* Политический сыск России. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2000.
- Революция и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX в. — Новосибирск : Наука, 1986.
- Реент Ю. А.* Полицейская система Российской империи начала XX в. (1900–1917) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Реент Ю. А. — М. : Московский государственный университет, 2002.
- Рууд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. — М. : Мысль, 1993.
- Самосудов В. М.* Большевики Сибири в борьбе против царизма (1894 – февраль 1917 г.) — Иркутск : Издательство Иркутского университета, 1987.
- Словарь основных исторических понятий : избранные статьи. В 2 т. Т. 1. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg) / Н. Бульст [и др.] ; сост. Ю. Зарецкого, К. Левинсона, И. Ширле ; пер. с нем. К. Левинсон. — М. : НЛО, 2014. — С. 520–728.
- Соловьева М. В.* Царские провокаторы и дело социал-демократической фракции в Государственной Думе // Вопросы истории. — 1966. — № 8.

- Ульянова (Бибикова) Л. В. «Обезвредить хирургическими мерами нельзя»: либеральное движение глазами политической полиции (1880–1905 гг.) // Траектория в сегодня: россыпь историко-биографических артефактов. — Челябинск : Энциклопедия, 2009а. — С. 232–247. — К юбилею профессора И. В. Нарского.
- Ульянова (Бибикова) Л. В. Политическая полиция и либеральное движение, 1880–1905 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ульянова (Бибикова) Л. В. — М. : Московский государственный университет, 2009б.
- Ульянова (Бибикова) Л. В. Социально-профессиональный портрет политической полиции Российской империи (1880–1905) // Вестник Пермского университета. — 2009с. — Т. 9, № 2. — С. 92–101.
- Уортман Р. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России / пер. с англ. М. Л. Долбилова, Ф. Л. Севастьянова. — М. : Новое литературное обозрение, 2004.
- Филлипов А. Ф. К исторической ситуации полиции в России // Социологическое обозрение. — 2013. — Т. 12, № 2. — С. 41–42.
- Шаццлло К. Ф. Русский либерализм накануне революции. — М. : Наука, 1985.
- Эренфельд Б. К. Тяжелый фронт. Из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. — М. : Политиздат, 1983.
- Beer D. “Microbes of the Mind”: Moral Contagion in Late Imperial Russia // *The Journal of Modern History*. — 2007. — No. 79. — P. 532–537.
- Raeff M. *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800*. — Yale University Press, 1983.

Bibikova, L. V. 2018. “Politicheskaya politsiya kontsa XIX – nachala XX vv. i ‘revolyutsiya’: igra ponyatiyem ili real’naya ugroza? [The Political Police at the Turn of the Twentieth Century and the ‘Revolution’: A Game of Concept or the Real Threat?]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (2), 70–98.

LYUBOV’ BIBIKOVA

PHD IN HISTORY, SENIOR LECTURER AT THE LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

THE POLITICAL POLICE AT THE TURN OF THE TWENTIETH
CENTURY AND THE “REVOLUTION”:
A GAME OF CONCEPT OR THE REAL THREAT?

Abstract: This article is concerned with the interpretation of the concept of *revolution* by various structures of the political police of the Russian Empire of the late 19th – early 20th centuries (Department of police, security departments, provincial gendarmerie management) — the union of state institutions which had to fight the revolution. In the frames of the history of concepts developed by R. Kozellek, attention is drawn to the fact that the *revolution* alike the concepts of *troubles*, *revolt*, *uprising*, and *civil war* is aiming at changing of the state

system, on fundamental transformations in the political system of the country. The theoretical framework for the explication of this approach to the records of political investigation is the concept of *evidence paradigm* proposed by K. Ginzburg to describe the process of the formation of state control over society in the European countries of the period of becoming Modern. According to the officials of the political police of the Russian Empire, *revolutionaries* were those who aimed to overthrow the existing system; those who belonged to the underground resistance. But they were not those who did the most for the benefit of the *revolution* on an all-Russian scale – not compared to the socio-political groups that existed in the legal space and had access to the publicity. At the same time, gendarmes regarded everyone, who did not consider himself an *ohranitel* (Russian for conservator) as a representative of revolutionary legal socio-political forces. The Police Department of Russia regarded not only underground revolutionaries themselves to be a *revolutionary threat*, but also the radicals, the opposition members, and the radical liberals; liberals in general, though, were not considered to be the agents of the revolution. Two images of *revolution*, which were formed within the system of the political police, in general correspond with the two concepts of *revolution*, described by R. Kozellek. In the first, which is chronologically younger, revolution is considered to be an exclusively political phenomenon concerned with the change of the bases of a state system (which actually occurred in 1905). The second image of the *revolution*, which originated in Europe in the middle of the 19th century, suggested the distinction of *political revolution* (i. e. one that is concerned with the state-civil, constitutional and legal side) and *social revolution* (concerned with the society). Analysis of the correspondence of the political investigation forces of the Russian Empire at the turn of the 19th–20th centuries shows that this image of the revolution resonated with the leadership of the political police (i. e. the officials of the Department of police) by the beginning of the 20th century. In this sense, the events of the revolutionary 1905 year had primary importance for them not so much in terms of changes in the state system (as it was for the gendarmes), but as an inevitable reflection of the transformational processes that took place in the Russian society.

Keywords: Russian Political Police, the Concept of Revolution, Police Department of Russia, Gendarmerie, History of Ideas, Radicalism, Ruling Elites of the Russian Empire.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-70-98.

REFERENCES

- Anisimov, N. N. 1989. "Bor'ba bol'shevikov protiv politicheskoy taynoy politzii samodержaviya (1903–1917) [The Struggle of Bolsheviks with the Political Secret Police of the Autocracy (1903–1917)]" [in Russian]. (Sverdlovsk).
- Bedecker, E. [Bödeker, H. E.] 2010. "Razmyshleniya o metode istorii ponyatiy [Ausprägungen der historischn Semantik in den historischen Kulturwissenschaften]" [in Russian]. In *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya metafor [Begriffs-geschichte, diskurs-geschichte, metaphern-geschichte]*, trans. from the German by V. Dubina, 34–65. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Beer, D. 2007. "'Microbes of the Mind': Moral Contagion in Late Imperial Russia." *The Journal of Modern History*, no. 79: 532–537.
- Buldakov, V. P., et al. 1981. *Bor'ba za massy v trekh revolyutsiyakh v Rossii. Proletariat i sredniye gorodskiye sloi [The Fight for the Masses in Three Russian Revolutions: Proletariat and Urban Middle Class]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Dodonov, B. F., and Yu. I. Kir'yanov. 1990. *Obzor arkhivnykh istochnikov ob osnovnykh formakh massovogo rabocheho dvizheniya v Rossii, 1895 – fevral' 1917 [Review of the*

- Principal Archival Sources on the Main Forms of Mass Labor Movement in Russia, 1895 – February 1917*] [in Russian]. Moskva [Moscow].
- Erenfel'd, B. K. 1983. *Tyazhelyy front. Iz istorii bor'by bol'shevikov s tsarskoy taynoy politseysyey* [A Difficult Front. From the History of the Struggle of the Bolsheviks and the Tsarist Secret Police] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Politizdat.
- Filippov, A. F. 2013. "K istoricheskoy situatsii politzii v Rossii [On the Historical Situation with the Police in Russia]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian Sociological Review] 12 (2): 41–42.
- Gerashimov, A. V. 2004. "Na lezvii s terroristami [On the Edge with the Terrorists]" [in Russian]. In vol. 2 of *Okhranka. Vospominaniya rukovoditeley politicheskogo syska* [Okhrana. Memoirs of the Domestic Intelligence Head Officers]. 2 vols. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Ginzburg, K. 2004. *Mify-emblemy-primety: morfologiya i istoriya* [Miti, emblemi, spie. Morfologia e storia] [in Russian]. Trans. from the Italian by S. L. Kozlova. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Karelin, A. P. 1968. "Russkiy politseyskiy sotsializm [Russian Police Socialism]" [in Russian]. *Voprosy istorii* [Issues of History], no. 10: 41–58.
- Kil'dyushov, O. V. 2013. "Politsiya kak nauka i politika: o rozhdenii sovremennogo poryadka iz filosofii i politseyskoy praktiki [Police as Science and as Politics: On the Birth of the Contemporary Order from the Philosophy and Political Practice]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian Sociological Review] 12 (3): 9–40.
- Koz'min, B. P. 1928. *S. V. Zubatov i yego korrespondenty. Sredi okhrannikov, zhandarmov i provokatorov* [S. V. Zubatov and His Correspondents. Amongst the Guards, Gendarmes and Provocateurs] [in Russian]. Moskva [Moscow] and Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo.
- Kranikhel'd, V. 1917. "V. Ya. Yakovlev-Bogucharskiy (po materialam Departamenta politzii, Moskovskogo okhrannogo otdeleniya i po lichnym vospominaniyam) [V. Ya. Yakovlev-Bogucharskiy (on the Materials of Police Department, Moscow Secret Police, and Personal Memories)]" [in Russian]. *Byloye* [The Past] 23 (1).
- Martynov, A. P. 2004. "Moya sluzhba v Otdel'nom korpuse zhandarmov [My Service in The Special Gendarme Corps]" [in Russian]. In vol. 1 of *Okhranka. Vospominaniya rukovoditeley politicheskogo syska* [Okhrana. Memoirs of the Domestic Intelligence Head Officers]. 2 vols. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Novitskiy, V. D. 1991. *Iz vospominaniy zhandarma* [From the Memories of a Gendarme] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo MGU.
- "O dvoryanine Ivane Petrove Belokonskom. L. 69–70. Doneseniye nachal'nika Orlovskogo zhandarm'skogo upravleniya [Concerning Ivan Petrov Belokonskiy, a Nobleman. P. 69–70. Report of the Head of the Oryol Gendarmes Department]" [in Russian]. 1893. In *GARF* [State Archive of the Russian Federation]. 102/1893/820.
- "O dvoryanine Mikhaile Ivanove Tugan-Baranovskom. L. 157. Spravka [About Nobleman Mikhail Ivanov Tugan-Baranovskiy. P. 157. Reference]" [in Russian]. 1899. In *GARF* [State Archive of the Russian Federation]. 102/3/1899/1055.
- "O knyaze Dmitrii Ivanove Shakhovskom, obvinyayemom v politicheskoy neblagonadezhnosti. Perepiska [Concerning Prince Dmitriy Ivanov Shakhovskiy, Accused of Political Unreliability. Correspondence]" [in Russian]. 1903. In *GARF* [State Archive of the Russian Federation]. 102/7/1903/1791.
- "O knyaze Dmitrii Ivanove Shakhovskom, obvinyayemom v politicheskoy neblagonadezhnosti. Perepiska [Concerning Prince Dmitry Ivanov Shakhovskiy, Accused of Political Unreliability. Correspondence]" [in Russian]. 1903. In *GARF* [State Archive of the Russian Federation]. 102/7/1903/1791.

- bility. Correspondence]" [in Russian]. 1903. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102/7/1903/1791/93.
- “O knyaze Dmitrii Ivanoviche Shakhovskom. Perepiska [Concerning Prince Dmitry Ivanovich Shakhovskiy. Correspondence]" [in Russian]. 1891. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102/3/1891/527.
- “O legal'noy oppozitsii. L. 3 ob.-4. Zapiska dlya pamyati [About Legal Opposition. P. 3 ob.-4. Note for Memory]" [in Russian]. 1902. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102. Special Department. 1902/835.
- “O legal'noy oppozitsii. L. 7. Zapiska dlya pamyati [About Legal Opposition. P. 7. Note for Memory]" [in Russian]. 1902. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102 (Special Department). 1902/835.
- “O moskovskom yuridicheskom obshchestve. L. 7, 11, 13–14, 15–16. Perepiska [Concerning Moscow Law Society. P. 7, 11, 13–14, 15–16. Correspondence]" [in Russian]. 1889. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102/3/1889/87/503.
- “O pomoshchnike prisyazhnogo poverennogo Petre Bergardove Struve. L. 162a. Zapiska [Concerning Petr Bergardovich Struve, an Assistant Attorney in Law. P. 162a. Note]" [in Russian]. 1894. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102/3/91/1894/202.
- “O professore Sankt-Peterburgskogo universiteta Petre Frantseve Lesgafte. L. 58. Tsirkulyar [Concerning Peter Frantsevich Lesgaf, a Professor of St. Petersburg University. P. 58. Circulaire]" [in Russian]. 1893. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102/3/1893/91/434.
- “O sostoyashchikh pri Imperatorskom Vol'nom Ekonomicheskom obshchestve Sankt-Peterburgskom i Moskovskom komitetakh Gramotnosti. L. 120, 138–143. Perepiska [Concerning the St. Petersburg and Moscow Literacy Committees Attached to the Free Economic Society for the Encouragement of Agriculture and Husbandry. P. 120, 138–143. Correspondence]" [in Russian]. 1893. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102/3/1893/91/635.
- “O soveshchaniyakh v dekabre 1901 g. i yanvare 1902 g. pod predsedatel'stvom gospodina direktora Departamenta politsii nachal'nikov nekotorykh gubernskikh zhandarmskikh upravleniy, v rayonakh koikh zamechayet-sya osoboye razvitiye revolyutsionnoy propagandy. L. 64. Doneseniye nachal'nika Vladimirskego zhandarmskogo upravleniya [Concerning Meetings in the December, 1901 and January, 1902 under the Chairmanship of Mr. Director of Department of Policy Chiefs of Some Provincial Gendarmes' Offices, in Areas where the Rise of Revolutionary Propaganda is Especially Noticed. P. 64. Report of the Head of the Vladimir Gendarmerie Department]" [in Russian]. 1901. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102. Special Department. 1901/987.
- “O syne nadvornogo sovetnika Genrikhe Adol'fove Fal'borke. L. 6. Spravka [Concerning Heinrich Adol'fovich Fal'bork, a Court Counselor's Son. P. 6. Reference]" [in Russian]. 1893. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102/3/1893/1199.
- “O tverskom zemstve. Vspoddanneyshiy otchet. L. 3–16 [Concerning the Tver Zemstvo. The Most Allegiant Report. P. 3–16. Report]" [in Russian]. 1895. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102/3/1895/1719.
- “O vdove senatora taynogo sovetnika Aleksandre Mikhaylove Kalmykovoy. L. 6. Spravka [Concerning Aleksandra Mikhaylova Kalmykova, a Widow of the Senator of the Privy Councilor. P. 6. Reference]" [in Russian]. 1893. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102/3/1893/1200.
- “O zakrytii Moskovskogo Obshchestva vzaimopomoshchi lits intelligentnykh professiy. L. 2, 6. Doneseniye [Concerning Dismissal of the Moscow Society Mutual-Aid for the Persons in

- the Intellectual Professions. P. 2, 6. Report]" [in Russian]. 1901. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102/3/1901/933.
- Pavlov, B. D. 1989. *Esery-maksimalisty v Pervoy russkoy revolyutsii [Social-Revolutionary Maximalists in the First Russian Revolution]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Vsesoyuznogo zaochnogo politicheskogo instituta.
- Peregudova, Z. I. 2000. *Politicheskii syisk Rossii [Political Investigation in Russia]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- "Po soobshcheniyam nachal'nika Tverskogo gubernskogo zhandarm'skogo upravleniya. L. 87–89. Doneseniye [Reported by the Head of the Tver Provincial Gendarmerie Department. P. 87–89. Report]" [in Russian]. 1888. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102/3/1888/84/23.
- "Po soobshcheniyam zaveduyushchego Parizhskoy agenturoy i po perepiske s nim. L. 280–281. Doneseniye [Reported by the Chief of Paris Net of Agents through Correspondence with Him. P. 280–281. Report]" [in Russian]. 1886. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102/3/1888/89/32.
- "Po soobshcheniyam zaveduyushchego Parizhskoy agenturoy i po perepiske s nim. L. 69–69 ob. Doneseniye [Reported by the Chief of Paris Net of Agents through Correspondence with Him. P. 69–69 ob. Report]" [in Russian]. 1891. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102/3/1891/1.
- "Politicheskii obzor po Chernigovskoy gubernii. L. 15. Politicheskii obzor [Political Review of Chernigov Governorate. P. 15. Political Review]" [in Russian]. 1905. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102. Special Department. 1905/1/106/11.
- "Politicheskii obzor po Tverskoy gubernii. Politicheskii obzor [Political Review of Tver Governorate. Political Review]" [in Russian]. 1885. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102/3/1885/59/40/32.
- "Politicheskii obzor po Tverskoy gubernii. Politicheskii obzor [Political Review of Tver Governorate. Political Review]" [in Russian]. 1885. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102/3/1885/59/40/4.
- "Politicheskii obzor po Tverskoy gubernii. Politicheskii obzor [Political Review of Tver Governorate. Political Review]" [in Russian]. 1888. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102/3/1888/89/32/2.
- "Politicheskii obzor po Tverskoy gubernii. Politicheskii obzor [Political Review of Tver Governorate. Political Review]" [in Russian]. 1889. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102/3/1889/43/29.
- "Politicheskii obzor po Tverskoy gubernii. Politicheskii obzor [Political Review of Tver Governorate. Political Review]" [in Russian]. 1885. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102/3/81/1885/59/40/2.
- "Proizvedeniya nelegal'noy pechati. Snosheniya chlenov Londonskoy gruppy s kruzhkom sankt-peterburgskikh liberalov, namerevayushchikhsya izdavayt' v Londone svoj spetsial'nyy organ 'Zemskiy sobor'. L. 2 ob. Doneseniye zaveduyushchego Zagranichnoy agenturoy [Works of Illegal Press. between the Members of the London Group and the Group of St. Petersburg Liberals, Intending to Publish in London 'Zemsky Sobor', Their Special Organ of the Press. P. 2 ob. Reports of Chief of Paris Net of Agents]" [in Russian]. 1898. In *GARF [State Archive of the Russian Federation]*. 102 (Special Department). 1898/226/14/6.
- Raef, M. 1983. *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800*. Yale University Press.
- Revolutsiya i obshchestvennoye dvizheniye v Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [Revolution and Social Movement in Siberia in the Late Nineteenth – Early Twentieth Century]* [in Russian]. 1986. Novosibirsk: Nauka.

- Reyent, Yu. A. 2002. "Politseyskaya sistema Rossiyskoy imperii nachala xx v. (1900–1917) [Police System of the Russian Empire in the Beginning of Twentieth Century]" [in Russian]. Doctoral diss., Moskovskiy gosudarstvennyy universitet.
- Ruud, Ch., and S. Stepanov. 1993. *Fontanka, 16* [*Fontanka, 16*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Samosudov, V. M. 1987. *Bol'sheviki Sibiri v bor'be protiv tsarizma (1894 – fevral' 1917 g.)* [*The Bolsheviks of Siberia in the Fight against Tsarism (1894 – February 1917)*] [in Russian]. Irkut-sk: Izdatel'stvo Irkut'skogo universiteta.
- Shatsillo, K. F. 1985. *Russkiy liberalizm nakanune revolyutsii* [*Russian Liberalism on the Eve of Revolution*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Solov'yeva, M. V. 1966. "Tsarskiye provokatory i delo sotsial-demokraticheskoy fraktsii II Gosudarstvennoy Dumy [Tsarist Provocateurs and the Case of Social-Democratic Faction of the 2nd State Duma]" [in Russian]. *Voprosy istorii* [*Issues of History*], no. 8.
- Spiridovich, A. 1991. *Zapiski zhandarma* [*Gendarme's Notes*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- "Svod dannykh Departamenta Politsii o proyavleniyakh bor'by protiv pravitel'stva na legal'noy pochove v Sankt-Peterburge. L. 2. Zapiska dlya pamyati [The Set of Data of the Police Department on the Manifestations of the Fight against the Government on Legal Grounds in St. Petersburg. P. 2. Note for Memory]" [in Russian]. 1898. In *GARF* [*State Archive of the Russian Federation*]. 102. Special Department. 1898/723.
- Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [*The Code of Laws of the Russian Empire*] [in Russian]. 1906. Vol. 1, bk. 2. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg].
- Uortman, R. [Wortman, R.] 2004. *Vlastiteli i sudii: razvitiye pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii* [*The Development of a Russian Legal Consciousness*] [in Russian]. Trans. from the English by M. L. Dolbilov and F. L. Sevast'yanov. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Vedernikov, V. V., V. A. Kitayev, and A. V. Lunochkin. 1997. *Konstitutsionnyy vopros v ruskoj liberal'noy publitsistike 60–80-kh gg. XIX v.* [*The Issue of Constitution in the Russian Liberal Journalism of the 60–80-th Years of Nineteenth Century*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Magistr.
- "Vnutrennyaya agentura. Agenturnyye svedeniya iz Moskvyy. L. 192–193. Perepiska [Internal Net of Agents. Intelligence Information from Moscow. P. 192–193. Correspondence]" [in Russian]. 1898. In *GARF* [*State Archive of the Russian Federation*]. 102. Special Department. 1898/2/1/B.
- "Vnutrennyaya agentura. Lichnoye i denezhnoye delo sotrudnika M. I. Khar'kovtseva. L. 64. Zapiska [Internal Net of Agents. Personal Records and Expense Report of M. I. Garkavtsev, an Operative. P. 64. Note]" [in Russian]. 1898. In *GARF* [*State Archive of the Russian Federation*]. 102/316/1898/2/5/1.
- Vtoroy s'yezd zemskikh deyatley* [*The Second Congress of Zemstvo Figures*] [in Russian]. 1904. 6–9 noyabrya 1904 [6–9 November 1904], Sankt-Peterburg [Saint Petersburg].
- "Zapiski nachal'nikov okhrannykh otdeleniy o revolyutsionnykh organizatsiyakh v ikh rayonakh. L. 48. Zapiska nachal'nika Moskovskogo otdeleniya po okhraneniyu obshchestvennoy bezopasnosti. O postanovleniyakh noyabr'skogo zemskogo s'yezda 1904 g. [Notes by the Heads of Security Departments about the Revolutionary Organizations in Their Areas. P. 48. Notes by the Head of Moscow Department on the Protecting the Public Security and Order]" [in Russian]. 1904. In *GARF* [*State Archive of the Russian Federation*]. 102. Special Department. 1904/1195.
- Ul'yanova (Bibikova), L. V. 2009a. "'Obezvredit' khirurgicheskimi merami nel'zya': liberal'noye dvizheniye glazami politicheskoy politsii (1880–1905 gg.)" [*Cannot be Neutralised by*

- a Surgical Intervention': Liberal Movement as Viewed by the Political Police (1880–1905)]” [in Russian]. In *Trayektoriya v segodnya: rossyp' istoriko-biograficheskikh artefaktov* [Trajectory into Today: Scattering of the Historical and Biographical Artifacts], 232–247. K yubileyu professora I. V. Narskogo [To the Anniversary of Professor I. V. Narsky]. Chelyabinsk: Entsiklopediya.
- . 2009b. “Politicheskaya politsiya i liberal'noye dvizheniye, 1880–1905 gg. [Political Police and Liberal Movement. 1880–1905]” [in Russian]. PhD diss., Moskovskiy gosudarstvennyy universitet.
- . 2009c. “Sotsial'no-professional'nyy portret politicheskoy politzii Rossiyskoy imperii (1880–1905) [Social and Professional Portrait of the Political Police in the Russian Empire (1880–1905)]” [in Russian]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Perm University Herald] 9 (2): 92–101.
- Zavarzin, P. P. 2004a. “Zhandarmy i revolyutsionery [Gendarmes and Revolutionaries]” [in Russian]. In vol. 2 of *Okhranka. Vospominaniya rukovoditeley politicheskogo syska* [Okhrana. Memoirs of the Domestic Intelligence Head Officers]. 2 vols. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- . 2004b. “Rabota taynoy politzii [The Work of the Secret Police]” [in Russian]. In vol. 1 of *Okhranka. Vospominaniya rukovoditeley politicheskogo syska* [Okhrana. Memoirs of the Domestic Intelligence Head Officers]. 2 vols. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.

Джованни Савино*

ИТАЛЬЯНСКИЙ МАРКСИЗМ И РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛИЗМ**

А. ЛАВРИОЛА, А. ГРАМШИ И ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРНЫЕ ВОПРОСЫ
РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ (1890–1937)

Аннотация: В статье рассматриваются влияния и взаимосвязи известных итальянских мыслителей марксистского толка Антонио Лабриолы и Антонио Грамши с видными деятелями российского социалистического и коммунистического движения (Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий). В истории социалистического (и анархического) движения в Италии и в России в конце XIX – начале XX вв. есть много поводов для более внимательного исследования точек «контакта» и «совпадений» разных позиций – в первую очередь, из-за присутствия влиятельных руководителей Итальянской социалистической партии русского происхождения, таких как Анна Кулишева (известна в Италии как Anna Kuliscioff) и Анжелика Балабанова (Angelica Balabanoff). Немалый моральный и теоретический авторитет в интеллектуальном формировании русских социал-демократов за рубежом имеет итальянский философ Антонио Лабриола. Влияние Лабриолы на европейское рабочее движение и дебаты об историческом материализме было огромным, а его критика позитивизма и реформизма в Итальянской социалистической партии имела резонанс и в дискуссиях европейских социалистических партий. Антонио Грамши, основатель Итальянской коммунистической партии, перенял у Лабриолы понятие «теории праксиса», равно как и позицию философа, направленную против позитивизма и реформизма итальянского социализма. Идея Грамши о «креативной силе» рабочего класса в революционном процессе происходит от рассуждений Лабриолы о классах в историческом материализме. Интерес Грамши к Лабриоле связан не только с ролью философа в создании «теории праксиса» или его учением об историческом материализме, но и с влиянием профессора на русский марксизм.

Ключевые слова: исторический материализм, Лабриола, гегемония, Грамши, революция, рабочий класс, марксизм, Богданов.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-99-117.

История международного социалистического движения часто сталкивается с редукцией ее традиций, взглядов и позиций в отношении «событийной истории» (*histoire evenementielle*). Но политическое значение того или иного события сложно понять без подробной дискуссии о позициях

*Савино Джованни, PhD, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), giovsv@gmail.com.

**© Савино, Дж. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

мыслителей того времени, особенно при наличии «монолитного» представления об этом движении, без анализа взаимных международных влияний разных школ социалистической мысли.

Как ни странно, в истории социалистического (и анархического) движения в Италии и в России в конце XIX – начале XX вв. есть много поводов для более внимательного исследования «точек контакта» и «совпадений» разных позиций: в первую очередь, из-за присутствия в Итальянской социалистической партии (ИСП) влиятельных руководительниц русского происхождения, таких как Анна Кулишева (известная в Италии как Anna Kuliscioff) и Анжелика Балабанова (Angelica Balabanoff). Немалый моральный и теоретический авторитет в интеллектуальном формировании русских социал-демократов за рубежом имеет итальянский философ Антонио Лабриола.

После революции 1917 г. полемика вокруг российских событий и большевизма была важной причиной разногласий внутри Итальянской социалистической партии, а также предметом дискуссий в более широком рабоче-крестьянском движении, где острый социальный кризис послевоенной Италии был воспринят как прелюдия к «итальянскому Октябрю».

Тесные связи между Коминтерном и итальянскими коммунистами — особенно Антонио Грамши, руководителем партии и весьма влиятельным интеллектуалом, — также свидетельствуют об отношениях между политическими и философскими культурами; «Тюремные тетради» Грамши, главное интеллектуальное наследие вождя Итальянской коммунистической партии, нельзя понять до конца, не учитывая этих культурных связей. Неслучайно в появившихся после Великой отечественной войны советских публикациях о Грамши и Лабриоле вниманию читателей предлагалась триада Лабриола-Грамши-Тольятти, где первый позиционировался как «предшественник» последних двух. Такая тенденция существовала в текстах итальянских коммунистов 1950-х гг., но критическая работа итальянских интеллектуалов 1960–70-х в каком-то смысле «освободила» Грамши от тени Пальмиро Тольятти, не только подчеркнув оригинальность работ Грамши, но и снова актуализировав наследие Лабриолы.

АНТОНИО ЛАБРИОЛА — ОТЕЦ ИТАЛЬЯНСКОГО МАРКСИЗМА или «ПОСЛЕДНИЙ СТОРОННИК» МАРКСА?

В 1880–1890-х гг. дискуссии о марксизме заняли важное место в интеллектуальной и культурной среде Италии. Известные академические

деятели и молодые интеллектуалы обсуждали идеи Маркса и Энгельса, спорили об историческом материализме, дискутировали об экономических и социальных основах социализма. Такая ситуация возникла из-за основания Итальянской социалистической партии (1892), а также социальных протестов тех времен, таких как движение Сицилийских фаши. Огромный вклад в эти дискуссии внесли работы Лабриолы.

Профессор философии истории в Римском университете, Лабриола шел к социализму постепенно — на протяжении более чем десяти лет; «в период 1879/80», — так итальянский философ рассказал Энгельсу в письме 3 апреля 1890, — «я почти перешел к социалистическому мировоззрению; но скорее из-за общего понимания истории, чем из-за внутреннего побуждения» (Labriola, 2003: 28). Старый большевик Э. Э. Эссен в предисловии к второму русскому изданию сборника работ Лабриолы «Исторический материализм: очерки материалистического понимания истории» так иллюстрировал важность трудов итальянского философа:

Антонио Лабриола был тем единственным человеком, которому по плечу была эта задача, — недаром Маркс и Энгельс признавали в нем своего ученика. Ортодоксальными марксистами, кроме него, можно было считать еще только нашу соотечественницу Анну Кулишеву, жену молодого еще в то время Филиппа Турати.

Когда последний, под влиянием жены, тоже стал марксистом, образовалась та тройка, которая насадила марксизм на итальянскую почву. 90-е годы дали широкий размах марксистской литературе. Однако движение шло не вглубь, а вширь. Появилось множество крупных и мелких групп «марксистов-пустоцветов». Несмотря на то, что после русской и немецкой итальянская марксистская литература является наиболее обширной, за пределами Италии рабочие знают только одного итальянского ортодоксального марксиста — Антонио Лабриолу (Лабриола, Горлин, 1925: 5).

Именно акцент на ортодоксальности Лабриолы вызывает интерес; такая же оценка приводится в предисловии к русскому изданию 1960 г. «Очерки материалистического понимания», в серии «Библиотечка по научному социализму». Здесь неизвестный автор отмечает, что

значение А. Лабриолы в развитии марксистской теории лучше всего подчеркнуто той высокой оценкой, которая была дана его трудам Ф. Энгельсом и В.И. Лениным и руководителями Итальянской компартии. Ф. Энгельс, получив от А. Лабриолы экземпляр его первого очерка «В память о Манифесте Коммунистической партии», писал автору: «Все очень хорошо... имеются лишь отдельные мелкие фактические неточности — и в самом начале излишне ученый способ изложения. Я с нетерпением ожидаю остальную

часть». В письме к Зорге от 30. XII. 1893 г. Энгельс подчеркивает важность исследований А. Лабриолы по вопросу о генезисе марксизма и называет его «строгим последователем Маркса».

В. И. Ленин, находясь в селе Шушенском, писал своей сестре, А. И. Ульяновой, о желательности перевода на русский язык «Очерков материалистического понимания истории», которые он читал в это время в сокращенном переводе. В. И. Ленин называл работу Лабриолы «чрезвычайно интересным трудом», «чрезвычайно умной защитой „нашей доктрины“», «превосходной книгой» (Лабриола, 1960: 7–8).

Лабриола, таким образом, считался в СССР последовательным марксистом, и причины такой «фортуны» надо искать не только в его отношениях и переписке с Фридрихом Энгельсом, Карлом Каутским, Августом Бебелем и другими лидерами тогдашней социал-демократии, но и в рецензии Г. В. Плеханова на французский перевод 1897 г. «Отец русского марксизма» посвятил французскому изданию «Очерков материалистического понимания истории» эссе объемом 30 страниц, где взгляды Лабриолы были важной частью более подробной критики в адрес народников. Надо уточнить, что Плеханов критикует некоторые высказывания Лабриолы, потому что тот в своих очерках нередко отрешивается от «экономического материализма»; но замечания Плеханова больше похожи на атаку на «идеализм» неонародников (Плеханов, 1929: 250, 258, 260). Это происходит, потому что он объясняет позиции итальянского ученого так: «[вот] почему люди вроде Антонио Лабриола не признают себя экономическими материалистами: именно потому, что они последовательные материалисты и именно потому, что исторически их взгляды представляют собою прямую противоположность историческому идеализму» (там же: 241).

Лабриола довольно жестко и подробно критиковал экономистический подход в социал-демократии, даже до возникновения «ревизионизма» в международном социалистическом движении; но его замечания были одновременно и критикой «догматического истолкования марксизма» (Ойзерман, 2009: 7). Размышления итальянского марксиста были и в основе критики Плеханова:

Итак, нравственность, искусство, религия и наука являются лишь продуктами экономических условий? — представителями различных категорий этих условий? — эманацией, украшением, излучением и обманчивым отражением материальных интересов? Подобного рода утверждения, высказываемые с такой голословностью и в такой резкой форме, слышны за последнее время

с разных сторон и приходят весьма кстати на помощь противникам материализма, которые пользуются ими, как пугалом (Лабриола, Горлин, 1925: 122).

Такие «ленивые умы» интеллигенции, по мнению Лабриолы, хотели изобрести «единственный ключ», чтобы проникать во все тайны жизни, то есть интерпретировать сложные социальные, культурные, философские вопросы всегда через одну призму. Лабриола очень резко относился к таким предложениям, которые были крайне далеки от его понимания философии:

Свести все вопросы этики, эстетики, филологии, исторической критики и философии к одному единственному вопросу и избавиться, таким образом, от всех трудностей! Таким путем глупцы могли бы низвести всю историю до уровня коммерческой арифметики и дать нам новое оригинальное толкование творения Данте — всей его *Divina Commedia* — объяснив ее при помощи счетов на суконные товары, которые продувные флорентинские купцы продавали с великой для себя выгодой! (там же: 122–123)

Такой подход к изучению философии истории был освещен во вступительной лекции Лабриолы 28 февраля 1887 г. в Римском университете. История в понимании Лабриолы — это процесс, основанный на широких социальных структурах (политические институты, семейный строй, системы собственности, литературы, религии). Вопрос философии истории — в скачках и трансформации в процессе, которые, по мнению Лабриолы, суть основные истоки «генезиса» истории (Mustè, 2015: 174–75).

Был ли Лабриола ортодоксальным марксистом? Лабриола был одним из первых итальянских ученых, применивших психологический подход в историко-социальных исследованиях. (Lombardo and Foschi, 1997: 21). Именно влияние *Völkerpsychologie* (этнопсихологии) немецкого ученого Вильгельма Вундта было важно для критики Лабриолы в отношении гегельянской исторической школы (Poggi, 1982). Именно те стимулы, благодаря которым возникли так называемые новые науки 1870-х (антропология, лингвистика, психология), формировали понимание Лабриолой исторического процесса (Dal Pane, 1975: 131)¹.

¹В некоторых случаях можно считать такие размышления Лабриолы предшествующими более органической теории «культурной гегемонии» Антонио Грамши. В «Тюремных тетрадах», где понятие «гегемония» означает и управление, и управление вместе с властью, можно найти немало аналогий с позициями Лабриолы. Например, у Грамши мы встречаем такое определение политики: «политика есть во всем, в том числе и в философии или в философиях (см. заметки о характере идеологий), а единственная „философия“ — это история в действии, это сама жизнь. В этом смысле можно истолковать тезис о немец-

Кроме того, только к концу 1880-х Лабриола стал последовательным марксистом в теоретической области и социалистом в политической (Mustè, 2015: 177). Однако его позиция не всегда положительно воспринималась руководством Итальянской социалистической партии. В отличие от Филиппо Турати, лидера партии и ее парламентской фракции, взгляды профессора были более радикальными: Турати высказался в дискуссии «Демократия и социализм» на страницах политического журнала *Critica Sociale* о том, что «социальная республика» могла бы быть результатом «революции или эволюции», — Лабриола же считал, что «партия социалистов — партия революционеров», и не любил «эклектизм» Турати (Labriola, 2003: 264)².

Анжелика Балабанова, ставшая ученицей Лабриолы, так описала его «одинокчество» в ИСП:

Ближе к концу года Лабриола вызвал меня к своему преподавательскому столу и показал новую книгу по марксизму, которая, как он полагал, меня заинтересует. «Послушайте, синьорина, — сказал он грустно, когда я уже собиралась возвратиться на свое место, — я единственный в Италии марксист. Когда я умру, единственной останетесь вы. Вы должны быть исполнителем моей марксистской воли» (Балабанова, Карпова, 2007: 22).

Если в политическом плане Лабриола был радикальнее и последовательнее Турати, то ярлык «ортодокса», который встречается на страницах работ русских социалистов и в советских изданиях, не совсем отражает его теоретические позиции. Несмотря на его глубокие отношения с Энгельсом, Лабриола никогда не был пламенным защитником К. Каутского и «ортодоксии». Итальянский философ резко критиковал Бернштейна и ревизионистов, но, как он объяснил в 1899 г. в письме к Леониду Биссолати, одному из руководителей ИСП, «именно я —

ком пролетариате, наследнике немецкой классической философии, и можно утверждать, что теоретизация и осуществление гегемонии, проделанные Иличичи, явились великим „метафизическим“ событием» (Gramsci, 1977: 882).

²Отношения Лабриолы с Итальянской социалистической партией были весьма проблематичными. Филиппо Турати, предводитель партии в идеологическом и в организационном плане, понимал социализм как последовательное развитие демократии и поддерживал такое мировоззрение до конца жизни. Лидер парламентской фракции ИСП так отметил российские события в своей речи в заседании итальянского парламента 23 марта 1917 г.: «Мы желаем, чтобы российская революция, у которой есть такой потрясающий подъем, напоминающий Великую французскую революцию, быстро свергла все преграды и победила. Восхваляя свободную Россию, мы скажем — да здравствует освобождение мира!» См. *Resoconto stenografico...*, 1917: 13376–13378.

кризис марксизма, потому что никогда не был ни подражателем, ни толкователем Маркса» (Labriola, 2006: 68)³.

Именно оригинальность подхода Лабриолы оценили молодые социалисты за рубежом. Например, Л. Д. Троцкий в своей автобиографии так вспоминает первое чтение трудов Лабриолы во время ареста в Одессе: «Я с восторгом читал в своей камере два известных очерка старого итальянского гегелианца-марксиста Антонио Лабриолы, проникших в тюрьму на французском языке. Как немногие из латинских писателей, Лабриола овладел материалистической диалектикой если не в политике, где он был беспомощен, то в области философии истории» (Троцкий, 1991: 127). Отношение Троцкого к итальянскому философу было в принципе очень положительным, поскольку он видел в его трудах ответ на критику работ народнических интеллектуалов конца XIX в.:

Под блестящим дилетантизмом его изложения скрывалась на самом деле настоящая глубина. С теорией многочисленных факторов, населяющих Олимп истории и оттуда управляющих нашими судьбами, Лабриола расправлялся великолепно. Хотя с того времени, как я читал его опыты, прошло тридцать лет, но общий ход его мыслей крепко врезался в мою память, как и постоянный припев: «Идеи не падают с неба». Бессильными показались мне после этого русские теоретики многообразия факторов: Лавров, Михайловский, Кареев и другие. Много позже я никак не мог понять тех марксистов, на которых оказала влияние бесплодная книга немецкого профессора Штаммлера «Хозяйство и право», представляющая одну из бесчисленных попыток пропустить великий естественноисторический и исторический поток, идущий от амёбы к нам и от нас дальше, через замкнутые кольца вечных категорий, представляющие на деле лишь отпечатки живого процесса в мозгу педанта (там же).

Пока молодой Бронштейн сидел в одесской тюрьме, успешная преподавательская деятельность Лабриолы привлекала студентов из Российской империи. Анжелика Балабанова, тогда берлинская студентка и член Союза русских социал-демократов за границей, решила переехать в Рим в 1900 г., потому что хотела учиться философии и марксизму у Лабриолы. Русская социалистка так вспоминает этот момент:

С самых моих первых шагов по изучению марксизма одно имя становилось мне все больше и больше знакомым. Это было имя Антонио Лабриолы [...]

³Лабриола вел переписку и с Жоржем Сорелем, французским теоретиком и основателем революционного синдикализма, особенно в 1897–99 гг. Лабриола, в отличие от Сореля, видел в историческом материализме основу политической, философской и научной деятельности и не соглашался с Сорелем по поводу создания новой метафизики и психологии для марксизма (Marini, 2012: 69).

Антонио Лабриола был преподавателем Римского университета. Всякий раз, когда какая-нибудь группа студентов-социалистов в любом из университетов, в которых я училась, собиралась, чтобы обсудить что-либо, можно было быть почти абсолютно уверенным в том, что услышишь ссылку на Лабриолу (Балабанова, Карпова, 2007: 20).

Социалистические настроенные студенты всей Европы приходили к Лабриоле, чтобы изучать его философский подход, который, по мнению Балабановой, был схож с идеями Плеханова. В тот момент в Италии социалистическое движение имело большой вес в политическом пространстве, а внутрипартийная дискуссия между реформистами и радикалами была очень острой. Балабанова решила отправиться в Рим и стать ученицей философа:

Я еще ни разу не была в Италии, и мысль о том, чтобы пожить там и узнать итальянцев на личном опыте, ассоциировалась с возможностью поработать под руководством человека с такой великолепной репутацией во всем мире и обладала неодолимой притягательностью. В конце семестра, после того как я упаковала свои книги и села в экспресс Берлин – Рим, мной овладело такое нетерпение, что казалось, будто поезд движется еле-еле (там же).

Как показывают разные воспоминания, лекции Лабриолы имели огромный успех среди студентов. Тематика их была обширной: от античной философии до истории социализма. В день 300-летия сожжения на костре Джордано Бруно Антонио Лабриола прочитал лекцию во дворе главного здания Римского университета. Текст лекции чрезвычайно важен для понимания понятий свободы и науки, а также роли университета в мировоззрении Лабриолы. Бруно, по словам профессора, был мучеником научной свободы, а университет — это место, где надо беречь исследовательскую свободу и первенство науки, потому что Бруно был «философским предшественником современной науки» (Labriola, 2008: 62). Университет, таким образом, — место свободы мысли и науки. Балабанова вспоминает, что Лабриола никогда не скрывал свои идеи, но и не пропагандировал их:

Научный метод Лабриолы был творческим. Будучи социалистом, он никогда при этом не делал попыток навязать свои социалистические убеждения своим ученикам. Он вел нас по дорогам истории и лабиринтам философии через прошлое и настоящее; он раскрывал перед нами факты и давал нам возможность самим делать выводы. Он учил нас сомневаться, чтобы мы научились исследовать и вырабатывать свой собственный критический подход к теории общества, искусству и науке (Балабанова, Карпова, 2007: 21).

Такое отношение было неудивительным для Лабриолы, который уже в 1870-х был сторонником академической свободы и, как интеллеktуал, всегда призывал к самым широким дискуссиям в рамках науки — без политической пропаганды или цензуры. Балабанова цитирует, как Лабриола относился к политике как практике в стенах академии:

В одной из немногих книг, оставленных им последующим поколениям, он писал: «Преподавателя, использующего университет для проведения пропаганды социализма, следует поместить в сумасшедший дом». Мы были еще больше тронуты, когда в конце последней лекции в семестре он остановился на минуту, посмотрел на нас усталыми дружелюбными глазами и сказал: «В сорока лекциях, которые я прочитал вам в этом году, я показал вам, что общество делится на эксплуатируемых и эксплуататоров. Те из вас, которые предпочитают бороться вместе с первыми против последних, выполняют великодушную, благородную задачу. Я говорю вам это как ваш преподаватель философии и нравственности. Я закончил» (Балабанова, Карпова, 2007: 21).

В предисловии второго издания его «Discorrendo di socialismo e filosofia», частично переведенного на русский язык как «О социализме», в 1902 г. Лабриола цитирует строки «Я выдохся как педагог / И превращаюсь в черта снова» (Ich bin des trocknen Tons nun satt / Muss wieder recht den Teufel spielen) из «Фауста» Гете, чтобы описать полемический характер его текста. Философ использовал переписку с французским деятелем Джорджем Сорелем, чтобы уточнить его позицию в области марксизма, и предлагал в третьем очерке работы понятие «философия праксиса» как историческое развитие человечества и как «костный мозг исторического материализма» (Labriola, 2008: 3650, 3680). Марксизм в этом смысле в интерпретации Лабриолы станет не только целой независимой философской системой, но и основой «новой, тотальной цивилизации», как Грамши, внимательный читатель философа, объяснил в «Тюремных тетрадах» (Gramsci, 1977: 435). И чтение, и интерпретации Лабриолы от Антонио Грамши развивали, особенно в период после 1945 г., интерес к личности и мысли профессора философии.

ГРАМШИ ЧИТАЕТ ЛАБРИОЛУ: ГЕНЕАЛОГИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО МАРКСИЗМА

Лабриола умер в 1904 г., и его наследие было слабо воспринято руководством Итальянской социалистической партии — за несколькими исключениями⁴.

⁴Одно из этих исключений — Анжелика Балабанова, которая занимала различные важные должности в Итальянской социалистической партии и во Втором Интернационале.

С другой стороны, идеологическое наследие Лабриолы было крайне положительно принято Итальянской коммунистической партией (ИКП). Антонио Грамши, главный теоретик итальянского коммунистического движения, в своих «Тюремных тетрадах» пытается разобраться в ходе мысли Лабриолы; неаполитанский профессор, по мнению Грамши, был первым, кто заметил в марксизме «философию праксиса»⁵. Грамши так объясняет свою позицию: «Лабриола, утверждая, что философия практики независима от любого другого философского течения, что она самодостаточна, является единственным, кто попытался научно построить философию практики» (Gramsci, 1975: 1507–1508). Грамши уделяет большое внимание изучению мысли Лабриолы, и в хронологии «Тюремных тетрадей» заметки о личности и работах ученого сопровождаются чрезвычайно важными размышлениями о теории философии, о науке и о роли Джорджа Сореля и Пьера-Жозефа Прудона в социализме, как в тетради № 11⁶. Например, в тетради № 16 (XXII), в § 9, Грамши снова отмечает, что итальянский философ независим как от «ортодоксальных» социалистов под влиянием позитивизма, так и от идеалистов (к которым относит и Бергсона):

Лабриола отличается от тех и от других своим утверждением (по правде сказать, не всегда уверенным), что философия практики является независимой и оригинальной философией, несущей в себе самой элементы дальнейшего

⁵В 1960 г. сборник статей и текстов Грамши был напечатан государственным издательством политической литературы в серии «Библиотечка по научному социализму». В предисловии указано, что «с марксистской теорией Грамши познакомился по трудам Антонио Лабриолы — одного из талантливых пропагандистов марксизма в Италии, побудившего его заняться углубленным изучением произведений Маркса и Энгельса» (Грамши, Коррадов, 1960: 6). Как убедительно показали несколько биографов и исследователей мысли Грамши (Анджело д'Орси, Гвидо Лигуори), на формирование взглядов юного социалиста большое влияние имели различные политические мыслители и философы — например, Джордж Сорель и Анри Бергсон — а не только Лабриола (Liguori, 2015: 574). Сам Грамши не скрывал своего отношения к Бергсону, в котором видел великого критика позитивизма (Gramsci, 1975: 85–86). Вопрос влияния Бергсона на Грамши был достаточно спорным и острым. Из-за его образа «реакционного мыслителя» в СССР, например, в книге «Жизнь Грамши» (Л. Ломбардо-Радиче, Д. Карбоне, русский перевод 1953 г.), когда авторы пересказывают обвинение реформистов ИСП в адрес Грамши как «последователя Бергсона», есть сноски редактора о французском философе как «злейшем враге социализма и демократии» (Ломбардо-Радиче и Карбоне, Богемский, 1953: 58).

⁶Тетрадь № 11 — одна из тетрадей, посвященных философским вопросам. Материалы тетради были написаны в 1932–1933 гг.; в ней широко обсуждаются различные вопросы и аспекты философии, от политики до культуры.

развития, способные превратить истолкование истории во всеобщую философию. Необходимо работать именно в этом направлении, развивая позицию Антонио Лабриолы (Gramsci, 1975: 1855).

Интерес Грамши к Лабриоле связан не только с ролью философа в создании «теории праксиса» или его учением об историческом материализме, но и с влиянием профессора на русский марксизм. В § 70 генсекретарь Итальянской коммунистической партии, находясь в тюремной камере в городе Тури, критикует Плеханова за то, что «способ постановки проблемы, принятый Плехановым, типичен для позитивистского метода и отражает его ограниченные спекулятивные и историографические способности» (ibid.: 1508). Лабриолу, как и Бергсона, Грамши рассматривает как критика позитивизма⁷ в полемике с реформистскими течениями рабочего движения (борьбы, которая стала острее в 1917–1921 гг., во время внутрипартийной борьбы в ИСП)⁸ и как теоретика «креативной силы»⁹ рабочего класса¹⁰. Но именно такое «пророчество» Лабриолы, а также влияние позитивизма в кругах руководства итальянского и международного социалистического

⁷В итальянской философии конца XIX в. огромное влияние имел позитивизм — и это влияние имело некоторые особенности. Позитивизм был реакцией на неаполитанскую гегельянскую школу, и воздействие таких важных мыслителей, как Бернардино Вариско и Роберто Ардиго, ценилось не только в академической среде, но и в культурных кругах; как показала в своей работе о позитивизме в Италии исследовательница Мария Донцелли, Огюст Конт стал известнее Гегеля (Donzelli, 1999).

⁸Зимой 1915 г. и еще раз в январе 1918 г. Грамши в полемике с итальянским интеллектуалом Акилле Лориа, с которым уже спорил Фридрих Энгельс в предисловии к третьему тому «Капитала» в 1894 г., процитировал позицию Лабриолы в отношении Лориа, которого он открыто называет лжецом. Лориа был одним из вдохновителей реформистской фракции в ИСП и, таким образом, противником революционных социалистов вокруг Грамши (Gramsci, 1982: 614–615; Labriola, 2008: 540).

⁹Понятие «креативной силы» Лабриола перенимает из работ немецкого философа, теолога и священника Якоба Фрошаммера (1821–1893), который был сторонником научной свободы и независимости науки от религии (в частности, поддерживал теорию эволюции Чарльза Дарвина), и из-за своей позиции сначала получил запрещение в служении, а потом, в 1871 г., и отлучение от Римско-католической церкви (Labriola, 2014: 4465).

¹⁰Из этой «духовной силы», по мнению Грамши, и происходит партия — новый «Государь» Макиавелли XX века. Ленин, например, в «Тюремных тетрадах» описан как «создатель» новой реалии: «Ильич на деле двинул вперед философию как таковую тем, что двинул вперед политическое учение и практику. Поскольку строительство аппарата гегемонии образует новые идеологические формы, обуславливает реформу сознания и методов познания, постольку оно является актом познания, философским актом. Или, говоря крочеанским языком: когда удастся внедрить новую мораль, соответствующую новому мировоззрению, это приводит к тому, что внедряется также и данное мировоззрение; другими словами, происходит целая философская реформа» (Gramsci, 1977: 1234–1235).

движений, по мнению Грамши, было причиной «невыгодности» позиций философа:

Почему Лабриоле и его постановке философских проблем так не повезло? На это можно ответить словами Розы¹¹, которая сказала по поводу критической политэкономии и ее высших проблем, что в романтический период борьбы, в период народных Sturm und Drang весь интерес устремляется на наиболее непосредственное оружие, на вопросы тактики в политике и на частные вопросы культуры в философской области. Но с момента, когда подчиненная группа становится действительно самостоятельной и превращается в гегемона, утверждая новый тип государства, рождается реальная потребность в создании нового интеллектуального и нравственного строя, то есть нового типа общества, а следовательно, потребность в разработке более общих теорий, более рафинированных и значимых идеологических средств¹². Вот отсюда и возникает необходимость снова привлечь внимание к Антонио Лабриоле и выдвинуть на первый план его формулировку проблем философии. Так можно повести борьбу за высшую самостоятельную культуру; это позитивная сторона борьбы, которая проявляется в негативной и полемической форме с отрицательными частицами «а-» и «анти-» (антиклерикализм, атеизм и т. д.). Придается современная и актуальная форма традиционному светскому гуманизму, который должен быть этической базой нового типа государства (Gramsci, 1975: 1508–1509).

Кто является главным агентом борьбы за высшую самостоятельную культуру? Грамши пытается отвечать на этот вопрос, анализируя формирование интеллигенции в тетради № 12, которая открывается вопросом: «является ли интеллигенция самостоятельной и независимой социальной группой, или же всякая социальная группа имеет свою собственную, особую категорию интеллигенции?» (Gramsci, 1977: 1513). Итальянский теоретик рассматривает то, как процессы формирования

¹¹Роза Люксембург. Часто в «Тюремных тетрадях» Грамши использует псевдонимы или другие транскрипции имен и фамилий, чтобы избежать возможных обысков и цензуры.

¹²Весной 1917 г., после первого крупного кризиса в Петрограде из-за антивоенных настроений против Миллюкова, Грамши обсуждал в нескольких текстах характер революционного процесса. «Почему русская революция является революцией пролетарской?» — спрашивает Грамши в статье «Заметки о русской революции», опубликованной в печатном органе социалистов Турина в 29 апреля 1917 г. «Но если какую-либо революцию совершили пролетарии, то достаточно ли этого, чтобы она была пролетарской революцией? Войну тоже ведут пролетарии, это само по себе не означает, что она является пролетарским деянием. Чтобы это было так, необходимо, чтобы были налицо и другие факторы, а именно духовные. Необходимо, чтобы революционное деяние проявило себя не только как феномен силы, но и как обновление всех привычных представлений и норм, как феномен нравственного порядка» (Gramsci, 1917).

интеллектуального класса происходили в разных странах и как именно этот класс играет ключевую роль в политике. Например, французская интеллигенция смогла, по мнению Грамши, в 1789 г. подчинить старые классы и развивать «империалистический и гегемонистский характер» французской культуры в мире (Gramsci, 1977: 1524). Грамши замечает, что «все люди являются интеллигентами, но не все люди выполняют в обществе функции интеллигентов», подчеркивая таким образом незаменимую роль интеллигенции в обществе.

Влияние Лабриолы в этом вопросе очевидно не только у Грамши: следы такого *Zeitgeist* обнаруживаются и в сочинениях Ленина. Например, когда лидер большевиков говорит о том, что «марксизм не мертвая догма, не какое-либо законченное, готовое, неизменное учение, а живое руководство к действию, именно поэтому он не мог не отразить на себе поразительно-резкой смены условий общественной жизни» (Ленин, 1973: 88)¹³. «Философия праксиса» Лабриолы и пример большевиков у Грамши — главные элементы его самого известного культурно-политического понятия: гегемонии.

В анализе категорий революции и гегемонии Грамши рассматривает исторический опыт разных контекстов. В частности, понятие «гегемония» у Грамши означает и «управление», и «управление вместе с властью», и такая двусмысленность значения не была решена до конца (Cospito, 2004: 75). Например, Грамши использует «гегемонию» и чтобы описать международные отношения, и для истории abortивной итальянской революции, и для партийных задач коммунистов. Но есть один элемент, который в разных заметках итальянского интеллектуала очень важен, — вопрос об устройстве общества.

Этот элемент заметил и теоретик «культурного марксизма» Реймонд Уильямс, который написал о «великой заслуге» Грамши — осмыслении вопроса гегемонии как целостной системы. Уэльский исследователь подчеркнул, что итальянский теоретик развивал интуиции и позиции Маркса (и, добавляем, Лабриолы):

Если бы идеология была всего лишь абстрактным навязанным набором идей, если бы наши общественные, политические и культурные представления,

¹³Именно в первой строке «О некоторых особенностях исторического развития марксизма» В. И. Ленин представляет слова Энгельса. «Наше учение, — говорил Энгельс про себя и про своего знаменитого друга, — не догма, а руководство для действия» (Ленин, 1973: 84).

допущения и привычки были всего лишь результатом специфических манипуляций, разновидностью публичного тренинга, который мог бы быть попросту прерван или отброшен, тогда привести в движение и изменить общество было бы значительно проще по сравнению с тем, что было и существует сегодня на практике. Это понятие гегемонии, глубоко пропитавшее общественное сознание, кажется мне основополагающим. И гегемония имеет преимущество перед широкими представлениями о тотальности, поскольку она в то же время ставит акценты на фактах доминирования (Уильямс, 2012: 143).

ЛАБРИОЛА, ГРАМШИ И БОГДАНОВ: НОВЫЕ ПУТИ
ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ МАРКСИЗМА В ИТАЛИИ И В РОССИИ

Антипозитивистские и антидетерминистские позиции Грамши и Лабриолы, их постоянное внимание к человеческому фактору, креативной силе в истории, а также к тому, как формируется реальность, имели интересные сходства с идеями В. А. Базарова и А. А. Богданова. Если сравнивать позиции двух итальянских мыслителей со словами Богданова из его сборника «Эмпириомонизм. Статьи по философии», опубликованного в 1904 г., его описание процесса сознания реальности недалеко от идей Грамши и от взглядов Лабриолы в очерке «О социализме». Русский философ пишет:

Основа «объективности» должна лежать в сфере коллективного опыта. Объективными мы называем те данные опыта, которые имеют одинаковое жизненное значение для нас и для других людей, те данные, на которых не только мы без противоречия строим свою деятельность, но на которых должны [...] основываться и другие люди, чтобы не прийти к противоречию. Объективный характер физического мира заключается в том, что он существует не для меня лично, а для всех, и для всех имеет определенное значение [...] такое же, как для меня (Богданов, 1904: 25).

Как отметил итальянский исследователь русского марксизма Гвидо Карпи, согласно русскому философу, «реальность — и социально обоснованная, и та, которая постигается эпистемологическим или научным путем, — является коллективно организованным опытом, и фактором, который организует опыт, является труд» (Карпи, 2016: 51). И хотя в работах Грамши нет прямых ссылок на богдановскую школу, идеи русского философа очень близки к взглядам итальянского марксиста. Богдановская «организационная динамика», бытие как организация общества и революции, на наш взгляд, имеют выражение в описании Грамши пролетарской революции как преобразования общества в коллективный организм в статье 1919 г. с названием «Дань истории»:

Пролетарская революция — это самая великая революция: поскольку она стремится уничтожить частную и национальную собственность и упразднить классы, в нее оказываются вовлечены все люди, а не только какая-то их часть. Она заставляет всех людей действовать, участвовать в борьбе, открыто встать на ту или другую сторону. Она коренным образом преобразует общество, превращая его из организма, состоящего из одноклеточных ячеек (граждан-индивидов), в организм, составленный из многоклеточных ячеек; она кладет в основу общества такие образования, которые уже органически присущи ему. Она вынуждает все общество отождествиться с государством, она требует, чтобы все люди были сопричастны сознательной духовной и исторической деятельности. Поэтому пролетарская революция есть социальная революция, поэтому она должна преодолеть неслыханные трудности и переграды, поэтому для ее успеха история требует чудовищной дани, подобной той, которую вынужден платить русский народ (Gramsci, 1919).

Революция не просто формирует коллективный организм; такой процесс возможен из-за пролетарского характера революции, то есть гегемонной роли рабочего класса и крестьянства.

Именно такое направление исследования — изучение схожих элементов и влияний богатой традиции дореволюционного и ранереволюционного русского марксизма на философскую и культурную позицию Антонио Грамши, равно как и изучение роли Лабриолы в формировании мировоззрения русских социалистов в конце XIX — начале XX вв., — может открыть новые пути в интерпретации истории политического мышления того периода.

Источники

- Балабанова А.* Моя жизнь — борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938 // пер. с англ. Л. А. Карповой. — М. : Центполиграф, 2007.
- Богданов А. А.* Эмпириомонизм. Статьи по философии. — М. : Издание С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1904.
- Грамши А.* Дань истории : статьи из «Ordine nuovo» : пер. с итал. / под ред. Т. Коррадова. — М. : Госполитиздат, 1960.
- Лабриола А.* Исторический материализм: очерки материалистического понимания истории / пер. с итал., с фр. А. П. Горлина. — Л. : Государственное издательство, 1925.
- Лабриола А.* Очерки материалистического понимания истории : пер. с фр. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1960.
- Ленин В. И.* О некоторых особенностях исторического развития марксизма // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 20. — М. : Издательство политической литературы, 1973. — С. 84–89.

- Плеханов Г. В.* О материалистическом понимании истории // Собрание сочинений : в 24 т. Т. 8. — М. : Государственное издательство, 1929. — С. 237–270.
- Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. — М. : Панорама, 1991.
- Gramsci A.* Note sulla rivoluzione russa // Il grido del popolo. — 1917. — 29 Apr.
- Gramsci A.* La taglia della storia // L'ordine nuovo. Rassegna settimanale di cultura socialista. — 1919. — 7 Giu.
- Gramsci A.* Quaderni del carcere : in 3 voll. Vol. 1. — Torino : Einaudi, 1975.
- Gramsci A.* Quaderni del carcere : in 3 voll. Vol. 3. — Torino : Einaudi, 1977.
- Gramsci A.* La città futura 1917–1918. — Torino : Einaudi, 1982.
- Labriola A.* Carteggio, III. 1890–1895. — Napoli : Bibliopolis, 2003.
- Labriola A.* Carteggio, IV. 1896–1898. — Napoli : Bibliopolis, 2006.
- Labriola A.* Carteggio, V. 1899–1904. — Napoli : Bibliopolis, 2008.
- Labriola A.* Tutti gli scritti filosofici e di teoria dell'educazione. — Milano : Bompiani, 2014.
- Resoconto stenografico della seduta CCLXIV della Camera dei deputati del Regno d'Italia. — 23 Mar. 1917.

ЛИТЕРАТУРА

- Карпи Г.* История русского марксизма : пер. с итал. — М. : Common place, 2016.
- Ломбардо-Радиче Л., Карбоне Д.* Жизнь Грамши / пер. с итал. Г. Д. Богемского. — М. : Изд. Иностранной литературы, 1953.
- Ойзерман Т. И.* К вопросу об основах материалистического понимания истории // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2009. — № 1. — С. 6–12.
- Уильямс Р.* Базис и надстройка в марксистской теории культуры // Логос. — 2012. — Т. 85, № 1. — С. 136–156.
- Cospito G.* Egemonia // Le parole di Gramsci. Per un lessico dei Quaderni del carcere / a cura di F. Frosini, G. Liguori. — Roma : Carocci, 2004. — P. 74–92.
- Dal Pane L.* Antonio Labriola nella cultura e nella politica italiana. — Torino : Einaudi, 1975.
- Donzelli M.* Origini e declino del positivismo: saggio su Auguste Comte in Italia. — Napoli : Liguori, 1999.
- Liguori G.* Teoria e politica nel marxismo di Antonio Gramsci // Storia del marxismo. I. Socialdemocrazia, revisionismo, rivoluzione (1848–1945) / a cura di S. Petrucciani. — Roma : Carocci, 2015. — P. 554–658.
- Lombardo G. P., Foschi R.* La psicologia italiana e il Novecento: le prospettive emergenti nella prima metà del secolo. — Milano : Franco Angeli, 1997.
- Marini G.* Il rapporto Sorel-Labriola dentro e fuori il marxismo // Critica Marxista. — 2012. — N. 1. — P. 67–76.
- Mustè M.* Il marxismo teorico in Italia: Labriola, Croce, Gentile // Storia del marxismo. I. Socialdemocrazia, revisionismo, rivoluzione (1848–1945) / a cura di S. Petrucciani. — Roma : Carocci, 2015. — P. 169–237.
- Poggi S.* Introduzione a Labriola. — Roma, Bari : Laterza, 1982.

Savino, Dzh. 2018. "Ital'yanskiy marksizm i rossiyskiy sotsializm [Italian Marxism and Russian Socialism]: A. Labriola, A. Gramsci i filosofsko-kul'turnyye voprosy revolyutsionnogo dvizheniya (1890–1937) [Labriola, Gramsci and Philosophical and Cultural Questions of Revolutionary Movement (1890–1937)]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (2), 99–117.

GIOVANNI SAVINO

PHD, ASSOCIATE PROFESSOR AT THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY
OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC SERVICE, MOSCOW

ITALIAN MARXISM AND RUSSIAN SOCIALISM

LABRIOLA, GRAMSCI AND PHILOSOPHICAL AND CULTURAL QUESTIONS OF REVOLUTIONARY MOVEMENT (1890–1937)

Abstract: The aim of this paper is to discuss and analyze the relationship between Italian Marxist thinkers Antonio Labriola and Antonio Gramsci on the one side and prominent representatives of the Russian Socialist and Communist movement on the other: Georgiy Plekhanov, Vladimir Lenin, and Leon Trotsky. In the history of the Socialist (and Anarchic) movement in Italy and in Russia from the end of 19th to the beginning of 20th century, there are many reasons for a more careful study of the points of *contact* and *coincidence* between two countries: first of all, because of the existence of the Italian Socialist Party influential leaders of Russian origin, such as Anna Kulisheva (known in Italy as Anna Kuliscioff) and Angelica Balabanova (Angelica Balabanoff). Italian philosopher Antonio Labriola was a significant moral and theoretical authority in the intellectual formation of the Russian socialistic democrats abroad. The influence of Labriola on the European labor movement and on the debate on historical materialism was enormous, and his rejection of the positivism and reformism in the Italian Socialist Party also had an influence on the discussions in the European socialist parties. Antonio Gramsci, the founder of the Italian Communist Party, assimilated the concept of *praxis theory*, as well as the rejection of positivism and the reformism of Italian socialism from Labriola; Gramsci's idea of the *creative power* of the working class in the revolutionary process derives from Labriola's arguments about classes in historical materialism. Gramsci's interest in Labriola is associated not only with the role of the philosopher in the creation of the *theory of praxis*, or his teaching on historical materialism, but also with his influence on Russian Marxism.

Keywords: Historical Materialism, Labriola, Hegemony, Gramsci, Revolution, Working Class, Marxism, Bogdanov.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-99-117.

REFERENCES

- Balabanova, A. [Balabanoff, A.] 2007. *Moya zhizn' — bor'ba. Memuary russkoy sotsialistki. 1897–1938 [La mia vita di rivoluzionaria]* [in Russian]. Trans. from the English by L. A. Karpova. Moskva [Moscow]: Tsentpoligraf.
- Bogdanov, A. A. 1904. *Empiriomonizm. Stat'i po filosofii [Empiriomonism: Papers on Philosophy]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdaniye S. Dorovatovskogo i A. Charushnikova.
- Cospito, G. 2004. "Egemonia" [in Italian]. In *Le parole di Gramsci. Per un lessico dei Quaderni del carcere*, ed. by F. Frosini and G. Liguori, 74–92. Roma: Carocci.

- Dal Pane, L. 1975. *Antonio Labriola nella cultura e nella politica italiana* [in Italian]. Torino: Einaudi.
- Donzelli, M. 1999. *Origini e declino del positivismo: saggio su Auguste Comte in Italia* [in Italian]. Napoli: Liguori.
- Gramsci, A. 1917. "Note sulla rivoluzione russa" [in Italian]. *Il grido del popolo* (Apr. 29).
- . 1919. "La taglia della storia" [in Italian]. *L'ordine nuovo. Rassegna settimanale di cultura socialista* (June 7).
- . 1975. *Quaderni del carcere* [in Italian]. Vol. 1. Torino: Einaudi.
- . 1977. *Quaderni del carcere* [in Italian]. Vol. 3. Torino: Einaudi.
- . 1982. *La città futura 1917–1918* [in Italian]. Torino: Einaudi.
- Gramshi, A. [Gramsci, A.] 1960. *Dan' istorii [A Tribute to History]: stat'i iz "Ordine nuovo" [Papers from Ordine Nuovo]* [in Russian]. Ed. by T. Korradov. Moskva [Moscow]: Gospolitizdat.
- Karpi, G. 2016. *Istoriya russkogo marksizma [History of Russian Marxism]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Common place.
- Labriola, A. 1925. *Istoricheskiy materializm: ocherki materialisticheskogo ponimaniya istorii [Saggi intorno alla concezione materialistica della storia]* [in Russian]. Trans. from the Italian and from the French by A. P. Gorlin. Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo.
- . 1960. *Ocherki materialisticheskogo ponimaniya istorii [Saggi intorno alla concezione materialistica della storia]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Labriola, A. 2003. *Carteggio, III. 1890–1895* [in Italian]. Napoli: Bibliopolis.
- . 2006. *Carteggio, IV. 1896–1898* [in Italian]. Napoli: Bibliopolis.
- . 2008. *Carteggio, V. 1899–1904* [in Italian]. Napoli: Bibliopolis.
- . 2014. *Tutti gli scritti filosofici e di teoria dell'educazione* [in Italian]. Milano: Bompiani.
- Lenin, V. I. 1973. "O nekotorykh osobennostyakh istoricheskogo razvitiya marksizma [On the Certain Features of the Historical Development of Marxism]" [in Russian]. In *Polnoye sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 20:84–89. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Liguori, G. 2015. "Teoria e politica nel marxismo di Antonio Gramsci" [in Italian]. In Petruciani 2015, 554–658.
- Lombardo-Radiche, L. and D. Karbone [Lombardo Radice, L. and G. Carbone]. 1953. *Zhizn' Gramshi [Vita di Antonio Gramsci]* [in Russian]. Trans. from the Italian by G. D. Bogemskiy. Moskva [Moscow]: Izd. Inostrannoy literatury.
- Lombardo, G. P., and R. Foschi. 1997. *La psicologia italiana e il Novecento: le prospettive emergenti nella prima metà del secolo* [in Italian]. Milano: Franco Angeli.
- Marini, G. 2012. "Il rapporto Sorel-Labriola dentro e fuori il marxismo" [in Italian]. *Critica Marxista*, no. 1: 67–76.
- Mustè, M. 2015. "Il marxismo teorico in Italia: Labriola, Croce, Gentile" [in Italian]. In Petruciani 2015, 169–237.
- Oyzerman, T. I. 2009. "K voprosu ob osnovakh materialisticheskogo ponimaniya istorii [On the Question of the Foundations of a Materialistic Understanding of History]" [in Russian]. *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta [Scientific Notes of the Russian State Social University]*, no. 1: 6–12.
- Petrucciani, S., ed. 2015. *Storia del marxismo. I. Socialdemocrazia, revisionismo, rivoluzione (1848–1945)* [in Italian]. Roma: Carocci.
- Pléhanov, G. V. 1929. "O materialisticheskoy ponimaniy istorii [On the Materialistic Conception of History]" [in Russian]. In *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 8:237–270. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo.

- Poggi, S. 1982. *Introduzione a Labriola* [in Italian]. Roma and Bari: Laterza.
Resoconto stenografico della seduta CCLXIV della Camera dei deputati del Regno d'Italia [in Italian]. 1917, Mar. 23.
- Trotsky, L. D. 1991. *Moya zhizn'. Opyt avtobiografii* [My Life. An Attempt at an Autobiography] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Panorama.
- Uil'yams, R. [Williams, R.] 2012. "Bazis i nadstroyka v marksist-skoy teorii kul'tury [Base and Superstructure in Marxist Cultural Theory]" [in Russian]. *Logos* 85 (1): 136–156.

АРХИВ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

TRANSLATIONS

Трудности перевода: Ф. Г. Борн и Opera Ad Philosophiam Criticam

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-121-133.

Переписка, русский перевод который мы представляем читателю, связана с мало известным кантоведению сюжетом, а именно — с историей перевода кантовских сочинений на латинский язык. Однако такое отсутствие внимания кажется незаслуженным. С одной стороны, настоящая переписка является важным звеном в реконструкции исторического и историко-философского контекста, с другой — указывает на важность обращения к *латинскому* переводу критических сочинений Канта, которые были авторизованы философом лично. Это, на самом деле, — нетривиальное соображение, поскольку при возникновении спорных моментов в содержательных философских дискуссиях принято обращаться к языку оригинала. В этом отношении латинский перевод кантовских сочинений — явление уникальное.

Перевод был сделан Фридрихом Готтлобом Борном (1743–1807). Почти всю свою жизнь он прожил в Лейпциге и в семнадцать лет поступил там в университет. Однако же вплоть до 1773 г. ему никак не удавалось получить ученую степень. Место профессора философии он получил только в 1782 г. и занимал его до 1802 г.; однако оклад был столь мал, что он вынужден был покинуть это место и поступить на пасторскую службу в замок Веезенштайн к барону фон Укерману (Klemme & Kuehn, 2016: 89), где прожил до самой смерти.

На протяжении всей жизни Борн активно способствовал распространению кантовской философии в Лейпциге. «Критика чистого разума» — это «Книга всех книг», пишет Борн, и Кант «прав либо везде, либо нигде» (Röttgers, 1975: 70). В 1786 г. Борн впервые пишет Канту с предложением перевести «Ваши превосходные сочинения на классическую латынь»¹. Кант одобряет это предприятие и участвует в обсуждении как содержательных вопросов о переводе, так и формальной стороны дела — переговоров с издателем. Реконструировать это можно, однако, исключительно на основании писем самого Борна, так как ни одно

¹Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 7. Mai. 1786, 1922: 444.

письмо Канта не сохранилось; в академическом издании мы можем найти только упоминания об этих письмах Канта.

Помимо преподавательской и переводческой деятельности (Борн как латинист не только переводил Канта, но и участвовал в работе над «*Abundantissimum cornu coripae linguae Latinae et Germanicae selectum*»²) он вместе с Генрихом Абихтом выпускает в Лейпциге «Новый философский журнал» (1789–1791), ориентированный на изложение и распространение кантовской системы. Уже само название указывает на то, что идеологически журнал был призван противостоять Эберхарду, по-прежнему отстаивавшему локковский эмпиризм в своем «Философском журнале». Впрочем, когда в 1791 г. свет увидела уже вся кантовская критическая система, необходимость в таких изданиях отпала.

Борн также автор нескольких самостоятельных текстов в духе кантовской философии: «*De scientia et conjectura*» (1794), «Опыт о первых основаниях учения о чувственности» (*Versuch über die ersten Gründe der Sinnenlehre*, 1788)³ и «Исследования об основах человеческого мышления» (*Untersuchungen über die Grundlagen des menschlichen Denkens*, 1789, 1791) (Richter, 1876: 163). «*De scientia et conjectura*» Борн даже выслал Канту с просьбой оценить сочинение.

Полный корпус «*Opera Ad Philosophiam Criticam*» выходит из печати в период с 1796 по 1798 гг. в Лейпциге и состоит из четырех томов. «Критика чистого разума» переведена на основании первого издания, но, как видно из фрагментов переписки, Кант высылал Борну некоторые проясняющие дополнения, сделанные им до выхода второго издания. Помимо главных критических сочинений в нем есть и небольшие кантовские работы. В четвертом томе содержится даже перевод «Метафизики нравов» (1797), что свидетельствует об очень высокой скорости переводческой работы Борна.

В последние десятилетия жизни Борн столкнулся с еще одной трудностью (помимо финансовых), омрачившей ход его переводческой и философской деятельности. В 1792 г. он высказал симпатию идеям Французской революции и критиковал участие Пруссии в военных действиях

²Речь идет о латинско-немецком словаре, автором которого был Адам Фридрих Кириш (?–1716). Словарь многократно переиздавался. Первое издание вышло в Нюрнберге в 1717 г. Борн, по всей видимости, участвовал в редакции аугсбургского издания 1794 или 1796 г.; на титульном листе, однако, его имя не значится. См. письмо от Ф. Борна к И. Канту от 10 мая 1790 в настоящем переводе.

³Английский перевод можно найти в книге: Sassen, 2000: 133–138.

против Франции. В Виттенберге отреагировали незамедлительно — Борна посадили в тюрьму. Впрочем, университет Лейпцига сумел добиться смягчения наказания: Борна выпустили, он уплатил штраф и впредь придерживал свой критический пыл (Klemme & Kuehn, 2016: 89). Практически ничего более о Фридрихе Борне неизвестно.

*Анна Винкельман
студентка магистратуры
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

ФРИДРИХ ГОТТЛОВ БОРН

ПИСЬМА К ИММАНУИЛУ КАНТУ*

7 МАЯ 1786

Благородный господин,
многоуважаемый господин профессор!

Ваше высокоблагородие простит мне, что я, будучи неизвестным, посмел обременить Вас настоящим письмом. В течение продолжительного времени я был занят мыслью постепенно перевести Ваши превосходные сочинения на старую классическую латынь. Для этого у меня имеются следующие основания: работы такого рода, которые, конечно, порождает не каждое столетие и от которых можно ожидать важнейших революций в философском государстве, не только достойны того, чтобы сделаться известными иностранцам, но и не могут попасть им в руки слишком рано. Редко иностранец обладает достаточными познаниями в немецком языке, чтобы он мог читать столь глубоко продуманные сочинения в оригинале и полностью их понимать. Обычные переводчики, помимо крайне посредственного знания языка, как правило, совершенно не разбираются и в сути дела, в особенности там, где речь идет об основательной философии. Поэтому они нередко переводят плоско,

*© Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: © А. М. Винкельман. Оригинал: Kant's Gesammelte Schriften : In 23 Bde. Bd. X / hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. — 2. Aufl. — Berlin, 1922a. — P. 444–445, 470–471, 534, 535, 547–548; Kant's Gesammelte Schriften : In 23 Bde. Bd. XI / hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. — 2. Aufl. — Berlin, 1922b. — P. 172–173.

неправильно, непонятно, а порой и явно абсурдно. Кроме того, классическая старая латынь легко понятна всякому. В качестве образца того, как приблизительно мог бы выглядеть мой перевод, я приложил к этому письму мою инаугурационную программу. Я бы начал с «Критики чистого разума» и затем мало-помалу работал бы над прочими Вашими шедеврами. Но я не имею на это права, пока не получу разрешения Вашего высокоблагородия. Если Вы не одобрите мою затею, то мой долг — подавить эту мысль. Если же она найдет у Вас одобрение, прошу как можно скорее известить меня. В этом случае я одновременно желал бы, чтобы Вы, если сочтете полезным сопроводить кое-где «Критику чистого разума» короткими добавлениями и комментариями или разъяснениями в ответ на часто весьма незначительные возражения Тидемана¹, сообщили мне оные, дабы я мог включить их в перевод в соответствующих местах.

Если бы Ваш издатель согласился взяться также и за издание этого перевода, мне было бы вдвойне приятно. Засим прошу Вашей сугубой благосклонности и Вашего позволения иногда письменно удостоверить Вам мою преданность, и остаюсь с неизмеримым уважением и почтением,

Ваш покорный слуга,
Фридрих Готтлоб Борн
Лейпциг, 7 мая 1786²

8 НОЯБРЯ 1786

Благородный господин,
многоуважаемый господин профессор!

Драгоценное письмо Вашего высокоблагородия от 24-го сентября я получил по почте только вчера, 6-го ноября. Я вижу из него, что Вы обеспокоены тем, что я мог не получить адресованное мне Ваше первое письмо от 26-го мая. Однако оно было у меня на руках уже 8-го июня; и я прошу прощения за то, что так долго молчал в ответ на него. Виною

¹Дитрих Тидельман (1748–1803) — немецкий философ и историк философии. В построении своей философской теории, изложенной в шеститомном сочинении «Дух спекулятивной философии: от Фалеса до Беркли» («Geist der spekulativen Philosophie von Thales bis Berkeley», 1791–1797), он основывался на метафизике Лейбница и эпистемологии Локка. Против кантовской критической философии Тидельман выпустил сочинение «О природе метафизики: исследование кантовских основоположений» («Über die Natur der Metaphysick, zur Prüfung von Herrn Prof. Kants Grundsätzen», 1785). — *Здесь и далее прим. пер.*

²Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 7. Mai. 1786, 1922.

тому некоторые дела, которыми я был вынужден заниматься. Теперь же, только я было вознамерился обременить Ваше высокоблагородие письмом по поводу любезно доверенного мне Вами перевода всех Ваших превосходных сочинений на старую классическую латынь, как мне вдруг было вручено Ваше последнее письмо. Хотя работа, за которую я взялся, не из легких, я все же надеюсь, что, получив первый том на исходе февраля, смогу предоставить его в переводе для печати, самое позднее, ко дню св. Иоанна (Johannis)³: если я же получу одновременно и второй [том], то и он должен быть полностью закончен к ярмарке в день св. Михаила (Michaelmeße)⁴. Итак, первый том перевода выйдет из печати уже ко дню св. Михаила, а второй последует через несколько недель. Я постараюсь, насколько это зависит от меня; в точности и прилежности я не обнаружу недостатка. Господину Харткноху я напишу еще перед Рождеством, дабы договориться с ним об условиях работы. В нынешний день св. Михаила я начал излагать «Критику чистого разума» по справочнику г-на Шмида⁵ в своих частных лекциях.

Это должно стать одним из моих постоянных курсов, которые я читаю раз в два года. И это тем важнее, ведь здесь истинная философия в совершеннейшем упадке, а наша молодежь развлекается плоской болтовней и пустой видимостью знаний по французской моде. Кстати, я уже заранее безмерно радуюсь такому важному дополнению, как критика чистого практического разума, каковой Вы еще более украсите Ваш превосходный труд. Да пошлет Вам Бог здоровье и постоянную бодрость духа, чтобы Вы благополучно смогли завершить на благо человечества тот грандиозный план, который Вы наметили; засим остаюсь, с неизмеримым почтением,

Вашего высокоблагородия покорный слуга,
Фридрих Готтлоб Борн
Лейпциг, 8 ноября 1786

N. S.⁶ Так как Ваши здешние друзья, по-видимому, не всегда являются точными исполнителями Ваших поручений, то я имею смелость

³ *Johannistag* (нем. Рождество св. Иоанна) отмечается в католической церкви 24 июня. Таким образом, Ф. Борн планировал управиться с первым томом за четыре месяца.

⁴ Ярмарка, по-видимости, приурочена ко дню св. Михаила (29 сентября у католиков).

⁵ Вероятно, речь идет о Карле Шмиде (1761–1812), чьи философские сочинения представляли собой, по большей части, комментарий к кантовской философии.

⁶ *Nachsatz* (нем.) — *Postskriptum* (P. S.).

всеподданнейше предложить Вам свои услуги. Я сочту за честь и удовольствие с наибольшей точностью позаботиться обо всем, поручением чего Вы благосклонно окажете мне честь⁷.

16 АПРЕЛЯ 1788

Благородный господин,
многоуважаемый господин профессор!

Примерно через три или четыре недели после ярмарки в день св. Михаила прошедшего года я имел честь, воспользовавшись обращением книготорговца господина Фритше к господину Хартунгу, переслать Вашему высокоблагородию мое сочинение *de scientia et conjectura* с нижайшей просьбой благосклонно сообщить мне Ваше строгое суждение о нем. Так как с того момента я не получил ответа от Вашего высокоблагородия, то вынужден беспокоиться, что мое письмо вкупе с книгой или вовсе пропало, или не было доставлено. Потому я осмеливаюсь попросить Вас сообщить мне одной строкой, получили ли Вы то и другое, чтобы в случае, если этого не произошло, я мог, пользуясь возможностями, какие предоставляет мне нынешняя ярмарка, прислать Вам другой экземпляр. В то же время обращаюсь с нижайшей просьбой к Вашему превосходительству отослать мне в скорейшем времени имеющиеся дополнения и комментарии к переводу «Критики чистого разума». Мне предстоят еще другие работы, за которые я не могу взяться, пока не закончу с подготовкой перевода. Ваше превосходительство, как Вы уже осведомлены, приобрели себе нового противника в лице бывшего профессора университета в Ингольштадте⁸ и нынешнего надворного советника в Готе г-на Адама Вейсгаупта, чье «Сомнение в кантовском понятии пространства и времени»⁹ (Нюрнберг, 1788. 8¹⁰), как мне кажется, представляет собою самый остроумный продукт из всего, что до сих пор было написано против Вас. Однако он не попадает в цель,

⁷Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 8. Nov. 1786, 1922.

⁸Город в Баварии.

⁹Имеется в виду сочинение «Zweifel über die Kantischen Begriffe von Zeit und Raum» Адама Вейсгаупта (1748–1830), основателя ордена иллюминатов, противника кантовской философии.

¹⁰8 — вышедшее в формате *in octavo* (восемь страниц на типографском листе). Другие форматы: *in plano* (страница книги равна странице типографского листа), *in folio 2°* (страница книги равна половине размера типографского листа), *in quarto 4°* (четыре страницы на типографском листе).

и я в промежутке между сегодняшним днем и днем св. Иоанна выпущу направленное против него сочинение объемом от восьми до десяти листов и с оказией пришлю оное Вам. Некоторое время назад распространился слух, что Вы могли бы занять преподавательскую должность в Галле. Сколь велика была моя радость по этому поводу, столь сильно был я раздосадован, когда узнал, что это было заблуждение. Здесь и в других местах в книжных лавках весьма высокий спрос на Ваши ранние малые сочинения, которые все уже раскуплены. Общее желание таково, чтобы Вы соблаговолили переиздать их все в одном томе. В издателях у Вас не будет недостатка. Некоторые здешние книготорговцы выразили мне желание взять на себя издание этих сочинений, ежели господин Харткнох не будет к тому склонен. Однако и он охотно возьмет издание на себя. Я прошу Вас соблаговолить дать обо всем этом скорый ответ, и остаюсь с неизмеримым почтением и уважением

Вашего высокоблагородия покорный слуга,
Фридрих Готтлоб Борн
Лейпциг, 16 апреля 1788¹¹

9 МАЯ 1788

Благородный господин,
многоуважаемый господин профессор!

Господин Харткнох вручит Вам в приложении несколько местных академических порождений, содержащих самые простодушные нападки на Вашу философскую систему. Поистине, это позор для нашего университета, что такие жалкие плоды могли возникнуть на нашей земле, которая ныне всецело является достоянием поверхностных болтунов. В действительности студенты столь испорчены, что чертовски мало тех, кто приобрел вкус к серьезному изучению математики и критической философии. Кроме того, господин Харткнох доставит Вам мое небольшое сочинение *de scienta etc.* Я прошу Вас, если при случае сможете его прочесть, любезно приоткрыть мне Ваше строгое о нем суждение. — На этой ярмарке у Вас опять появилось два новых противника. Один из них — некий Фаут (Fauth)¹², как мне сказали, из Тюбингена, здесь опубликовавший в издательстве у Крузия «Нечто о причинности»: второй — некто доктор Мас (Mals) из Галле, который, я полагаю, оспаривает

¹¹Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 16. April. 1788, 1922.

¹²Якоб Фаут, как и А. Вейсгаупт, принадлежал к ордену иллюминатов.

эстетические понятия. Я, однако, до сих пор за недостатком досуга не смог просмотреть сочинения кого-либо из обоих. Между тем нет недостатка и в таких, кто стремится взять доброе дело под защиту и способствовать его продвижению. Так, например, господин профессор Вилле (Wille) из Альтдорфа обнародовал комментарии к «Критике чистого разума». Правда, их я тоже еще не видел. Вероятно, Вы их уже получили. Я не только закончил перевод «Критики спекулятивного разума», но также перевел уже большую часть «Основоположения метафизики нравов». Я был тем более требователен к себе, так как господин Харткнох в конце прошлого года напомнил мне о завершении этой работы. Поскольку я в продолжение этого времени отложил все прочее в сторону и все мое время и силы посвятил только переводу, то, конечно, ничего не заработал и не мог получать все, что мне нужно, из других источников. Поэтому я вынужден был обратиться к господину Харткноху с просьбой об авансе в 130 талеров, которые должен уплатить. Однако я дважды получил отрицательный ответ. Так как я пообещал работать за очень маленькие деньги (три талера за лист), тогда как здесь я получил бы гонорар от пяти талеров, то это обстоятельство мне тем более неприятно, и я всерьез подумую над тем, не работать ли мне над вторым томом для него за пять талеров/лист. Постольку я по вышеуказанным причинам нахожусь в весьма затруднительном положении, то мне было бы тем в высшей степени приятно, если бы Ваше превосходительство смогли подвигнуть господина Харткноха обратиться с распоряжением к его местному партнеру господину Хертелю; остаюсь пожизненно обязанным благодарностью за эту благосклонность

Вашего превосходительства и высокоблагородия
моего высокочтимого господина профессора покорный слуга
Фридрих Готтлоб Борн
Лейпциг, 9 мая 1788¹³

6 ОКТЯБРЯ 1788

Благородный господин,
высокочтимый господин профессор!

Я пересылаю Вам с этим письмом экземпляр моего «Опыта о первых основаниях учения о чувственности». Изначально я хотел только опровергнуть Адама Вейсгаупта. Однако вскоре я изменил свое решение

¹³Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 9. Mai. 1788, 1922.

и вместо этого взялся переработать всю «Критику чистого разума» в пять или шесть томов, чтобы изложить ее популярнее и таким образом ответить на звучащие со всех сторон всеобщие жалобы на темноту и непонятность этой системы, а также и на все появившиеся ранее опубликованные искажения и ошибочные толкования, включив в нее проверку и опровержение выдвинутых против нее, по большей части весьма нелепых, сомнений. Это только первый опыт, в котором я, помимо Вейсгаупта, одновременно дал надлежащую отповедь господам Федеру (Feder)¹⁴, Абелью (Abel)¹⁵, Зелле (Selle)¹⁶, Титтелю (Tittel)¹⁷, Платтнеру (Plattner)¹⁸. Думаю, что если я смогу выпустить еще один или два таких томика, то эти господа постыдятся так сплетничать перед всем честным народом. Вейсгаупт к этой ярмарке выпустил новое сочинение о первых основаниях человеческого познания¹⁹, которое я еще не прочел; в печати и еще одно его же сочинение о созерцаниях²⁰. Автор «Опыта о Боге, мире и человеческой душе»²¹ (1788, Берлин), которого я время от времени цитировал в своем сочинении — это господин Корроди, занимающий должность профессора естественного права в гимназии в Цюрихе. Прошлым летом в Эрлангене один молодой ученый, г-н Абихт, опубликовал *disput. de philosophiae Kantianae habitu*

¹⁴ Речь идет о философе Иоганне Г. Г. Федере (Johann Georg Heinrich Feder, 1740–1821) и его работах «О пространстве и причинности в целях проверки кантовской философии» (Über Raum und Caussalität zur Prüfung der Kantischen Philosophie) и «Логика и метафизика» (Logik und Metaphysik). Оба сочинения вышли в 1788 г.

¹⁵ Имеется в виду Якоб Фридрих фон Абель (Jacob Friedrich von Abel) и, вероятно, его сочинение «Пояснения важных предметов из философской и христианской морали, особенно аскетике, посредством наблюдения из учения о душе» (Erläuterungen wichtiger Gegenstände: aus der philosophischen und christlichen Moral, besonders der Ascetik durch Beobachtungen aus der Seelenlehre) 1788 г.

¹⁶ Речь идет о враче и философе Кристиане Готтлибе Зелле (Christian Gottlieb Selle) (1748–1800). Вероятно, имеется в виду сочинение 1788 г. «Основоположения» (Grundsätze).

¹⁷ Имеется в виду работа «Пояснения теоретической и практической философии согласно порядку господина Федера» (Erläuterungen der theoretischen und praktischen Philosophie nach Herrn Feders Ordnung, 1788), написанная Готтлобом Августом Титтелем (Gottlieb August Tittel, 1739–1816).

¹⁸ Речь об Эрнсте Платтнере (Ernst Plattner, 1744–1818). Единственная работа, датированная соответствующим периодом, которую удалось найти, — слушательский конспект лекций по эстетике (1777/78).

¹⁹ Имеется в виду «Об основаниях и достоверности человеческого познания» (Über die Gründe und Gewißheit der Menschlichen Erkenntniß, 1788).

²⁰ Имеется в виду «О созерцаниях и явлениях у Канта» (Über die Kantischen Anschauungen und Erscheinungen, 1788).

²¹ Речь идет о Генрихе Корроди (Heinrich Corrodi, 1752–1793) и его работе «Versuch über Gott, die Welt und die menschliche Seele».

ad Theologiam, а к этой ярмарке издал исследование о действиях воли, которое дает мне основания многого от него ожидать. Здесь есть один наделенный превосходными талантами молодой человек, г-н Хайденрайх (Heidenreich)²², у которого достаточно сердца, чтобы излагать Вашу систему; первый том его изложения системы Спинозы уже вышел из печати. Отрывок с девятой по одиннадцатую страницы в моем предисловии полностью посвящен Платтнеру (Plattner), который ежедневно опровергает в своих лекциях критическую философию и заявляет о своей неуверенности, но при этом называет остроумного создателя оной догматическим скептиком или скептическим догматиком. Для моего латинского перевода «Критики разума» я нахожу благоразумным кое-где приложить под текстом комментирующие примечания, а потом в конце добавить еще и небольшие *claves* в форме разъясняющего алфавитного указателя, чтобы облегчить иностранцем понимание и проверку и предупредить таким образом нелепые искажения и ошибочные толкования. Но тогда перевод, конечно, станет почти на три алфавита²³ больше объемом. Поэтому я очень хотел бы знать, одобрит ли Ваше Высокоблагородие такую затею. Господин Харткнох настаивает на завершении работы, и я обещал позаботиться о том, чтобы она могла полностью быть издана к следующему дню св. Ионана. Имею честь,

покорный слуга Вашего высокоблагородия
Фридрих Готтлоб Борн
Лейпциг, 6 октября 1788²⁴

²²Речь идет о немецком философе и поэте Карле Хайденрайхе (1764–1801). Он учился в университете Лейпцига и был автором сочинений «Пропедевтика моральной философии» (*Propädeutik der Moralphilosophie*, 1794), «Письма об атеизме» (*Briefe über den Atheismus*, 1796), «Vesta, или небольшие сочинения к философии жизни» (*Vesta oder kleine Schriften zur Philosophie des Lebens*, 1798). Большая часть текстов, в том числе поэтических, вышла из печати только в 1803 г. после смерти Карла при помощи его брата. См.: Franck, 1880.

²³В книгопечатании до примерно XIX в. печатные листы (один печатный лист, как правило, составляет шестнадцать страниц) книги обозначались алфавитными буквами; поэтому говорили — в зависимости от объема — что книга содержит *несколько алфавитов*. «Печатный алфавит» состоял из 23-х букв; если размер листа, например, шестнадцать страниц, то расчет выглядит следующим образом: 16 умножается на 23, получается 368. Таким образом, Борн говорит о том, что, работа будет больше объемом почти на девятьсот страниц. Интересно, что *алфавит* был связан с цензурной политикой. Многие авторы старались издавать объемные произведения, поскольку считалось, что книгу объемом книги от трех алфавитов может купить только очень богатый человек, которого не надо защищать цензурой от революционной мысли.

²⁴Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 6. October. 1788, 1922.

10 МАЯ 1790

Высокоблагородный господин,
высококочтимый господин профессор!

Я имею смелость рекомендовать Вашему высокоблагородию настоящего господина Блока (Block) из Галиции, еврея по рождению, который некоторое время назад учился здесь и теперь выехал отсюда в Кёнигсберг только для того, чтобы закончить обучение. Он прилежный, порядочный молодой человек, который, будучи стеснен тяжелой нуждой, все же не утратил своего рвения к приобретению хороших знаний; его Вы обнаружите ровно таким, как я Вам его здесь описываю. К этой просьбе я присовокупляю еще одну. Дело в том, что [я] хотел бы со временем выпустить прагматическую историю критической философии и уже начал собирать материал для нее. Если бы Ваше высокоблагородие при удобном случае, когда у Вас выдастся свободное время, соблаговолили изложить письменно и переслать мне важнейшие моменты Вашей жизни, столь важной для ученого мира, то такая благосклонность неизмеримо увеличила бы мою признательность Вам. Мой перевод «Критики разума» прервался из-за затянувшейся переработки латинского лексикона Кирша, за который я был вынужден взяться. К тому же гонорар в три талера за лист — вовсе не соответствует усилиям, которые приходится прилагать. Если бы господин Харткнох согласился поднять гонорар хотя бы до пяти талеров за лист, то первая часть могла бы выйти к будущему дню св. Михаила. Но этого он не делает; потому я, верно, буду искать другого издателя. С моим журналом дело идет не очень успешно. Я не могу получить сотрудников, а статьи моего соредактора не нравятся мне из-за той поспешности, с какой они написаны. Сейчас печатается четвертый выпуск, и я бы очень хотел с этим закончить и основать по тому же плану новый ежеквартальник полностью под моим именем, если смогу найти для него издателя. Между прочим, в здешних краях критическая философия все еще встречает большое сопротивление. Ибо, увы! Немного таких, кто может мыслить, но даже они так же полагаются на болтовню Эберхарда и усердно поклоняются ему. В конце концов надоедает вновь и вновь читать этот десять раз подогретый вздор, на который уже двадцать раз ответили, и снова отвечать на него. К нынешней ярмарке и здесь, и за границей опять выйдет в свет много подобной жалкой писани-

ны. Я желаю Вашему высокоблагородию долгого и крепкого здоровья, и остаюсь с неизмеримым почтением

Вашего высокоблагородия покорный слуга
Фридрих Готтлоб Борн
Лейпциг, 10 мая 1790²⁵

ИСТОЧНИКИ

- Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 7. Mai. 1786 // Kant's Gesammelte Schriften : In 23 Bde. Bd. x / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — 2. Aufl. — Berlin, 1922. — S. 444–445.
- Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 8. Nov. 1786 // Kant's Gesammelte Schriften : In 23 Bde. Bd. x / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — 2. Aufl. — Berlin, 1922. — S. 470–471.
- Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 16. April. 1788 // Kant's Gesammelte Schriften : In 23 Bde. Bd. x / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — 2. Aufl. — Berlin, 1922. — S. 534.
- Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 9. Mai. 1788 // Kant's Gesammelte Schriften : In 23 Bde. Bd. x / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — 2. Aufl. — Berlin, 1922. — S. 535.
- Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 6. October. 1788 // Kant's Gesammelte Schriften : In 23 Bde. Bd. x / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — 2. Aufl. — Berlin, 1922. — S. 547–548.
- Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 10. Mai. 1790 // Kant's Gesammelte Schriften : In 23 Bde. Bd. xi / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — 2. Aufl. — Berlin, 1922. — S. 172–173.

ЛИТЕРАТУРА

- Franck J.* Heydenreich, Karl Heinrich // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 12. — Leipzig : Duncker & Humblot, 1880. — S. 355–356.
- Klemme H., Kuehn M.* The Bloomsbury Dictionary of Eighteenth-Century German Philosophers. — London : Bloomsbury Academic, 2016.
- Richter A.* Born, Friedrich Gottlieb // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 3. — Leipzig : Duncker & Humblot, 1876. — S. 163.
- Röttgers K.* Kritik und Praxis: Zur Geschichte des Kritikbegriffs von Kant bis Marx. — Berlin : Walter de Gruyter, 1975.
- Sassen B.* Kant's Early Critics: The Empiricist Critique of the Theoretical Philosophy. — New York : Cambridge University Press, 2000.

²⁵Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 10. Mai. 1790, 1922.

Born, F. G. 2018. "Pis'ma k Immanuilu Kantu [Letters to Kant]" [in Russian], trans. from the German and annot., with an introd., by A. M. Vinkel'man [A. M. Winkelman]. Ed. by P. V. Rezvykh. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] II (2), 121–133.

FRIEDRICH GOTTLÖB BORN

LETTERS TO KANT

Translation of: *Kant's Gesammelte Schriften* [in German]. 1922. 2nd ed. Ed. by Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften. Vol. x. Berlin. P. 444–445, 470–471, 534, 535, 547–548; *Kant's Gesammelte Schriften* [in German]. 1922. 2nd ed. Ed. by Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften. Vol. xi. Berlin. P. 172–173.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-121-133.

REFERENCES

- "Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 7. Mai. 1786" [in German]. 1922. In *Kant's Gesammelte Schriften*, 2nd ed., ed. by Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften, x:444–445. Berlin.
- "Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 8. Nov. 1786" [in German]. 1922. In *Kant's Gesammelte Schriften*, 2nd ed., ed. by Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften, x:470–471. Berlin.
- "Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 16. April. 1788" [in German]. 1922. In *Kant's Gesammelte Schriften*, 2nd ed., ed. by Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften, x:534. Berlin.
- "Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 9. Mai. 1788" [in German]. 1922. In *Kant's Gesammelte Schriften*, 2nd ed., ed. by Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften, x:535. Berlin.
- "Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 6. October. 1788" [in German]. 1922. In *Kant's Gesammelte Schriften*, 2nd ed., ed. by Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften, x:547–548. Berlin.
- "Brief von Friedrich Gottlob Born an Immanuel Kant vom 10. Mai. 1790" [in German]. 1922. In *Kant's Gesammelte Schriften*, 2nd ed., ed. by Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften, xi:172–173. Berlin.
- Franck, J. 1880. "Heydenreich, Karl Heinrich" [in German]. In *Allgemeine Deutsche Biographie*, 12:355–356. Leipzig: Duncker & Humblot.
- Kant's Gesammelte Schriften* [in German]. 1922. 2nd ed. Ed. by Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften. Vol. x. Berlin.
- Klemme, H., and M. Kuehn. 2016. *The Bloomsbury Dictionary of Eighteenth-Century German Philosophers*. London: Bloomsbury Academic.
- Richter, A. 1876. "Born, Friedrich Gottlieb" [in German]. In *Allgemeine Deutsche Biographie*, 3:163. Leipzig: Duncker & Humblot.
- Röttgers, K. 1975. *Kritik und Praxis: Zur Geschichte des Kritikbegriffs von Kant bis Marx* [in German]. Berlin: Walter de Gruyter.
- Sassen, B. 2000. *Kant's Early Critics: The Empiricist Critique of the Theoretical Philosophy*. New York: Cambridge University Press.

АЛЕКСАНДР ЦЫГАНКОВ, ТЕРЕЗА ОВОЛЕВИЧ*

ИСТОРИЯ СЕМЬИ И ТВОРЧЕСТВА С. Л. ФРАНКА В ПЕРЕПИСКЕ Л. БИНСВАНГЕРА И Т. С. ФРАНК**

Аннотация: В предлагаемой вступительной статье к архивной публикации семи писем Людвиг Бинсвангера к Татьяне Сергеевне Франк, которые были написаны в 1951–1953 гг., дается общий обзор архивного наследия швейцарского психиатра, связанного с семьей Франков. В 1986–1993 гг. все рукописное и машинописное наследие Бинсвангеров было передано на хранение в архив университета Тюбингена. Среди прочего в архиве Л. Бинсвангера находится его переписка с семьей Франков, в общей сложности составляющая 680 единиц хранения, большая часть из которых представлена письмами Л. Бинсвангера и С. Л. Франка. Однако после кончины русского философа в 1950 г. переписка с швейцарским психиатром была продолжена его вдовой — Т. С. Франк, в целом поддерживавшей контакты с друзьями и коллегами своего мужа. Среди главных тем, присутствующих в их корреспонденции, можно выделить тему семьи (в основном представлена перепиской, в которой тем или иным образом затрагивается судьба среднего сына Франков — Алексея, имевшего сложный жизненный путь и нуждавшегося в то время в профессиональной врачебной помощи); тему публикации текстов Л. Бинсвангера о С. Л. Франке и его философии (эта тема наибольшим образом раскрывается в предлагаемой вниманию читателя переписке, где речь идет об участии Бинсвангера в сборнике, посвященном памяти русского философа) и тему перипетий публикации текстов и эпистолярного наследия самого С. Л. Франка. Богатый материал архив Бинсвангера представляет также для исследования послевоенной судьбы немецкоязычного текста работы С. Л. Франка «Непостижимое», который после смерти философа при помощи его друзей и коллег пыталась опубликовать Т. С. Франк. Так благодаря переписке вдовы философа и Бинсвангера читатель узнает, среди прочего, о том, что Мартин Хайдеггер был знаком с работой С. Л. Франка и вызвался найти для нее издателя и дать свои рекомендации. Но даже несмотря на ходатайство со стороны Хайдеггера и желание издательства Günter Neske опубликовать немецкоязычное «Непостижимое», оно так и не увидело свет.

Ключевые слова: архивное наследие С. Л. Франка, переписка Л. Бинсвангера и Т. С. Франк, архив университета Тюбингена, «Непостижимое», М. Хайдеггер, С. Л. Франк, Т. С. Франк, Л. Бинсвангер.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-134-155.

Творческое наследие философа С. Л. Франка в настоящее время привлекает к себе значительный исследовательский интерес. Во многом

*Цыганков Александр Сергеевич, к. филос. н., научный сотрудник Института философии РАН, m1dian@yandex.ru; Оболевич Тереза, профессор, Папский университет Иоанна Павла II (Краков, Польша), tereza.obolevich@urjp2.edu.pl.

**© Цыганков, А. С.; Оболевич, Т. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

это обусловлено тем, что в последние годы ведется активная работа по публикации ранее неизвестных архивных материалов, связанных с философией и биографией Франка¹, особенно из Бахметьевского архива Колумбийского университета (США), закупившего рукописное наследие философа в 1974–1977 гг.²

Сравнительно мало известен архив Людвиг Бинсвангера, который располагается в Тюбингенском университете. Рукописное и машинописное наследие швейцарского психиатра было передано в архив университета в 1986–1993 гг., после того как в 1980 г. была закрыта фамильная клиника Бинсвангеров, *Sanatorium Bellevue*³. В данном архиве под сигнатурой 443/7 содержится 680 наименований переписки Л. Бинсвангера как с С. Л. Франком, так и с Татьяной, Виктором, Василием и Натальей Франк, а также прочими респондентами, имеющими то или иное отношение к С. Л. Франку и его семье. Письма Л. Бинсвангера и С. Л. Франка были частично опубликованы на русском языке⁴ и со значительными сокращениями изданы в немецком оригинале⁵, однако достаточно длинная и содержательно богатая переписка Л. Бинсвангера с вдовой Франка Татьяной Сергеевной по настоящее время остается неизвестной ни русскому, ни немецкому читателю.

Переписка между вдовой философа и его другом, швейцарским психиатром, берет свое начало после смерти С. Л. Франка. Первое письмо, адресованное Т. С. Франк к Л. Бинсвангеру, датируется 23 января 1951 г.⁶, последнее же относится к 17 января 1966 г.⁷ Но на этом контакты Бинсвангеров и Франков не прекратились. Так, уже после смерти

¹Только в 2017 г. опубликованы следующие архивные тексты с комментариями: Аляев, 2017; Аляев, Резвых, 2017a,b; Гапоненков, 2017; Оболевич, Резвых, 2017; Оболевич, Цыганков, 2017a,b,c; С. Л. Франк, 2017a; Франк, Резвых, 2017b; С. Л. Франк, 2017c; Франк, Цыганков, 2017d; Цыганков, Оболевич, 2017.

²Подробнее см.: Оболевич, 2017: 70.

³См.: *Beglücktes Haus, gesegneter Beruf*, 2003: 3.

⁴См.: Плотноков, 1995; Франк, Григорьев, 2001; Франк, Вальшина и Ферстер, 1992.

⁵См.: *Briefwechsel zwischen Simon L. Frank und Ludwig Binswanger (1934–1938)*, 2013; *Briefwechsel zwischen Simon L. Frank und Ludwig Binswanger (1938–1941)*, 2014; *Briefwechsel zwischen Simon L. Frank und Ludwig Binswanger (1941–1945)*, 2014; *Briefwechsel zwischen Simon L. Frank und Ludwig Binswanger (1945–1950)*, 2015. Сами издатели отмечают, что переписка С. Л. Франка и Л. Бинсвангера была взята ими не из архива университета Тюбингена, а из архива британского исследователя Филиппа Буббайера, где хранится копия переписки. См.: *Briefwechsel zwischen Simon L. Frank und Ludwig Binswanger (1938–1941)*, 2014.

⁶V. Frank, 1951.

⁷T. Frank, 1966.

Людвиг Бинсвангера, наступившей 5 февраля 1966 г., Татьяна Сергеевна продолжала общение с вдовой Бинсвангера Гертой (урожденной Бухенбергер), его дочерью Хильдой и старшим сыном Вольфгангом. Предмет их контактов представляется чрезвычайно важным для вдовы философа и ее сына Василия Франка, письма которого, относящиеся к этому периоду, также хранятся в архиве Бинсвангера, — Татьяна Сергеевна хотела получить разрешение на публикацию переписки С. Л. Франка и Л. Бинсвангера у семьи психиатра. И последнее письмо от 15 июля 1966 г., адресованное Вольфгангом Бинсвангером Василию Франку, такое разрешение содержит⁸.

Стоит отметить, что С. Л. Франк познакомился с Л. Бинсвангером в 1934 г.: в письме к жене от 2 ноября, высланном из Амстердама и хранящемся в библиотеке Дома русского зарубежья А. Солженицына⁹, он делился: «Вчера провел интересный вечер: после доклада одного швейцарского психиатра, был в гостях у местного психолога и хорошо пофилософствовал»¹⁰. В следующем, 1935 г., в сообщении, отправленном уже из Швейцарии, упоминается непосредственно фамилия Бинсвангера: «...тамшний профессор телефонировал Binswanger'у, что мой доклад произвел сильнейшее впечатление и был лучшим за весь год»¹¹. Сам же Л. Бинсвангер в своем письме к С. Л. Франку от 28 ноября 1934 г. признавался: «...встреча с Вами не только произвела как на меня, так и на мою жену огромное впечатление, но и была драгоценным событием»¹². В тяжелые для четы Франков годы Второй мировой войны Бинсвангер не оставлял их и активно поддерживал как финансово, так и посылками с продовольствием. Тогда же, в 1942 г., выйдет и работа Бинсвангера «Основные формы и познание человеческого бытия», в которой швейцарский психиатр частично использует франковскую концепцию Я-Ты-отношения при описании феномена любви¹³. Дружба русского философа и швейцарского психиатра длилась до кончины

⁸W. Binswanger, 1966.

⁹Выражаем признательность к филос. н. Татьяне Резвых (ПСТГУ) за возможность познакомиться с перепиской С. Л. Франка и Т. С. Франк, хранящейся в библиотеке Дома русского зарубежья им. А. Солженицына.

¹⁰С. Л. Франк, 1934.

¹¹С. Л. Франк, 1935а.

¹²Письмо Л. Бинсвангера С. Франку. Ноябрь 1934 г. См.: Франк, Вальшина и Ферстер, 1992: 264. В указанном издании у письма нет точной датировки. Оригинал письма хранится в Бахметьевском архиве и имеет дату 28 ноября 1934 г.

¹³Подробнее см.: L. Binswanger, 1973.

первого, а после его смерти Бинсвангер продолжал переписываться с Татьяной Сергеевной, вдовой С. Л. Франка.

В их переписке можно выделить три главных предмета обсуждения: тему семьи, тему подготовки и публикации различного рода текстов Л. Бинсвангера о С. Л. Франке, а также тему возможности публикации работ и эпистолярного наследия самого философа.

В первой из обозначенных тем наиболее важное место занимает судьба второго сына Франков — Алексея. Впервые его имя в переписке Татьяны Сергеевны и Бинсвангера появилось в 1953 г. и впоследствии упоминалось все чаще и чаще. Из этой переписки читатель узнает о том, что Алексей потерял работу¹⁴, страдал от депрессии и психического расстройства¹⁵, пребывал на лечении в различных клиниках и санаториях¹⁶. При этом отдельно следует отметить, что Л. Бинсвангер принимал живое участие в судьбе второго сына Франка: наводил справки о своих коллегах-психиатрах¹⁷ и рекомендовал психиатрические клиники для него¹⁸. Кроме Алексея, в письмах Т. С. Франк речь идет также о других ее детях: Викторе, Василии и Наталье. В свою очередь, Л. Бинсвангер сообщал вдове философа о том, что его старший сын начал помогать ему в клинике, а потом и вовсе стал ее главой¹⁹. В нескольких письмах швейцарский психиатр также говорил своей респондентке о том, что его дочь получает психиатрическое образование²⁰. В целом эта тема в переписке позволяет раскрыть различные аспекты внутрисемейных отношений Франков в 50–60-е гг., как и историю их перемещений по Европе.

Вторая тема переписки — подготовка и публикация различного рода текстов Л. Бинсвангера, посвященных философии С. Л. Франка и его личности. Именно этот вопрос являлся ведущим на начальном этапе общения швейцарского психиатра и вдовы философа — и именно он открывает их переписку. Так, в письме от 23 января 1951 г. Т. С. Франк спрашивала Бинсвангера о том, мог бы он опубликовать посвящение ее мужу в одном из швейцарских или немецких журналов²¹. В публикуемых в этом номере письмах Л. Бинсвангера к Т. С. Франк (1951–1953 гг.)

¹⁴T. Frank, 1953a.

¹⁵T. Frank, 1953b; 1954a; 1955.

¹⁶T. Frank, 1954b; 1956a; 1962; V. Frank, 1956.

¹⁷L. Binswanger, 1953a.c.

¹⁸L. Binswanger, 1956a.

¹⁹L. Binswanger, 1953b; 1956b.

²⁰L. Binswanger, 1955a; 1958.

²¹V. Frank, 1951.

развитие этой темы нашло свое наибольшее воплощение и вместе с тем завершение, когда швейцарский психиатр выслал Т. С. Франк свои воспоминания о С. Л. Франке, предназначенные для публикации в сборнике памяти философа²². Здесь же стоит упомянуть, что изначально Татьяна Сергеевна просила Бинсвангера по возможности подготовить не только воспоминания о ее муже, но также и статью о его философии²³, что, однако, так и не было реализовано. При этом стоит отметить, что идея создания сборника, посвященного памяти С. Л. Франка, была озвучена Т. С. Франк лишь в письме от 3 марта 1953 г.²⁴, и, судя по публикуемой переписке, сначала Бинсвангер собирался взяться за работу именно над статьей о философии Франка, «о последней главе „Непостижимого“, а именно о зле, страдании и вине, потому что глубину любой философии наилучшим образом можно измерить, уяснив, каким образом она решает эти проблемы»²⁵. Однако вскоре Бинсвангер все-таки склонился в пользу «Воспоминаний»: во-первых, потому что, по его словам, «мои впечатления от Вашего мужа могут способствовать углублению его личностного образа для потомков»; во-вторых, потому что он лишился рукописей книги «Непостижимое», одна из которых по просьбе Т. С. Франк²⁶ была отослана еге секретаршей Ф. А. Степуну (который, в свою очередь, отдал ее в издательство Friedrich Pustet²⁷), а другая, также по просьбе вдовы, — во французское издательство Aubier²⁸. О желании вновь получить рукопись «Непостижимого» Бинсвангер сообщает Татьяне Сергеевне 13 декабря 1951 г., — однако, как указывает Т. С. Франк²⁹, обе рукописи в тот момент находились в издательствах. Несмотря на то, что «Непостижимое» вновь вернулось к Бинсвангеру

²²См. письмо от 27 августа 1953 г. в этом издании. Сборник памяти философа с «Воспоминаниями» Л. Бинсвангера был издан в Мюнхене в 1954 г.: Бинсвангер, 1954.

²³V. Frank, 1951.

²⁴T. Frank, 1953c.

²⁵См. письмо от 13 декабря 1951 г. в этом издании.

²⁶См. письмо Т. С. Франк Л. Бинсвангеру от 25 августа 1951 г., в котором она просила отослать рукопись «Непостижимого» Ф. А. Степуну: T. Frank, 1951a.

²⁷См.: T. Frank, 1951b. Немецкое издательство Friedrich Pustet, специализирующееся на издании гуманитарной литературы, было основано в первой половине XIX в. в Регенсбурге.

²⁸См.: T. Frank, 1951c. Французское издательство Aubier, основанное в Париже в 1924 г., специализируется на издании философской и богословской литературы. Именно в этом издательстве в 1934 г. Луис Лавель (1883–1951) и Рене ле Санн открыли серию «Философия духа». Там же в 1937 г. вышел сокращенный французский перевод книги С. Л. Франка «Предмет знания».

²⁹См.: T. Frank, 1951d.

в апреле 1953 г., о чем 8 апреля 1953 г.³⁰ он сообщил вдове, за статью о философии С. Л. Франка Бинсвангер так и не взялся. При создании «Воспоминаний» Л. Бинсвангер в первую очередь ориентировался на свою переписку с покойным философом³¹.

Третья тема переписки между Л. Бинсвангером и Т. С. Франк — это вопрос публикации работ и эпистолярного наследия С. Л. Франка. К примеру, в письме от 3 марта 1953 г. вдова философа сообщала о том, что французское издательство Aubier берется за публикацию работы «С нами Бог»³²; само же издание было осуществлено только в 1955 г., о чем Татьяна Сергеевна написала Бинсвангеру 2 мая 1955 г.³³ Несколько ранее, еще в начале переписки, Т. С. Франк спрашивала Бинсвангера о возможности публикации статьи С. Л. Франка «Ересь утопизма» в одном из швейцарских журналов³⁴. В письме от 15 апреля 1953 г. Татьяна Сергеевна интересовалась, существует ли шанс опубликовать в Швейцарии работу Франка «Реальность и человек», которая, по ее словам, не была еще опубликована ни по-английски, ни по-немецки³⁵. О публикации последней книги С. Л. Франка вдова также сообщала психиатру в 1956 г. как, впрочем, и о том, что «Реальность и человек» вскоре должна выйти на английском языке³⁶.

К этой же тематике можно отнести и желание Т. С. Франк обнародовать переписку между Л. Бинсвангером и С. Л. Франком, о котором она сообщала своему респонденту в письме от 17 июля 1958 г. с просьбой прислать ей имеющиеся у Бинсвангера письма³⁷. Швейцарский психиатр предоставил свою переписку с С. Л. Франком, снятием копии с которой занялся Василий Франк. 3 октября 1958 г. младший сын философа в ответном письме подтвердил получение оригиналов писем от Бинсвангера³⁸. К декабрю 1958 г. Василий закончил переписывать корреспонденцию С. Л. Франка и Л. Бинсвангера и 26 января 1959 г. вернул письма их владельцу, сообщая при этом, что в собрании

³⁰ См. письмо от 8 апреля 1953 г. в этом издании.

³¹ См. письмо от 5 мая 1953 г. в этом издании.

³² См.: Frank, Herman, 1955.

³³ См.: T. Frank, 1955.

³⁴ См.: T. Frank, 1951e.

³⁵ См.: T. Frank, 1953d.

³⁶ См.: T. Frank, 1964. Работа «Реальность и человек» вышла на английском языке в 1965 г. в Лондоне в переводе Н. Даддингтон (N. Duddington) и была переиздана в 1967 г. в Нью-Йорке.

³⁷ См.: T. Frank, 1958a.

³⁸ См.: V. Frank, 1958.

недостает писем от 2 октября и от 5 декабря 1947 г., а также письма, на которое Бинсвангер ответил 3 октября 1949 г.³⁹ Несколько ранее — в письме от 4 декабря 1958 г. — Василий поблагодарил Бинсвангера за искреннюю дружбу с его отцом и в качестве признательности выслал ему книгу Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», незадолго до этого удостоившуюся Нобелевской премии. О том, что для немецкоязычного и англоязычного издания «Автобиографии» Пастернака предисловие и комментарии написал Виктор Франк⁴⁰, Т. С. Франк сообщила в письме к Л. Бинсвангеру от 9 декабря 1958 г.⁴¹ Дальнейшая судьба начинания Татьяны Сергеевны, связанного с публикацией переписки Бинсвангера и С. Л. Франка, упоминалась выше. Именно тема переписки и завершает историю взаимоотношений Франков и Бинсвангеров, которая хранится в архиве университета Тюбингена.

Отдельного внимания заслуживает прослеживающаяся в переписке Т. С. Франк и Л. Бинсвангера история попыток издания немецкоязычного текста работы «Непостижимое». Впервые с просьбой о содействии в издании немецкоязычного текста С. Л. Франка Татьяна Сергеевна обратилась к швейцарскому психиатру в письме от 8 апреля 1951 г.⁴², ответ на которое Бинсвангер дал 17 мая того же года⁴³. Бинсвангер сообщил о том, что издательская ситуация в Швейцарии в настоящий момент является сложной, но обещал переговорить со своим издателем, а также рекомендовал в качестве возможного рецензента проф. Эмиля Бруннера⁴⁴. В ответном письме вдова философа выслала Бинсвангеру немецкоязычную рукопись «Непостижимого» с просьбой переправить

³⁹См.: V. Frank, 1959.

⁴⁰См.: В. Pasternak, 1959. Комментарии или предисловие для англоязычной «Автобиографии» Б. Л. Пастернака, которые были бы написаны Виктором Франком, неизвестны. См. англоязычное издание 1959 г. и последующее переиздание: В. I. Pasternak, 1959.

В 1959 г. у В. Франка в журнале «Мосты» вышла статья, посвященная творчеству Б. Л. Пастернака: В. С. Франк, 1959.

⁴¹См.: Т. Frank, 1958b.

⁴²См.: Т. Frank, 1951e.

⁴³См. письмо от 17 мая 1951 г. в этом издании.

⁴⁴Хайнрих Эмиль Бруннер (1889–1966) — швейцарский протестантский теолог, профессор университета Цюриха. Сам С. Л. Франк был знаком с Э. Бруннером как минимум с 1929 г. Так, в письме из Цюриха к Т. С. Франк от 10 октября 1935 г. философ пишет: «Вчера сюда приехал и читал лекцию, народу было много, но все студенты, профессоров почти не было — жара и конец семестра, все уехали. Богослов Бруннер, у которого я шесть лет тому назад останавливался, тоже не пришел, но прислал мне утешительно сердечное письмо». С. Л. Франк, 1935b.

текст проф. Бруннеру⁴⁵. Однако переговоры с Бруннером, которые вел Бинсвангер, не дали результата, о чем он сообщил в своем письме к Виктору Франку от 4 апреля 1951 г.⁴⁶ Вскоре после этого Бинсвангер по просьбе Т. С. Франк отослал две рукописи «Непостижимого» во французское издательство Aubieg и Ф. А. Степуну, которому вдова философа в письме от 31 июля 1951 г. писала, что «немецкий подлинник существует и я могу Вам выслать его»⁴⁷. В апреле 1953 г. Бинсвангер вновь получил рукопись «Непостижимого», необходимую ему для подготовки «Воспоминаний» о С. Л. Франке. В письме от 8 апреля 1953 г. Бинсвангер сообщил Татьяне Сергеевне, что получил рукопись «Непостижимого», но при этом не может обещать того, что напишет об одном из разделов этой работы, «так как писать мало-помалу мне становится трудно»⁴⁸. До этого немецкоязычный текст «Непостижимого» был у Ф. А. Степуна, в одном из писем к которому от 27 января 1953 г. Т. С. Франк писала, что «Книга „Непостижимое“ — если она не нужна Вам — она очень нужна одному другу Семена Людвиговича Dr. Binswanger’у, который начал работу о ней [...] и прервал эту работу, потому что рукопись была выслана Вам»⁴⁹. Далее «Непостижимое» упоминается в письме Т. С. Франк от 15 декабря 1953 г., в котором она просила переслать манускрипт доктору Хансу Виссу (Wyss) в издательство Origo⁵⁰, что Бинсвангер и сделал 9 февраля 1954 г. Задержка была обусловлена тем, что швейцарский психиатр сперва хотел дождаться выхода своих «Воспоминаний» о С. Л. Франке в журнале *Jahrbuch für Psychologie und Psychotherapie*. В итоге, в связи с запозданием выхода журнала, он ограничился машинописной копией своих «Воспоминаний», которую отослал в издательство вместе с рукописью⁵¹. Однако через неделю из издательства пришел отказ в публикации «Непостижимого» по причине того, что этот философский текст оказался слишком тяжелым для восприятия⁵². Об отказе издателя Бинсвангер сообщил

⁴⁵См.: Т. Frank, 1951f.

⁴⁶См.: L. Binswanger, 1951.

⁴⁷Fedor Stepun Papers, n. d. Стоит упомянуть, что еще ранее, в 1948 г., Ф. А. Степун сообщал о Иоанну (Шаховскому): «По моей рекомендации выходит [...] „Непостижимое“ Франка» (Степун, 1948).

⁴⁸См. письмо от 8 апреля 1953 г. в этом издании.

⁴⁹Fedor Stepun Papers, n. d..

⁵⁰Издательство Origo было основано в 1945 г. в Цюрихе; с 1975 г. располагается в Берне. Доктор Ганс Висс был одним из первых его руководителей.

⁵¹См.: L. Binswanger, 1954a.

⁵²См.: Origo-Verlag, 1954.

Татьяне Сергеевне в письме от 4 мая 1954 г.⁵³ В следующем письме, касающемся «Непостижимого», 1 июля 1954 г. Людвиг Бинсвангер извещил вдову философа о том, что профессор Мартин Хайдеггер вызвался найти издателя для этого сочинения и дать свои рекомендации⁵⁴. Каким образом Хайдеггер познакомился с работой Франка, пока до конца не ясно, однако с определенной долей уверенности можно утверждать, что о «Непостижимом» немецкий философ узнал именно от Бинсвангера, с которым он также состоял в переписке⁵⁵. В ответном письме Т. С. Франк выразила свою радость по поводу новости о намерении Хайдеггера и поинтересовалась, можно ли попросить немецкого философа написать предисловие к книге⁵⁶. Неизвестно, написал ли М. Хайдеггер предисловие к «Непостижимому», однако свое обещание он выполнил, и 23 ноября 1954 г. Л. Бинсвангер написал письмо в издательство Günther Neske⁵⁷, спрашивая о рукописи «Непостижимого», присланной Хайдеггером⁵⁸. В издательстве Günther Neske в январе 1954 г. вышли статьи и доклады М. Хайдеггера «Vorträge und Aufsätze» (Heidegger, 1954), там же в 1950-е гг. были опубликованы такие его произведения, как «Der Satz vom Grund» (Heidegger, 1957), «Identität und Differenz» (Heidegger, 1959b), «Gelassenheit» (Heidegger, 1959a) и «Unterwegs zur Sprache» (Heidegger, 1959c). Таким образом, на основании переписки Л. Бинсвангера и Т. С. Франк можно говорить о том, что не только С. Л. Франк был знаком с творчеством М. Хайдеггера и активно о нем отзывался⁵⁹, но и немецкий философ имел возможность читать opus vitae русского мыслителя и участвовал в попытках его опубликования. Тем не менее, даже несмотря на ходатайство Хайдеггера, немецкоязычному «Непостижимому» так и не удалось увидеть свет...

⁵³См.: L. Binswanger, 1954b.

⁵⁴См.: L. Binswanger, 1954c.

⁵⁵В архиве университета Тюбингена под сигнатурой 443/13 хранится переписка Л. Бинсвангера с М. Хайдеггером, длившаяся с 1928 г. по 1967 г. Существует также вероятность, что свое намерение Хайдеггер высказал во время одной из личных встреч с Бинсвангером.

⁵⁶См.: T. Frank, 1954b.

⁵⁷Издательство Günther Neske было основано Гюнтером Неске (1913–1997) в 1951 г. в Пфуллингене.

⁵⁸См.: L. Binswanger, 1954e.

К сожалению, в архиве издательства Klett, куда была передана корреспонденция издательства Günther Neske в 1998 г., после кончины основателя издательства, письма Хайдеггера относительно работы «Непостижимое» не сохранились. Переписка издательства с Л. Бинсвангером, которая хранится в архиве, начинается лишь с 1956 г.

⁵⁹См. подробнее: Plotnikow, 1994; а также: Плотников, 1995.

В письме к Бинсвангеру издатель выразил заинтересованность в публикации «Непостижимого», которое, по его словам, займет свое достойное место рядом с работами М. Хайдеггера и Н. А. Бердяева⁶⁰, — но для издания требовалась ссуда в 5 или 6 тысяч немецких марок. 25 ноября 1954 г. швейцарский психиатр попросил у издательства Günther Neske разрешение на пересылку письма вдове философа, чтобы она смогла узнать о том признании, которое получила работа ее мужа со стороны издателя⁶¹. Чуть позже, 1 декабря 1954 г., Людвиг Бинсвангер переслал письмо из издательства Татьяне Сергеевне⁶². 25 января 1955 г. Бинсвангер вновь написал в издательство и попросил вернуть рукопись «Непостижимого» в том случае, если издать ее все-таки не представляется возможным⁶³. Окончательный отрицательный ответ от издательства Günther Neske пришел лишь в мае 1955 г.: в нем издатель сообщил, что в одиночку не может взять на себя риск публикации «Непостижимого», добавив, что рукопись хочет получить профессор Вальтер Варнах (Walter Warnach) из Дюссельдорфа. С 1946 г. Вальтер Варнах (1910–2000) работал редактором в издательстве Schwann/Patmos⁶⁴. Он занимался религиозной философией и теологией и был известен своей довоенной дискуссией с Эдит Штайн⁶⁵, а также перепиской с такими теологами, как Карл Ранер, Генрих Шпэмман⁶⁶ и Эрих Пшивара⁶⁷. В издательстве Günther Neske в 50-е гг. вышло две книги Варнаха (Warnach, 1952; 1954), и, вероятно, именно к нему обратился издатель с предложени-

⁶⁰В 1950 г. Гюнтером Неске было переиздано две книги Н. А. Бердяева — «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы» (Berdiajew, 1950b) и «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы» (Berdiajew, 1950a). Есть и более ранние немецкоязычные издания этих работ: Berdiajew, 1925; 1927. Подобное переиздание стало возможным благодаря тому, что 17 апреля 1951 г. Гюнтер Неске получил все права издательства (Vierzig Jahre, 1991: 64).

⁶¹См.: L. Binswanger, 1954f.

⁶²См.: L. Binswanger, 1954d.

⁶³См.: L. Binswanger, 1955b.

⁶⁴Издательство Schwann/Patmos изначально было основано в 1821 г. Леонардом Шваммом. После Второй мировой войны оно было переименовано в Patmos. Во времена описываемых событий издательство специализировалось на выпуске теологической литературы. С самим Варнахом Гюнтер Неске познакомился в 1952 г. См.: Vierzig Jahre, 1991: 32.

⁶⁵Эдит Штайн (1891–1942) — немецкий философ и католическая святая, погибшая в Освенциме.

⁶⁶Генрих Шпэмман (Heinrich Spaemann) (1903–2001) — немецкий католический священник и писатель.

⁶⁷Эрих Пшивара (Erich Przywara) (1889–1972) — католический философ и теолог.

ем ознакомиться с работой С. Л. Франка⁶⁸. Однако был ли отправлен текст «Непостижимого» в Дюссельдорф, остается неясным, потому что переписка Т. С. Франк с Л. Бинсвангером внезапно оборвалась и продолжилась только в 1956 г. В письме от 23 июля 1956 г. Бинсвангер информировал Татьяну Сергеевну, что он встречался с издателем Гюнтером Неске, который надеется на публикацию «Непостижимого», и что издатель отдал рукопись компетентному профессору философии в Тюбингене⁶⁹. О судьбе «Непостижимого» в Тюбингене Татьяна Сергеевна спрашивала Бинсвангера в письме от 19 сентября 1956 г.⁷⁰ Однако и здесь сочинение С. Л. Франка не нашло своего издателя, и в письме от 31 октября того же года вдова философа сообщала Бинсвангеру, что она получила рукопись, однако та дошла не полностью⁷¹.

Таким образом, немецкоязычный текст работы С. Л. Франка был частично утерян в 1956 г. При этом стоит помнить о том, что сохранился второй экземпляр, о котором вдова философа и сообщала в письме от 2 декабря 1956 г., указывая на то, что он находится у В. В. Зеньковского⁷². Далее, согласно корреспонденции Т. С. Франк и Л. Бинсвангера, рукопись «Непостижимого» оказалась в руках у Д. И. Чижевского, который пытался найти издателя в Хайдельберге⁷³. В письме от 3 ноября 1958 г. Татьяна Сергеевна выражала надежду на то, что книга в ближайшее время все-таки выйдет на немецком языке, и сообщала, что Ф. А. Степун вновь ведет переговоры с издательством Kösel⁷⁴. В послании от 23 ноября того же года Т. С. Франк уточняла, что издательство в Клагенфурте издаст 600 экземпляров, продажу которых на себя возьмет издательство Kösel⁷⁵. Однако и эта попытка оказалась безуспешной, и 3 ноября 1961 г. вдова философа обратилась к Бинсвангеру с очередным вопросом о том, знает ли он какое-нибудь швейцарское издательство,

⁶⁸Корреспонденцию издательства Günther Neske с В. Варнахом следует искать в Историческом архиве города Кёльна, куда после смерти Варнаха было передано его рукописное наследие.

⁶⁹См.: L. Binswanger, 1956c.

⁷⁰См.: T. Frank, 1956b.

⁷¹См.: T. Frank, 1956c.

⁷²См.: T. Frank, 1956a.

⁷³См.: T. Frank, 1958c.

⁷⁴См.: T. Frank, 1958d.

Подробнее о переговорах Ф. А. Степуна с одним из старейших немецких издательств Kösel, история которого восходит еще к концу XVI в., см.: Кантор, 2013. См. также: Степун, 1999.

⁷⁵См.: T. Frank, 1958e.

где можно было бы опубликовать работу за деньги⁷⁶. Людвиг Бинсвангер посоветовал обратиться в издательство А. Franke⁷⁷, но и оттуда 16 января 1962 г. пришел отказ⁷⁸. Этот отказ, переправленный Татьяной Сергеевной Людвигу Бинсвангеру, и является последним «следом», который оставляет «Непостижимое» в переписке швейцарского психиатра и вдовы философа.

Предлагаемый читателю архивный материал — семь писем Л. Бинсвангера к Т. С. Франк, написанных в период с 1951 г. по 1953 г., — ранее не был введен в научный оборот. Архивные материалы, хранящиеся в шестой коробке фонда С. Л. Франка в Бехметьевском архиве⁷⁹, представляют собой девять машинописных листов. В той же коробке содержатся четыре письма Л. Бинсвангера к С. Л. Франку (от 28 ноября 1934 г., 5 июля 1950 г., 13 сентября 1950 г. и 4 октября 1950 г.), напечатанные на семи листах. В коробке вместе с письмами хранится также лист, на котором, по всей вероятности, Василием Франком, напечатано: «Письма Д-ра Бинсвангера к Т. С. Франк, после кончины Семена Людвиговича, он не оставлял своим вниманием Т. С. Сведения о нем будут приложены к его письмам, адресованным Семену Людвиговичу. Все письма его и ответы Семена Людвиговича собраны в один том и перепечатаны на машинке. Они будут приложены тоже в переписке». Подчеркивания и фрагменты, дописанные чернилами, сохранены и отмечены в тексте и сносках.

Авторы выражают искреннюю признательность руководителю архива университета Тюбингена, доктору Регине Кюлер за оказанную помощь и информационную поддержку при подготовке данной публикации. Мы также признательны руководителю архива издательства Klett в Штутгарте Ульрике Шольц и почетному профессору Высшей школы философии в Мюнхене Петеру Элену за его неизменную отзывчивость и готовность оказать поддержку в исследовании творчества и биографии С. Л. Франка. Отдельную благодарность хотелось бы выразить

⁷⁶См.: Т. Frank, 1961. О материальных средствах в размере 6000 немецких марок, полученных в рамках немецкой политики возмещения ущерба от деятельности национал-социалистов (нем. Wiedergutmachungspolitik), Василий Франк сообщил в письме к Бинсвангеру от 19 июля 1961 г. См.: V. Frank, 1961.

⁷⁷См.: L. Binswanger, 1961. Издательство А. Franke, изначально специализировавшееся на выпуске теологической и лингвистической литературы, было основано в Берне в 1831 г. С 1984 г. издательство располагается в Тюбингене.

⁷⁸См.: Bender, 1961.

⁷⁹Бинсвангер, б. д..

доктору Ральфу Бинсвангеру, который от лица семьи Бинсвангеров дал разрешение на публикацию переписки Л. Бинсвангера с Т. С. Франк.

Источники

Рукописные источники

- Стелун Ф. А.* Письмо к владыке Иоанну (Шаховскому) // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York. — 16 окт. 1948. — Georgii Petrovich Fedotov Papers. — Series I: Correspondence. — Box 1.
- Франк С. Л.* Письмо жене // Архив библиотеки «Дома русского зарубежья им. А. Солженицына». — 2 нояб. 1934. — Ф. 4. — Оп. 1. — Ед. хр. 11. — 4 л.
- Франк С. Л.* Письмо жене // Архив библиотеки «Дома русского зарубежья им. А. Солженицына». — 1935а. — Ф. 4. — Оп. 1. — Ед. хр. 12. — 19 л.
- Франк С. Л.* Письмо жене // Архив библиотеки «Дома русского зарубежья им. А. Солженицына». — 10 окт. 1935b. — Ф. 4. — Оп. 1. — Ед. хр. 12. — 17 л.
- Bender H.* An T. Frank // Uni-archiv Tübingen. — 16. Jan. 1961. — 443/7, 672e.
- Binswanger L.* An T. Frank // Uni-archiv Tübingen. — 4. Apr. 1951. — 443/7, 564.
- Binswanger L.* An Frau Frank [T. Frank] // Uni-archiv Tübingen. — 20. Nov. 1953a. — 443/7, 595.
- Binswanger L.* An Frau Prof. T. Frank // Uni-archiv Tübingen. — 24. März 1953b. — 443/7, 582.
- Binswanger L.* An Herr Kollege Dr. Matussek // Uni-archiv Tübingen. — 16. Nov. 1953c. — 443/7, 594.
- Binswanger L.* An T. Frank // Uni-archiv Tübingen. — 9. Feb. 1954a. — 443/7, 601.
- Binswanger L.* An T. Frank // Uni-archiv Tübingen. — 4. Mai 1954b. — 443/7, 607.
- Binswanger L.* An T. Frank // Uni-archiv Tübingen. — 1. Juli 1954c. — 443/7, 609.
- Binswanger L.* An T. Frank // Uni-archiv Tübingen. — 1. Dez. 1954d. — 443/7, 616.
- Binswanger L.* An Verlag Günther Neske // Uni-archiv Tübingen. — 23. Nov. 1954e. — 443/7, 612.
- Binswanger L.* An Verlag Günther Neske // Uni-archiv Tübingen. — 25. Nov. 1954f. — 443/7, 614.
- Binswanger L.* An Frau Prof. T. Frank // Uni-archiv Tübingen. — 12. Mai 1955a. — 443/7, 621.
- Binswanger L.* An Verlag Günther Neske // Uni-archiv Tübingen. — 25. Jan. 1955b. — 443/7, 619.
- Binswanger L.* An Frau Prof. T. Frank // Uni-archiv Tübingen. — 18. Dez. 1956a. — 443/7, 641.
- Binswanger L.* An Frau Prof. T. Frank // Uni-archiv Tübingen. — 22. Mai 1956b. — 443/7, 631.
- Binswanger L.* An T. Frank // Uni-archiv Tübingen. — 23. Juli 1956c. — 443/7, 634.

- Binswanger L.* An Frau Prof. T. Frank // Uni-archiv Tübingen. — 29. Juli 1958. — 443/7, 649.
- Binswanger L.* An T. Frank // Uni-archiv Tübingen. — 8. Nov. 1961. — 443/7, 672c.
- Binswanger W.* An Herr Frank Vasily // Uni-archiv Tübingen. — 15. Juli 1966. — 443/7, 680.
- Fedor Stepun Papers // Yale University Library Beinecke Rare Book and Manuscript Library. — N. d. — GEN MSS 172. — Box 11. — F. 355.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 25. Aug. 1951a. — 443/7, 567.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 12. Nov. 1951b. — 443/7, 573.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 11. Dez. 1951c. — 443/7, 574.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 20. Dez. 1951d. — 443/7, 576.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 8. Apr. 1951e. — 443/7, 559.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 17. Mai 1951f. — 443/7, 561.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 7. Okt. 1953a. — 443/7, 592.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 13. Nov. 1953b. — 443/7, 593.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 3. März 1953c. — 443/7, 581.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 15. Apr. 1953d. — 443/7, 585.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 26. Mai 1954a. — 443/7, 608.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 16. Juli 1954b. — 443/7, 610.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 2. Mai 1955. — 443/7, 620.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 2. Dez. 1956a. — 443/7, 640.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 19. Sep. 1956b. — 443/7, 637.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 31. Okt. 1956c. — 443/7, 638.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 17. Juli 1958a. — 443/7, 648.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 9. Dez. 1958b. — 443/7, 660.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 5. Jan. 1958c. — 443/7, 645.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 3. Nov. 1958d. — 443/7, 655.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 12. Nov. 1958e. — 443/7, 657.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 3. Nov. 1961. — 443/7, 672b.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 22. Nov. 1962. — 443/7, 673.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 26. März 1964. — 443/7, 675.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 17. Jan. 1966. — 443/7, 677.
- Frank V.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 23. Jan. 1951. — 443/7, 555.
- Frank V.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 19. Sep. 1956. — 443/7, 637.
- Frank V.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 3. Okt. 1958. — 443/7, 654.
- Frank V.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 26. Jan. 1959. — 443/7, 663.
- Frank V.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 19. Juli 1961. — 443/7, 672.
- Origo-Verlag.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 16. Feb. 1954. — 443/7, 603.
- Бинсвангер Л.* Письма к Т. С. Франк // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York. — Б. д. — S. L. Frank Papers. — Box 6.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Степун Ф. А.* Письма и отклики : архивные документы / публ. и примеч. В. К. Кантора // Вопросы философии. — 1999. — № 3. — С. 145–160.
- Франк С. Л.* Письма к Л. Бинсвангеру / пер. с нем. А. Б. Григорьева // Непрочитанное...: статьи, письма, воспоминания / сост. А. А. Гапоненкова, Ю. П. Сенокосова. — М. : Московская школа политических исследований, 2001. — С. 334–346.
- Франк С. Л.* [Конспект книги М. Хайдеггера «Бытие и время»] / публ. и примеч. Г. Е. Аляева, Т. Н. Резвых // Исследования по истории русской мысли [13]: Ежегодник за 2016–2017 гг. / под ред. М. А. Колерова. — М. : Модест Колеров, 2017а. — С. 135–143.
- Франк С. Л.* [Размышления. Первая философия] / пер. с нем. Т. Н. Резвых ; публ. и примеч. Г. Е. Аляева, Т. Н. Резвых // Исследования по истории русской мысли [13]: Ежегодник за 2016–2017 гг. / под ред. М. А. Колерова. — М. : Модест Колеров, 2017b. — С. 39–134.
- Франк С. Л.* Доказательство бытия Бога; Онтологическое доказательство бытия Бога / публ. и примеч. Т. Оболевич, А. С. Цыганкова // Философский журнал. — 2017с. — № 1. — С. 89–98.
- Франк С. Л.* Живая Европа: исток и сущность русского марксизма / пер. с нем. А. С. Цыганкова ; публ. и примеч. Т. Оболевич, А. С. Цыганкова // Вопросы философии. — 2017d. — № 6. — С. 96–105.
- Четыре письма из переписки Л. Бинсвангер — С. Франк / пер. с нем. А. Вальшиной, А. Ферстера // Логос. — 1992. — № 3. — С. 264–268.
- Briefwechsel zwischen Simon L. Frank und Ludwig Binswanger (1934–1938) // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. — 2013. — Jg. 17, Nr. 2. — S. 165–187.
- Briefwechsel zwischen Simon L. Frank und Ludwig Binswanger (1938–1941) // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. — 2014. — Jg. 18, Nr. 1. — S. 297–330.
- Briefwechsel zwischen Simon L. Frank und Ludwig Binswanger (1941–1945) // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. — 2014. — Jg. 18, Nr. 2. — S. 145–193.
- Briefwechsel zwischen Simon L. Frank und Ludwig Binswanger (1945–1950) // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. — 2015. — Jg. 19, Nr. 1. — S. 167–217.

ЛИТЕРАТУРА

- Аляев Г. Е.* С. Франк: подготовка антологии Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. — 2017. — № 1. — С. 6–15.
- Аляев Г. Е., Резвых Т. Н.* «Одно и то же зло кроется в стремлениях противоположных партий». Два неизвестных доклада Семена Франка о России и революции // Вестник РХГА. — 2017а. — № 1. — С. 135–148.
- Аляев Г. Е., Резвых Т. Н.* «Первая философия» Семёна Франка, или Прологомены к книге «Непостижимое» (1928–1933) // Исследования по истории

- русской мысли [13]: Ежегодник за 2016–2017 гг. / под ред. М. А. Колерова. — М. : Модест Колеров, 2017b. — С. 7–38.
- Бинсвангер Л.* Воспоминания о Семене Людвиговиче Франке // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка. — Мюнхен, 1954. — С. 24–39.
- Гапоненков А. А.* Онтологизм консервативной мысли. С. Л. Франк. Консерватизм и радикализм // Тетради по консерватизму. — 2017. — № 2. — С. 100–108.
- Кантор В. К.* Русская философия в Германии: проблема восприятия (письма Степуна Семену Франку и Татьяне Франк) // Письма / Ф. Степун ; сост. и комм. В. К. Кантора. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2013. — С. 325–341.
- Оболевич Т.* Семен Франк. Штрихи к портрету философа. — М. : ББИ, 2017.
- Оболевич Т., Резвых Т. Н.* «Два человека вернули Св. Отцов в философию — Флоровский и мой отец...»: Письма Владимира Лосского к Семену и Татьяне Франк (1948–1954) // Исследования по истории русской мысли [13]: Ежегодник за 2016–2017 гг. / под ред. М. А. Колерова. — М. : Модест Колеров, 2017. — С. 801–818.
- Оболевич Т., Цыганков А. С.* «Конфликт науки с религией есть конфликт двух вер...». Позиция С. Л. Франка. Приложение: С. Л. Франк. Об отношении между религией и наукой // Соловьевские исследования. — 2017a. — № 1. — С. 86–102.
- Оболевич Т., Цыганков А. С.* С. Л. Франк о русском марксизме. Предисловие к публикации // Вопросы философии. — 2017b. — № 6. — С. 92–96.
- Оболевич Т., Цыганков А. С.* Философия религии С. Л. Франка в свете новых материалов // Философский журнал. — 2017c. — № 1. — С. 99–115.
- Плотников Н. С.* С. Л. Франк о М. Хайдеггере. К истории восприятия Хайдеггера в русской мысли // Вопросы философии. — 1995. — № 9. — С. 169–185.
- Франк В. С.* Реализм четырех измерений (перечитывая Пастернака) // Мосты. — 1959. — № 2. — С. 189–209.
- Цыганков А. С., Оболевич Т.* С. Л. Франк о Пугачеве как символе русской революции. Приложение: Франк С. Л. Маркс и Пугачев (Marx und Pugatschow) / пер. с нем. А. С. Цыганкова ; публ. и примеч. А. С. Цыганкова, Т. Оболевич // Философский журнал. — 2017. — № 4. — С. 59–71.
- „Beglücktes Haus, gesegneter Beruf“. Die Binswangersche Heilanstalt Bellevue in Kreuzlingen im Spiegel des Tübinger Binswanger-Archivs. — Tübingen : Tübinger Uni, 2003.
- Berdiajew N.* Der Sinn der Geschichte. Versuch einer Philosophie des Menschengeschickes. — Darmstadt : Otto Reichl Verlag, 1925.
- Berdiajew N.* Das neue Mittelaltertum. Betrachtungen über das Schicksal Russlands und Europas. — Darmstadt : Otto Reichl Verlag, 1927.
- Berdiajew N.* Das neue Mittelaltertum. Betrachtungen über das Schicksal Russlands und Europas. — Pfullingen : Günther Neske, 1950a.

- Berdiajew N.* Der Sinn der Geschichte. Versuch einer Philosophie des Menschengeschickes. — Pfullingen : Günther Neske, 1950b.
- Binswanger L.* Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins. — München, Basel : Ernst Reinhardt Verlag, 1973.
- Frank S.* Dieu est avec nous: trois méditations / trad. par M. Herman. — Paris : Aubier, 1955.
- Heidegger M.* Vorträge und Aufsätze. — Pfullingen : Günther Neske, 1954.
- Heidegger M.* Der Satz vom Grund. — Pfullingen : Günther Neske, 1957.
- Heidegger M.* Gelassenheit. — Pfullingen : Günther Neske, 1959a.
- Heidegger M.* Identität und Differenz. — Pfullingen : Günther Neske, 1959b.
- Heidegger M.* Unterwegs zur Sprache. — Pfullingen : Günther Neske, 1959c.
- Pasternak B.* Über mich selbst. Versuch einer Autobiographie // Übers. von Reinhold von Walter. Anmerkungen von Victor Frank. — Berlin : Fischer Verlag, 1959.
- Pasternak B. I.* Remember: Sketch for an Autobiography / trans. from the Russian and comm. by D. Magarshack. — New York : Pantheon, 1959.
- Plotnikow N.* Heidegger-Rezeption in Russland: Semyon L. Frank und Ludwig Binswanger // Daseinsanalyse. — 1994. — Nr. 11. — S. 113–131.
- Vierzig Jahre. Verlag Günter Neske. — Pfullingen : Günther Neske, 1991.
- Warnach W.* Die Welt des Schmerzes. — Pfullingen : Günther Neske, 1952.
- Warnach W.* Der Morgen. Weltliche Sequenz zu Ehren der heiligen Büsserin Maria Magdalena von der Sainte Baume. — Pfullingen : Günther Neske, 1954.

Tsygankov, A. S., and T. Obolevich. 2018. "Istoriya sem'i i tvorchestva S. L. Franka v perepiske L. Binsvanger i T. S. Frank [Semyon L. Frank's Life and Writings in the Correspondence Between Ludwig Binswanger and Tatyana S. Frank (1951–1953)]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (2), 134–155.

ALEKSANDR TSYGANKOV

PHD IN PHILOSOPHY, RESEARCHER AT THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY,
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, MOSCOW

TEREZA OBOLEVICH

DR. HAB. IN PHILOSOPHY, PROFESSOR AT THE PONTIFICAL UNIVERSITY OF JOHN PAUL II (KRAKÓW)

SEMYON L. FRANK'S LIFE AND WRITINGS
IN THE CORRESPONDENCE BETWEEN LUDWIG BINSWANGER
AND TATYANA S. FRANK (1951–1953)

Abstract: In the introductory article to the archival publication of seven letters from Ludwig Binswanger to Tatyana Sergejevna Frank, written in 1951–1953, an overview of the archival heritage of the Swiss psychiatrist connected with Frank's family is given. In 1986–1993 all the manuscripts and typewritten legacy of Binswangers was transferred to the archive of

the University of Tübingen. Among others, Binswanger's archive contains his correspondence with Frank's family, a total of 680 items, most of which are represented by the letters of Binswanger and Semyon Frank. However, following death of the Russian philosopher in 1950, his correspondence with the Swiss psychiatrist was continued by his widow — Tatyana Frank, who maintained contacts with her husband's friends and colleagues. Among the main topics of their correspondence, it is possible to distinguish the issue of family (mostly represented by correspondence discussing the fate of Frank's middle son Aleksey, who had a difficult life and was at that time in need of professional medical care), a question of publication of Binswanger's texts on Semyon Frank and his philosophy, and the theme of the vicissitudes of the publication of texts and the epistolary heritage of Semyon Frank himself. Moreover, Binswanger's archive provides rich material for the investigations of the postwar fate of the German text of Semyon Frank's work entitled "The Unknowable", which Tatyana Frank tried to publish after his death with the help of his friends and colleagues. So, thanks to the correspondence between the widow of the philosopher and Binswanger, the reader will learn, among other things, that Martin Heidegger was familiar with Frank's work and even volunteered to find a publisher and to write a recommendation. But even despite the Heidegger's solicitation and the intention of Günter Neske publishing house to publish the German version "The Unknowable", it has never seen the light of the day.

Keywords: S. L. Frank's Archival Heritage, Correspondence between L. Binswanger and T. S. Frank, Archive of the University of Tübingen, The Unknowable, M. Heidegger, Semyon Frank, Ludwig Binswanger.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-134-155.

REFERENCES

- Alyayev, G. Ye. 2017. "S. Frank: podgotovka antologii VI. Solov'yeva [S. Frank: Preparation of VI. Solovyov's Anthology]" [in Russian]. *Solov'yevskiye issledovaniya [Solovyov Studies]*, no. 1: 6–15.
- Alyayev, G. Ye., and T. N. Rezvykh. 2017a. "‘‘Oдно i to zhe zlo kroyet-sya v stremleniyakh protivopolozhnykh partiy’. Dva neizvestnykh doklada Semena Franka o Rossii i revolyutsii [‘The Same Evil Lies in the Aspirations of the Opposing Parties.’ Two Unknown Semyon Frank's Addresses on Russia and the Revolution]" [in Russian]. *Vestnik RKhGA [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities]*, no. 1: 135–148.
- . 2017b. "‘Pervaya filosofiya’ Semëna Franka, ili Prolegomeny k knige ‘Nepostizhimoye’ (1928–1933) [‘The First Philosophy’ by Semyon Frank, or Prolegomena to the Book ‘The Unfathomable’ (1928–1933)]" [in Russian]. In *Issledovaniya po istorii russkoy mysli [13]: Yezhegodnik za 2016–2017 gg. [Studies on the History of Russian Thought: 2016–2017 Yearbook]*, ed. by M. A. Kolerov, 7–38. Moskva [Moscow]: Modest Kolerov.
- "*Beglücktes Haus, gesegneter Beruf*". *Die Binswangersche Heilanstalt Bellevue in Kreuzlingen im Spiegel des Tübinger Binswanger-Archivs* [in German]. 2003. Tübingen: Tübingen Uni.
- Bender, H. 1961. "An T. Frank" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Jan. 16. 443/7, 672e.
- Berdiajew, N. 1925. *Der Sinn der Geschichte. Versuch einer Philosophie des Menschenschicks* [in German]. Darmstadt: Otto Reichl Verlag.
- . 1927. *Das neue Mittelaltertum. Betrachtungen über das Schicksal Russlands und Europas* [in German]. Darmstadt: Otto Reichl Verlag.
- . 1950a. *Das neue Mittelaltertum. Betrachtungen über das Schicksal Russlands und Europas* [in German]. Pfullingen: Günther Neske.

- . 1950b. *Der Sinn der Geschichte. Versuch einer Philosophie des Menschengeschickes* [in German]. Pfullingen: Günther Neske.
- Binsvanger, L. [Binswanger, L.] N. d. "Pis'ma k T. S. Frank [Letters to T. S. Frank]" [in German]. In *Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York*. S. L. Frank Papers. Box 6.
- . 1954. "Vospominaniya o Semene Lyudvigoviche Franke [Memories of Semyon Lyudvigovich Frank]" [in Russian]. In *Sbornik pamyati Semena Lyudvigovicha Franka [Studies in Honour of Semyon Lyudvigovich Frank]*, 24–39. Myunkhen.
- Binswanger, L. "An T. Frank" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. 443/7, 601.
- . 1951. "An T. Frank" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Apr. 4. 443/7, 564.
- . 1953a. "An Frau Frank [T. Frank]" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Nov. 20. 443/7, 595.
- . 1953b. "An Frau Prof. T. Frank" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Mar. 24. 443/7, 582.
- . 1953c. "An Herr Kollege Dr. Matussek" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Nov. 16. 443/7, 594.
- . 1954a. "An T. Frank" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Dec. 1. 443/7, 616.
- . 1954b. "An T. Frank" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. July 1. 443/7, 609.
- . 1954c. "An T. Frank" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. May 4. 443/7, 607.
- . 1954d. "An Verlag Günther Neske" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Nov. 23. 443/7, 612.
- . 1954e. "An Verlag Günther Neske" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Nov. 25. 443/7, 614.
- . 1955a. "An Frau Prof. T. Frank" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. May 12. 443/7, 621.
- . 1955b. "An Verlag Günther Neske" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Jan. 25. 443/7, 619.
- . 1956a. "An Frau Prof. T. Frank" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Dec. 18. 443/7, 641.
- . 1956b. "An Frau Prof. T. Frank" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. May 22. 443/7, 631.
- . 1956c. "An T. Frank" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. July 23. 443/7, 634.
- . 1958. "An Frau Prof. T. Frank" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. July 29. 443/7, 649.
- . 1961. "An T. Frank" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Nov. 8. 443/7, 672c.
- . 1973. *Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins* [in German]. München and Basel: Ernst Reinhardt Verlag.
- Binswanger, W. 1966. "An Herr Frank Vasily" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. July 15. 443/7, 680.
- "Briefwechsel zwischen Simon L. Frank und Ludwig Binswanger (1934–1938)." 2013 [in German]. *Forum für osteuropäische Ideen-und Zeitgeschichte* 17 (2): 165–187.
- "Briefwechsel zwischen Simon L. Frank und Ludwig Binswanger (1938–1941)." 2014 [in German]. *Forum für osteuropäische Ideen-und Zeitgeschichte* 18 (1): 297–330.
- "Briefwechsel zwischen Simon L. Frank und Ludwig Binswanger (1941–1945)." 2014 [in German]. *Forum für osteuropäische Ideen-und Zeitgeschichte* 18 (2): 145–193.
- "Briefwechsel zwischen Simon L. Frank und Ludwig Binswanger (1945–1950)." 2015 [in German]. *Forum für osteuropäische Ideen-und Zeitgeschichte* 19 (1): 167–217.
- "Chetyre pis'ma iz perezpiski L. Binsvanger — S. Frank [Four Letters from the Correspondence between Binswanger and Frank]." 1992 [in Russian], trans. from the German by A. Val'shina and A. Ferster. *Logos*, no. 3: 264–268.
- "Fedor Stepun Papers." N. d. In *Yale University Library Beinecke Rare Book and Manuscript Library*. GEN MSS 172. Box 11. F. 355.

- Frank, S. 1955a. *Dieu est avec nous : trois méditations* [in French]. Trans. by M. Herman. Paris : Aubier.
- Frank, S. L. 1934. "Pis'mo zhene [Letter to the Wife]" [in Russian]. In *Arkhiv biblioteki "Doma russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna"* [Solzhenitsyn Centre of Russian Emigré Studies]. Nov. 2. 4/1/11/4.
- . 1935a. "Pis'mo zhene [Letter to the Wife]" [in Russian]. In *Arkhiv biblioteki "Doma russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna"* [Solzhenitsyn Centre of Russian Emigré Studies]. Oct. 10. 4/1/12/17.
- . 1935b. "Pis'mo zhene [Letter to the Wife]" [in Russian]. In *Arkhiv biblioteki "Doma russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna"* [Solzhenitsyn Centre of Russian Emigré Studies]. 4/1/12/19.
- . 2001. "Pis'ma k L. Binsvangeru [Letters to L. Binswanger]" [in Russian]. In *Neprochitanoye...: stat'i, pis'ma, vospominaniya* [Unread: Articles, Letters, Memories], comp. A. A. Gaponenkov and Yu. P. Senokosov, trans. from the German by A. B. Grigor'yev, 334–346. Moskva [Moscow]: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
- . 2017a. "[Konspekt knigi M. Khaydeggera 'Bytiye i vremya'] [Synopsis of Heidegger's 'Being and Time']" [in Russian]. In *Issledovaniya po istorii russkoy mysli [13]: Yezhegodnik za 2016–2017 gg.* [Studies on the History of Russian Thought: 2016–2017 Yearbook], ed. by M. A. Kolerov, publ. and annot. by G. Ye. Alyayev and T. N. Rezykh, 135–143. Moskva [Moscow]: Modest Kolerov.
- . 2017b. "[Razmyshleniya. Pervaya filosofiya] [Reflections. The First Philosophy]" [in Russian]. In *Issledovaniya po istorii russkoy mysli [13]: Yezhegodnik za 2016–2017 gg.* [Studies on the History of Russian Thought: 2016–2017 Yearbook], ed. by M. A. Kolerov, trans. from the German by T. N. Rezykh, publ. and annot. by G. Ye. Alyayev and T. N. Rezykh, 39–134. Moskva [Moscow]: Modest Kolerov.
- . 2017c. "Dokazatel'stvo bytiya Boga; Ontologicheskoye dokazatel'stvo bytiya Boga [An Argument for the Existence of God; The Ontological Argument for the Existence of God]" [in Russian]. Publ. and annot. by T. Obolevich and A. S. Tsygankov. *Filosofskiy zhurnal* [The Philosophy Journal], no. 1: 89–98.
- . 2017d. "Zhivaya Yevropa: istok i sushchnost' russkogo marksizma [Living Europe: The Origin and Essence of Russian Marxism]" [in Russian], trans. from the German by A. S. Tsygankov. Publ. and annot. by T. Obolevich and A. S. Tsygankov. *Voprosy filosofii* [Voprosy Filosofii], no. 6: 96–105.
- Frank, T. 1951a. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Dec. 11. 443/7, 574.
- . 1951b. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Nov. 12. 443/7, 573.
- . 1951c. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. May 17. 443/7, 561.
- . 1951d. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Dec. 20. 443/7, 576.
- . 1951e. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Aug. 25. 443/7, 567.
- . 1951f. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Apr. 8. 443/7, 559.
- . 1953a. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Nov. 13. 443/7, 593.
- . 1953b. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Apr. 15. 443/7, 585.
- . 1953c. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Mar. 3. 443/7, 581.
- . 1953d. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Oct. 7. 443/7, 592.
- . 1954a. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. July 16. 443/7, 610.
- . 1954b. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. May 26. 443/7, 608.
- . 1955b. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. May 2. 443/7, 620.
- . 1956a. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Sept. 19. 443/7, 637.
- . 1956b. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Dec. 2. 443/7, 640.

- . 1956c. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Oct. 31. 443/7, 638.
- . 1958a. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. July 17. 443/7, 648.
- . 1958b. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Nov. 12. 443/7, 657.
- . 1958c. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Nov. 3. 443/7, 655.
- . 1958d. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Jan. 5. 443/7, 645.
- . 1958e. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Dec. 9. 443/7, 660.
- . 1961a. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Nov. 3. 443/7, 672b.
- . 1962. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Nov. 22. 443/7, 673.
- . 1964. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Mar. 26. 443/7, 675.
- . 1966. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Jan. 17. 443/7, 677.
- Frank, V. 1951g. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Jan. 23. 443/7, 555.
- . 1956d. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Sept. 19. 443/7, 637.
- . 1958f. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Oct. 3. 443/7, 654.
- . 1959. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Jan. 26. 443/7, 663.
- . 1961b. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. July 19. 443/7, 672.
- Frank, V.S. 1959. “Realizm chetyrekh izmereniy (perechityvaya Pasternaka) [The Realism of the Four Dimensions (Rereading Pasternak)]” [in Russian]. *Mosty [Bridges]*, no. 2: 189–209.
- Gaponenkov, A. A. 2017. “Ontologizm konservativnoy mysli. S. L. Frank. Konservatizm i radikalizm [Ontologism of the Conservative Thought. Semyon Frank. Conservatism and Radicalism]” [in Russian]. *Tetradi po konservatizmu [Essays on Conservatism]*, no. 2: 100–108.
- Heidegger, M. 1954. *Vorträge und Aufsätze* [in German]. Pfullingen: Günther Neske.
- . 1957. *Der Satz vom Grund* [in German]. Pfullingen: Günther Neske.
- . 1959a. *Gelassenheit* [in German]. Pfullingen: Günther Neske.
- . 1959b. *Identität und Differenz* [in German]. Pfullingen: Günther Neske.
- . 1959c. *Unterwegs zur Sprache* [in German]. Pfullingen: Günther Neske.
- Kantor, V. K. 2013. “Russkaya filosofiya v Germanii: problema vospriyatiya (pis'ma Stepuna Semenu Franku i Tat'yane Frank) [Russian Philosophy in Germany: The Problem of Perception (Stepun's Letters to Semyon Frank and Tatyana Frank)]” [in Russian]. In *Pis'ma [Letters]*, by F. Stepun, comp. V. K. Kantor, with a comment. by V. K. Kantor, 325–341. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Obolevich, T. 2017. *Semen Frank. Shtrikhi k portretu filosofa [Semyon Frank. Some Touches to the Portrait of the Philosopher]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Bibleysko-bogoslovskiy institut.
- Obolevich, T., and T. N. Rezyvkh. 2017. “‘Dva cheloveka vernuli Sv. Ottsov v filosofiyu—Florovskiy i moy otets...’: Pis'ma Vladimira Losskogo k Semenu i Tat'yane Frank (1948–1954) [‘Two Men Have Brought the Holy Fathers Back into the Philosophy: Florovsky and my Father’: Letters from Vladimir Lossky to Semyon and Tatyana Frank (1948–1954)]” [in Russian]. In *Issledovaniya po istorii russkoy mysli [13]: Yezhegodnik za 2016–2017 gg. [Studies on the History of Russian Thought: 2016–2017 Yearbook]*, ed. by M. A. Kolerov, 801–818. Moskva [Moscow]: Modest Kolerov.
- Obolevich, T., and A. S. Tsygankov. 2017a. “Filosofiya religii S. L. Franka v svete novykh materialov [Semyon Frank's Philosophy of Religion in the Light of New Materials]” [in Russian]. *Filosofskiy zhurnal [The Philosophy Journal]*, no. 1: 99–115.
- . 2017b. “‘Konflikt nauki s religiyey yest' konflikt dvukh ver...’. Pozitsiya S. L. Franka. Prilozheniye: S. L. Frank. Ob otnoshenii mezhdou religiyey i naukooy [‘Conflict between Science and Religion is a Conflict between Two Faiths.’ Semyon Frank's Position. Appendix: S. L.

- Frank. On the Relationship between Religion and Science]" [in Russian]. *Solov'yevskiy issledovaniya [Solovyov Studies]*, no. 1: 86–102.
- . 2017c. "S. L. Frank o russkom marksizme. Predisloviye k publikatsii [S. L. Frank on the Russian Marxism. Preface to the Publication]" [in Russian]. *Voprosy filosofii [Voprosy Filosofii]*, no. 6: 92–96.
- Origo-Verlag. 1954. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Feb. 16. 443/7, 603.
- Pasternak, B. 1959a. "Über mich selbst. Versuch einer Autobiographie" [in German]. In *Übers. von Reinhold von Walter. Anmerkungen von Victor Frank*. Berlin: Fischer Verlag.
- Pasternak, B. I. 1959b. *Remember: Sketch for an Autobiography*. Trans. from the Russian and comm. by D. Magarshack. New York: Pantheon.
- Plotnikov, N. S. 1995. "S. L. Frank o M. Khaydeggere. K istorii vospriyatiya Khaydeggera v russkoy mysli [S. L. Frank about M. Heidegger. To the History of the Perception of Heidegger in the Russian Thought]" [in Russian]. *Voprosy filosofii [Voprosy Filosofii]*, no. 9: 169–185.
- Plotnikow, N. 1994. "Heidegger-Rezeption in Russland: Semyon L. Frank und Ludwig Binswanger" [in German]. *Daseinsanalyse*, no. 11: 113–131.
- Stepun, F. A. 1948. "Pis'mo k vладыке Ioannu (Shakhovskomu) [Correspondence to Archbishop Ioann (Shakhovskoy)]" [in Russian]. In *Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York*. Oct. 16. Georgii Petrovich Fedotov Papers. Series I: Correspondence. Box 1.
- . 1999. "Pis'ma i otkliki [Letters and Responses]: arkhivnyye dokumenty [Archival Documents]" [in Russian]. Publ. and annot. by V. K. Kantor. *Voprosy filosofii [Voprosy Filosofii]*, no. 3: 145–160.
- Tsygankov, A. S., and T. Obolevich. 2017. "S. L. Frank o Pugacheve kak simvole russkoy revolyutsii. Prilozheniye: Frank S. L. Marks i Pugachev (Marx und Pugatschow) [Semyon Frank on Pugachev as a Symbol of the Russian Revolution. Appendix: Frank S. L. Marx and Pugachev (Marx und Pugatschow)]" [in Russian], trans. from the German by A. S. Tsygankov. Publ. and annot. by A. S. Tsygankov and T. Obolevich. *Filosofskiy zhurnal [The Philosophy Journal]*, no. 4: 59–71.
- Vierzig Jahre. Verlag Günter Neske* [in German]. 1991. Pfullingen: Günter Neske.
- Warnach, W. 1952. *Die Welt des Schmerzes* [in German]. Pfullingen: Günter Neske.
- . 1954. *Der Morgen. Weltliche Sequenz zu Ehren der heiligen Bűßerin Maria Magdalena von der Sainte Baume* [in German]. Pfullingen: Günter Neske.

ЛЮДВИГ БИНСВАНГЕР

ПИСЬМА К Т. С. ФРАНК (1951–1953 ГГ.)*

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-156-173.

23 АПРЕЛЯ 1951

Ludwig Binswanger
Dr. med., Dr. phil. h. c.

Kreuzligen.
23. April 1951.
Отв. 17. 5. 51¹

Sehr verehrte liebe Frau Professor!

Sie werden erstaunlich sein, dass ich Ihnen auf Ihren lieben Brief vom 8. April noch nicht geantwortet habe. Ich war aber damals in den Ferien und habe seither meinen 70. Geburtstag gefeiert und bin sehr im Druck mit den Danksagungen für die vielen Glückwünsche. Das soll aber kein Grund sein, dass Sie mir auch noch gratulieren. Es bedarf dessen keineswegs, denn ich bin Ihrer freundschaftlichen Gesinnung gewiss und habe mich auch ganz besonders über Ihre Anrede gefreut — ich wüsste keine, die mir von Ihrer Seite lieber und selbstverständlicher wäre.

Was Ihre Anfragen wegen der hinterlassenen Schriften Ihres lieben Mannes betrifft, so ist die verlegerische Situation auch bei uns gegenwärtig sehr ungünstig. Ich werde aber gerne mit meinem eigenen Verleger bei unserer nächsten Zusammenkunft darüber sprechen. Ich weiß, dass ich über „Das Unergründliche“ seinerseits sehr begeistert war, wenn ich mich auch nicht mehr genau an Einzelheiten erinnern kann. Da es sich um religionsphilosophische Schriften handelt, wäre für einen Verleger natürlich das Urteil eines Religionsphilosophen besonders wichtig. Ich denke dabei in erster Linie an Prof. Emil Brunner in Zürich (Hirslanden str. 47). Falls Sie irgendwelche Urteile über die betr. Schriften haben, würde ich Ihnen raten, sie mit einer

*© Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: © А. С. Цыганков. Оригинал: *Бинсвангер Л. Письма к Т. С. Франк // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York.* — Б. д. — S. L. Frank Papers. — Box 6.

¹Дописано чернилами.

Anfrage an Prof. Brunner zu schicken oder durch mich schicken zu lassen. Für Zeitschriftenbeiträge sind die Honorare übrigens sehr gering oder o.— Machen Sie sich wegen der Schuld bitte keine Sorge, vielleicht ergibt sich einmal Gelegenheit, dass jemand von hier nach England reist.

Leider muss ich Sie auch weiterhin noch um Geduld wegen meiner Schrift über Ihren lieben Mann bitten. Die Schweiz. Studia Philosophica haben sich zur Aufnahme bereit erklärt, jedoch mit dem Hinweis, dass eigentliche Nekrologe von ihnen nur für Schweizer Autoren veröffentlicht würden, weswegen es sich nicht um einen Nekrolog, sondern um eine allgemeine Würdigung handeln müsse. Bitte denken Sie daran, wenn Sie den Aufsatz einmal lesen werden. — Ich wäre Ihrem Sohn Viktor sehr dankbar, wenn er mir die Aufsätze von Le Senne und Lhossky zur Einsicht übersenden würde. Da ich nicht Philosophien bin, würde es mir meine Aufgabe sicher sehr erleichtern. An „Liebe zur Sache“ fehlt es mir hingegen sicher nicht, da die Liebe zum Freund damit verbunden ist.

Gerade weil es Ihnen schwer fällt, über Ihren eigenen Zustand zu schreiben, kann ich ihn Ihnen nachfühlen. Für mich lebt Ihr lieben Mann durchaus weiter, und ich habe gelernt, mich durch den Tod nicht von meinen Nächsten und Freunden trennen zu lassen.

Mit den herzlichen Grüßen für Sie und alle Ihre Kinder, bin ich, liebe Frau Professor, stets Ihr L. Binswanger

Людвиг Бинсвангер

Д-р мед., д-р филос., почетный доктор²

Кройцлинген³

23.4.1951 г.

Отв. 17. 5. 51⁴

Глубокоуважаемая, дорогая госпожа профессор!

Вы, наверное, удивлены тем, что я до сих пор не ответил на Ваше милое письмо от 8 апреля⁵. Тогда, однако, я был в отпуске, и с тех пор,

²В 1941 г. Базельский университет присвоил Л. Бинсвангеру звание почетного доктора. Такое же звание в 1959 г. Бинсвангер получил и от Фрайбургского университета.

³Кройцлинген — община на севере Швейцарии, где в 1857 г. дед Людвиг Бинсвангера, носивший то же имя, основал частную психиатрическую клинику Sanatorium Bellevue. Клиника была закрыта в 1980 г.

⁴Дописано чернилами.

⁵Речь идет о письме, отправленном вдовой Семена Франка 8 апреля 1951 г. См.: Т. Frank, 1951a.

как отпраздновал свое семидесятилетие⁶, я очень занят составлением благодарственных писем на многочисленные поздравления. Однако это не должно служить поводом для того, чтобы Вы также поздравили меня. В этом нет необходимости, потому что мне прекрасно известно Ваше дружеское расположение, и я особенно был рад Вашему обращению — мне сложно представить нечто такое, что могло бы быть с Вашей стороны более доброжелательным и самим собой разумеющимся по отношению ко мне.

Что касается Ваших запросов об оставленных Вашим дорогим мужем текстах, то на настоящий момент издательская ситуация является неблагоприятной и у нас⁷. Но я с удовольствием поговорю с моим собственным издателем при нашей ближайшей встрече⁸. Я считаю, что на его месте я был бы очень воодушевлен «Непостижимым», хотя я уже и не могу вспомнить всех деталей. Поскольку речь идет о религиозно-философском тексте, для издателя, разумеется, особенное значение имел бы отзыв философа религии. При этом в первую очередь я думаю о проф. Эмиле Бруннере⁹ из Цюриха (Hirslanden str. 47). В том случае, если у Вас есть какие-нибудь отзывы об упомянутых текстах, я бы посоветовал Вам отправить их вместе с обращением к проф. Бруннеру или позволить это сделать мне¹⁰. За статьи в журналах гонорар, впрочем, очень маленький или 0. По поводу долга, пожалуйста, не беспокойтесь, возможно, как-нибудь кто-то поедет отсюда в Англию¹¹.

⁶Л. Бинсвангер отпраздновал свой семидесятилетний юбилей 13 апреля 1951 г.

⁷В письме от 8.04.1951 г. Т. С. Франк спрашивала Л. Бинсвангера о возможности публикации работы «Непостижимое» в Швейцарии, а также о возможности публикации статьи «Ересь утопизма» в одном из швейцарских журналов. См.: Т. Frank, 1951a.

⁸Видимо, речь идет об издательстве А. Франске, которое было основано в 1831 г. в Берне. С 1925 г. издательством руководил доктор К. Ланг. Об этом издательстве Л. Бинсвангер говорит Т. С. Франк в письме от 8 ноября 1961 г. См.: Binswanger, 1961.

⁹См. вступительную статью.

¹⁰31 мая 1951 г. Л. Бинсвангер обратился к проф. Эмилю Бруннеру с просьбой о возможности получения отзыва на работу С. Л. Франка «Непостижимое» и приложил к письму предисловие, введение и содержание работы, интересуясь при этом, может ли он выслать всю рукопись «Непостижимого», полученную от Т. С. Франк с письмом от 17 мая 1951 г. См.: Т. Frank, 1951b. В письме к проф. Бруннеру Бинсвангер также отметил, что Франк — ученик В. С. Соловьёва, и что сам Бинсвангер многому научился у Франка: в особенности в том, что касается онтологии. См.: Binswanger, 1951.

В ответном письме от 4 июня 1951 г. проф. Бруннер написал, что ему очень импонирует постановка проблемы и ход мысли С. Л. Франка, но из-за большой загруженности он не имеет возможности прочитать и оценить «Непостижимое». См.: Brunner, 1951.

¹¹К моменту смерти С. Л. Франка его долг Л. Бинсвангеру составлял 1500 фр. В письме к Виктору Франку от 4 декабря 1950 г. Л. Бинсвангер предложил сократить размер

К сожалению, я и далее вынужден просить Вас о терпении по поводу моего текста о Вашем дорогом муже¹². В *Schweiz. Studia Philosophica*¹³ сказали, что они готовы его взять, но с указанием на то, что некролог в собственном смысле слова публикуется ими только тогда, когда речь идет о швейцарских авторах, поэтому речь должна идти не о некрологе, но об общем посвящении. Пожалуйста, помните об этом, когда будете читать статью. Я был бы очень благодарен Вашему сыну, Виктору¹⁴, если бы он переслал мне для ознакомления статьи Ле Сенна¹⁵ и Лосского¹⁶. Поскольку я не являюсь философом, то это бы наверняка облегчило

суммы наполовину, чтобы сыновья Франка не были слишком обременены возвращением долга. См.: Binswanger, 1950. Однако в послании от 29 декабря 1950 г. Виктор Франк сообщил о том, что они намерены выплатить долг Бинсвангеру в полном объеме в течении следующего года. См.: V. Frank, 1950. В письме от 12 января 1951 г. Виктор уточняет, что долг возьмут на себя Василий и он. См.: V. Frank, 1951. В письме от 8 апреля 1951 г., на которое и отвечает в данном случае Бинсвангер, Т. С. Франк говорит, что она хотела бы понемногу начать погашать долг, и спрашивает, есть ли у Бинсвангера банковский счет в Англии. См.: T. Frank, 1951a.

¹²Еще в своем первом письме к Л. Бинсвангеру, датированном 23 января 1951 г., Т. С. Франк спрашивала о том, мог бы Бинсвангер написать текст-посвящение С. Л. Франку для какого-нибудь швейцарского или немецкого журнала. См.: T. Frank, 1951c. В письме же от 8 апреля 1951 г. она сообщила о том, что Ле Сенн прислал ей свою статью, посвященную С. Л. Франку, а также о том, что В. Н. Лосский опубликовал некролог в журнале *Dieu vivant*. См.: T. Frank, 1951a.

¹³Имеется в виду ежегодник Швейцарского философского общества (*Schweizerische Philosophische Gesellschaft*), выпускаемый с 1941 г. В этом ежегоднике в 1946 г. была опубликована работа Л. Бинсвангера «О языке и мышлении» (*Über Sprache und Denken*), но текст о С. Л. Франке для этого издательства неизвестен.

¹⁴Виктор Семенович Франк (1909–1972) — старший сын С. Л. Франка и Т. С. Франк, журналист, работавший на радио Би-Би-Си.

¹⁵Рене Ле Сенн (1882–1954) — французский метафизик и психолог, приверженец спиритуализма и один из сооснователей серии «Философия духа» во французском издательстве Aubier. После кончины С. Л. Франка опубликовал о нем некролог: *Le Senne*, 1951: 216–218. Ле Сенн был также соредактором французского перевода книги Франка «Предмет знания» и в одном из писем к русскому философу обещал выслать переведенный на французский язык «Предмет знания» Л. Бинсвангеру. Подробнее см.: Оболевич, 2017: 38–39. Книгу Ле Сенна «Препятствие и ценность» С. Л. Франк рекомендовал Л. Бинсвангеру в одном из писем 1935 г. Подробнее см.: Плотников, 1995.

¹⁶Владимир Николаевич Лосский (1903–1958) — мыслитель русского зарубежья, один из главных представителей неопатристического синтеза. После смерти С. Л. Франка опубликовал о нем некролог в одном из французских экуменических журналов: *Lossky*, 1951. Подробнее о В. Н. Лосском и С. Л. Франке см.: Оболевич, Резвых, 2017.

В письме от 17 мая 1951 г. Т. С. Франк уточнила, что статья Ле Сенна еще не была опубликована, а в некрологе, написанном В. Н. Лосским, не говорится о философии С. Л. Франка. См.: T. Frank, 1951b.

мне мою задачу. Ну а «любви к делу» мне не занимать, потому что с ней связана любовь к другу.

Именно потому, что Вам тяжело писать о своем собственном состоянии, я могу почувствовать его вместе с Вами. Для меня Ваш дорогой муж живет по-прежнему, и я научился не расставаться со своими близкими и друзьями даже после смерти.

С сердечными приветами Вам и всем Вашим детям, неизменно Ваш, госпожа профессор, Л. Бинсвангер.

24 СЕНТЯБРЯ 1951

Dr. Binswanger
Sanatorium Bellevue

Kreuzligen.
24. Sept. 1951.
(Schweiz)

Liebe Frau Professor!

Bin vorgestern aus meinen Ferien zurückgekehrt. Leider konnte ich noch nicht an die Arbeit über Ihren lieben Mann gehen, da ich in den ersten vierzehn Tagen sehr erholungsbedürftig war und in der letzten Woche eine andere dringende Arbeit beenden musste. Ich habe aber während der Ferien an meine Aufgabe gedacht und wollte Ihnen vorschlagen, dass ich eine Darstellung des Gedankens und des Inhalts der Schrift über „Das Unergründliche“ ausarbeiten würde. Die Schrift liegt mir besonders nahe, und ich habe immer gewisse Hemmungen, als Nicht-Fachphilosoph über die Gesamtphilosophie meines lieben Freundes zu schreiben. Nun erfahre ich nach meiner Rückkehr von meiner Sekretärin, dass das „Unergründliche“ an Herrn Prof. Steppun geschickt wurde. Ich wäre Ihnen jedenfalls sehr dankbar, wenn Ihr Sohn mir mitteilen würde, was mit der Schrift geschieht und ob sie in Deutschland veröffentlicht werden kann. Wenn nicht, würde ich mein oben erwähntes Vorhaben gerne ausführen.

Ich hoffe sehr, dass Sie Ihre Ferien in Frankreich einigermaßen genießen konnten und sich von Ihrem Rheumatismus, von dem Ihr Sohn mir leider berichten musste, wieder erholt haben.

Ich denke sehr viel an Ihren lieben Mann. Für mich ist er nicht gestorben und wird er auch nicht sterben.

Mit freundlichem Gruß

Ihr
L. Binswanger

Д-р Бинсвангер
Санаторий Bellevue

Кройцлинген
24. 9. 1951 г.
(Швейцария)

Дорогая госпожа профессор!

Позавчера вернулся из своего отпуска. К сожалению, еще не начал работу о Вашем дорогом муже, потому что в первые четырнадцать дней я очень нуждался в отдыхе, а в последнюю неделю должен был завершить другую срочную работу. Однако во время отпуска я думал над моей задачей и хотел предложить Вам вот что: я могу дать изложение идеи и содержания работы «Непостижимое». Эта работа мне особенно близка, и, как не профессиональный философ, я всегда сталкиваюсь с известными затруднениями в том, чтобы написать о философии моего дорогого друга в целом. После возвращения я узнал от своей секретарши о том, что «Непостижимое» было послано господину проф. Степуну¹⁷. Я был бы Вам очень признателен, если бы Ваш сын рассказал мне, что произошло с текстом и может ли он быть опубликован в Германии. Если нет, то я с удовольствием готов исполнить свой упомянутый выше замысел.

Я искренне надеюсь, что Вам хоть как-то удалось насладиться своим пребыванием во Франции¹⁸ и отдохнуть от Вашего ревматизма, о котором мне, к сожалению, вынужден был сообщить Ваш сын.

¹⁷Федор Августович Степун (1884–1965) — русский философ и писатель-эмигрант. В письме к Т. С. Франк от 9 августа 1951 г. Степун писал: «Жду высылки „Непостижимого“ и сообщения об издательстве, которое в свое время собиралось его печатать. До присылки работы ничего предпринять не могу» (Степун, 2013: 355). Т. С. Франк 25.08.1951 г. обращалась к Л. Бинсвангеру с просьбой переслать рукопись «Непостижимого» Ф. А. Степуну в Мюнхен, т. к. в Германии появилась возможность публикации. См.: T. Frank, 1951d. Ф. А. Степун в целом принимал активное участие в попытках издать работу Франка «Непостижимое» в Германии, однако, к сожалению, это так и не удалось осуществить, и в письме от 2 мая 1964 г. он писал Т. С. Франк: «Очень грустно, что с изданием „Непостижимого“ так ничего и не вышло. Я боюсь, что это связано с современным состоянием западноевропейской или, во всяком случае, немецкой философии. Даже и духовным людям чуждо спокойствие, тишина, душевный мир и духовная твердь. Ищут парадоксального, взволнованного, отчаивающегося и во всяком случае по стило нового. Чем и объясняется то, что вышли почти все книги Бердяева, но, кроме „Трагедии философии“, ни одной книги Булгакова. (Только статьи)» (Степун, 2013: 371). Подробнее о содействии Степуна в издании текстов С. Л. Франка см.: Кантор, 2013.

¹⁸В письме от 8 июля 1951 г. Т. С. Франк сообщала о том, что проведет лето во Франции с братом С. Л. Франка и его супругой. См.: T. Frank, 1951e.

Я очень много думаю о Вашем дорогом муже. Для меня он не умер и не умрет.

С дружеским приветом,

Ваш

Л. Бинсвангер

13 ДЕКАБРЯ 1951

Ludwig Binswanger

Dr. med., Dr. phil. h. c.

Kreuzligen.

13. Dez. 1951.

Sehr verehrte Frau Professor!

Ich habe Ihre beiden letzten Briefe erhalten und meiner Sekretärin Anweisung gegeben, das Manuskript sofort an den Verlag Aubier zu schicken. Ich freue mich, dass Aubier Interesse für „Das Unergründliche“ hat, da es unbedingt veröffentlicht werden **muss**, gleich in welcher Sprache. Andererseits bin ich **sehr** betrübt, dass ich das Manuskript wieder hergeben muss, da ich noch keineswegs so weit bin, dass ich darüber schreiben kann. Daran ist meine besondere Belastung mit ärztlicher Arbeit schuld und vor allem eine jetzt 4 Wochen dauernde Erkrankung an einem schweren Ekzem, die mich sehr heruntergebracht und zu jeder Arbeit unfähig gemacht hat. Ich hoffe aber, meine Arbeit nächste Woche wieder aufnehmen zu können.

Ich hatte mit vorgenommen, über die letzten Kapitel des „Unergründlichen“ zu schreiben, nämlich über das Böse, das Leiden und die Schuld, weil sich die Tiefe einer Philosophie am besten daran ermessen lässt, wie man mit diesen Problemen fertig wird. Wie steht es mit dem an Prof. Steppun geschickten Exemplar?

Mit den freundlichen Grüßen und besten Wünschen für Ihr Befinden, sehr verehrte Frau Professor,

stets Ihr L. Binswanger

P. S.

Ich wäre wirklich sehr froh, wenn ich bald wieder in den Besitz eines Exemplares des „Unergründlichen“ kommen könnte, da ich gerade oben erwähnten Abschnitt sehr schätze.

Людвиг Бинсвангер

Д-р мед., д-р филос., почетный доктор

Кройцлинген

13. 12. 1951 г.

Глубокоуважаемая госпожа профессор!

Я получил Ваши последние два письма и дал распоряжение моей секретарше тут же выслать рукопись в издательство Aubier¹⁹. Я рад, что Aubier заинтересовалось «Непостижимым», потому что оно непременно **должно** быть опубликовано, неважно на каком языке. С другой стороны, я **очень** опечален тем, что вновь должен отдать рукопись, потому что еще не продвинулся настолько далеко, чтобы мог о ней написать. В этом повинна моя большая нагрузка на врачебной работе и, в первую очередь, длящееся на данный момент уже четыре недели заболевание тяжелой экземой, которое меня очень истощило и сделало непригодным к какой-либо деятельности. Но я надеюсь, что вновь смогу продолжить свою работу на следующей неделе.

Я намереваюсь писать о последней главе «Непостижимого», а именно о зле, страдании и вине, потому что глубину любой философии наилучшим образом можно измерить, уяснив, каким образом она решает эти проблемы. Как обстоит дело с отосланным проф. Степуну экземпляром?

С дружественным приветом и наилучшими пожеланиями Вашему самочувствию, глубокоуважаемая госпожа профессор,

неизменно Ваш Л. Бинсвангер

P. S.

Я, действительно, был бы очень рад, если бы вскоре снова смог получить в свое распоряжение экземпляр «Непостижимого», потому что я очень ценю упомянутый выше отрывок²⁰.

¹⁹В письме от 11 декабря 1951 г. Т. С. Франк сообщала Л. Бинсвангеру, что издательство Aubier просит выслать им рукопись немецкоязычного «Непостижимого». О пересылке текста в издательство Т. С. Франк просила Бинсвангера, выражая при этом надежду на то, что работа сможет выйти на французском языке. См.: Т. Frank, 1951f. В письме от 23 августа 1952 г. Т. С. Франк писала Бинсвангеру о том, что ответ от издательства Aubier придет осенью. Подобную задержку вдова философа связывала с недостаточностью бумаги во Франции. См.: Т. Frank, 1952.

²⁰В письме от 30 декабря 1951 г. Т. С. Франк сообщала, что она не может выслать Бинсвангеру рукопись «Непостижимого», т. к. оба экземпляра находятся в издательствах. См.: Т. Frank, 1951g.

24 МАРТА 1953

Ludwig Binswanger
Dr. med., Dr. phil. h. c.

Kreuzlingen.
24. März 1953.

Sehr verehrte, liebe Frau Professor!

Sie sind mir wieder zuvorgekommen. Auch ich hatte sehr das Bedürfnis, von Ihnen zu hören. Ich hatte aber eine Grippe und war dann kurze Zeit in Wengen im Berber Oberland, um mich zu erholen. Sonst geht es mir gut, nur spüre ich die Müdigkeit des Alters oft sehr, zumal ich immer noch ganz im Betrieb bin. Seit 1. Oktober hilft mir aber, wie ich Ihnen wohl schon geschrieben habe, einer meiner Söhne. Ich habe auch außerhalb der Anstalt viel auf dem Buckel, sage aber neuerdings alle Einladungen zu Vorträgen ab, da ich meine Kräfte zusammenhalten muss.

Es tut mir sehr leid, dass Sie so an Arthritis leiden und mit Ihrem zweiten Sohn immer noch Schwierigkeiten haben. Grüßen Sie **alle** Ihre Kinder sehr wohl von mir. Dass „Gott mit uns“ endlich einen Verleger gefunden hat, freut mich sehr, desgl. dass Le Senne das „Unergründliche“ so schätzt wie ich. Ich überlasse es ganz Ihnen, liebe Frau Professor, ob Sie es vorziehen, dass ich etwas zum zweiten Teil der Sammelschrift beitrage oder über „Das **Böse**“ in der Schrift über Das Unergründliche referiere, was ich Ihnen gut für die Sammelschrift zur Verfügung stellen könnte. Ich selbst würde einen persönlichen Beitrag deswegen vorziehen, weil meine Eindrücke von Ihrem Mann dazu beitragen würden, das persönliche Bild von ihm für die Nachwelt zu vertiefen.

Ich erwarte Ihre Entscheidung und bin mit den freundlichen Grüßen und herzlichen Gedanken an Ihren lieben Mann, der für mich immer unendlich lebendig ist,

Ihr L. Binswanger

Людвиг Бинсвангер
Д-р мед., д-р филос., почетный доктор

Кройцлинген
24. 3. 1953 г.

Глубокоуважаемая, дорогая госпожа профессор!

Вы вновь меня опередили. Я также испытываю большую потребность в том, чтобы получить известия о Вас. Но у меня был грипп, а после этого я непродолжительное время провел в Венгене в Бернском

Оберланде с целью отдыха. Во всем остальном дела идут хорошо, хотя теперь я очень часто чувствую усталость по причине возраста, да к тому же я все еще полностью занят на работе. Однако с 1 октября мне помогает, как я Вам, кажется, уже писал, один из моих сыновей²¹. Но и кроме клиники на моих плечах лежит много дел, и в последнее время я отказываюсь от приглашений к чтению докладов, потому что должен беречь силы.

Мне очень жаль, что Вы так сильно страдаете от артрита²² и по-прежнему испытываете трудности из-за Вашего второго сына²³. Передавайте теплый привет **всем** своим детям. То, что «С нами Бог»²⁴ наконец-то нашел издателя, меня очень радует, равным образом как и то, что Ле Сенн ценит «Непостижимое» так же, как и я. Я полностью доверяю Вам, госпожа профессор, выбор того, должен ли я написать какую-нибудь статью для второй части сборника²⁵ или сделать реферат о «**зле**» в работе «Непостижимое», который я мог бы предоставить в Ваше распоряжение для сборника. Лично я предпочел бы статью

²¹ Речь идет о Вольфганге Бинсвангере (1914–1993), который начал работать в клинике с 1952 г. Он сменил своего отца, Людвиг Бинсвангера, в 1957 г., и будет последним Бинсвангером в клинике Sanatorium Bellevue. См.: *Beglücktes Haus, gesegneter Beruf*, 2003: 48. В письме от 13 октября 1952 г. Л. Бинсвангер делился с Т. С. Франк известием, что его старший сын Вольфганг начал работать в клинике. См.: *Binswanger*, 1952. В послании от 22 мая 1956 г. Л. Бинсвангер уведомлял вдову философа о том, что полностью передал руководство клиникой своему старшему сыну. См.: *Binswanger*, 1956.

²² В письме от 3 марта 1953 г. Т. С. Франк писала Бинсвангеру, что сильно страдает от артрита. См.: *T. Frank*, 1953a.

²³ Имеется в виду второй сын Франков Алексей Семенович Франк (1910–1969), который, по словам самих родителей, был трудным ребенком. В 1944 г. А. С. Франк записался в американскую армию, где получил тяжелое ранение — лишился глаза и двух пальцев на руке, после чего находился всю жизнь на иждивении матери.

²⁴ Книга «С нами Бог» С. Л. Франка первоначально вышла на английском языке в 1946 г. Ее русское издание состоялось в 1964 г. в издательстве YMCA-Press. Об английском издании работы «С нами Бог» Л. Бинсвангер упоминал в своей статье о Франке (Бинсвангер, 1954: 32). В письме от 3 марта 1953 г. Т. С. Франк сообщала Л. Бинсвангеру, что издательство Aubier собирается издать на французском языке работу С. Л. Франка «С нами Бог». См.: *T. Frank*, 1953a. Книга была издана в 1955 г. См.: *Frank, Herman*, 1955. О французском издании книги Т. С. Франк писала Л. Бинсвангеру 2 мая 1955 г. См.: *T. Frank*, 1955.

²⁵ В сообщении от 3 марта 1953 г. Т. С. Франк писала Л. Бинсвангеру, что планирует подготовить сборник памяти С. Л. Франка, для которого Виктор Франк сделает жизнеописание С. Л. Франка, а Лев Зак запишет личные воспоминания; третья же часть сборника, по мысли Т. С. Франк, должна была состоять из нескольких статей. В этом же письме вдова философа выражала надежду на то, что Бинсвангер напишет о страдании в работе «Непостижимое». См.: *T. Frank*, 1953a.

о личности, потому что мои впечатления от Вашего мужа могут способствовать углублению его личностного образа для потомков²⁶.

Я ожидаю Вашего решения, передаю дружеский привет и пребываю в сердечных мыслях о Вашем дорогом муже, который остается для меня вечно живым.

Ваш Л. Бинсвангер

8 АПРЕЛЯ 1953

Ludwig Binswanger

Dr. med., Dr. phil. h. c.

Kreuzligen.

8. April 1953.

Sehr verehrte liebe Frau Professor!

Herzlichen Dank für Ihren so freundlichen Brief. Machen Sie sich keine Sorge wegen des Geldes!

Das „Unergründliche“ ist vor einigen Tagen wieder hier eingetroffen, was ich hiermit melden möchte.

Bis wann sollten Sie meine „Erinnerung“ an Ihren lieben Mann in Händen haben? Werden die Beiträge gedruckt oder bleiben sie Manuskript? Ich freue mich sehr auf diese Arbeit, die mehr Freude als Arbeit bedeutet. Vielleicht haben Sie oder Ihre Tochter die Güte, mit noch mitzuteilen, wann Ihr Mann von Russland nach Berlin gekommen, wann er von Berlin weggegangen ist und wohin er sich dann zuerst gewendet hat. Ferner würde ich gerne wissen, wann Sie in Fontaine-la-rose, oder wie der Ort bei Paris heißt, waren, da ich in meinen Tagebüchern nachsehen möchte, in welchem Jahr ich Sie dort besucht habe.

Ob ich dann später doch noch über eine Partie aus dem „Unergründlichen“ schreiben kann, möchte ich heute noch nicht versprechen, da mir das Schreiben allmählich doch etwas schwer wird. An und für sich würde ich es gerne tun.

Mit den freundlichen Grüßen für Sie und alle Ihre Kinder

stets Ihr

L. Binswanger

²⁶В ответном письме от 1 апреля 1953 г. Т. С. Франк говорила о том, что она была бы рада личным воспоминаниям о С. Л. Франке, написанным Л. Бинсвангером, но также была бы признательна и за статью о его философии. В этом же письме вдова философа делилась сведениями о том, что они уже получили согласие на написание материалов для сборника памяти от Н. О. Лосского, В. В. Зеньковского, М. Лот-Бородиной и английского философа Уильяма Инге (W. Inge). См.: Т. Frank, 1953b.

Людвиг Бинсвангер

Д-р мед., д-р филос., почетный доктор

Кройцлинген

8. 4. 1953 г.

Глубокоуважаемая, дорогая госпожа профессор!

Сердечно благодарю Вас за Ваше столь дружелюбное письмо. Не беспокойтесь по поводу денег!

«Непостижимое» несколько дней назад вновь прибыло сюда, о чем я и хотел бы Вас оповестить.

Как долго мои «Воспоминания» о Вашем дорогом муже должны находиться у Вас? Будут ли статьи напечатаны или останутся в виде рукописей?²⁷ Я очень рад этой работе, которая является больше радостью, чем работой. Возможно, Вы или Ваша дочь окажете мне любезность и скажете о том, когда Ваш муж прибыл из России в Берлин, когда покинул Берлин и куда после этого обратился в первую очередь²⁸. Кроме того, я бы с удовольствием узнал о том, когда Вы были на Fontaine-la-rose, или как называется это место в Париже, потому что я хотел посмотреть в своем ежедневнике, в каком году я посещал Вас там²⁹.

Смогу ли я позже все-таки написать об одном разделе из «Непостижимого», сейчас не могу обещать, так как писать мало-помалу мне становится трудно. Но вообще-то я бы сделал это с удовольствием³⁰.

С дружеским приветом Вам и всем Вашим детям,

неизменно Ваш
Л. Бинсвангер

5 МАЯ 1953

Ludwig Binswanger

Dr. med., Dr. phil. h. c.

Kreuzlingen.

5. Mai 1953.

Sehr verehrte liebe Frau Professor!

Entschuldigen Sie, dass ich Ihnen noch nicht für Ihren Brief vom 15. April samt Beilagen gedankt habe. Ich war die letzte Woche aber krank

²⁷В письме от 15 апреля 1953 г. Т. С. Франк отвечала Л. Бинсвангеру о том, что она думает издать сборник в качестве подписного (Subscriptum), как это сделали сыновья профессора П. Б. Струве. См.: Т. Frank, 1953с.

²⁸Вместе с письмом от 15 апреля 1953 г. вдова философа также выслала швейцарскому психиатру хронологическую биографию своего мужа. См.: *ibid.*.

²⁹Описание биографических деталей из жизни Франка, а также рассказ о визите Л. Бинсвангера на Фонтене-о-Роз в мае 1939 г. см.: Бинсвангер, 1954: 28–29.

³⁰Публикация Л. Бинсвангера о работе Франка «Непостижимое» неизвестна.

und bettlägerig, leider wieder einmal, wie früher schon oft, an einem hoch fieberhaften Erysipel (Wundrose). Ich habe aber so die Pause der Rekonvaleszenz dazu benutzt, die sämtlichen Briefe Ihres Mannes wieder einmal durchzulesen und war von neuem gerührt über seine Freundschaft und Liebe. Ich werde in meinen „Erinnerungen“ hauptsächlich an diese Briefe anknüpfen. Es liegt mir daran, sowohl ein Bild seiner Persönlichkeit als auch seiner philosophischen Ansichten zu geben, soweit dies auf wenigen Seiten möglich ist. Haben Sie irgendeine Vorschrift, wie kurz oder wie lang der Beitrag sein darf oder überlassen Sie dies ganz mir? Ihre Antwort eilt nicht. Ich habe in der Erinnerung Ihre ganze Odyssee und alle Ihre Sorgen in Frankreich wieder erlebt.

Mit den freundlichen Grüßen und in der Hoffnung, dass es Ihnen und Ihren Kindern gut geht, bin ich, sehr verehrte Frau Professor,

stets Ihr
L. Binswanger

Людвиг Бинсвангер

Д-р мед., д-р филос., почетный доктор

Кройцлинген

5. 5. 1953 г.

Глубокоуважаемая, дорогая госпожа профессор!

Простите, пожалуйста, что я еще не поблагодарил Вас за Ваше письмо от 15 апреля и за приложение к нему. Последнюю неделю я был болен и прикован к постели. К сожалению, вновь, как и прежде, я болел Erysipel (рожистым воспалением), сопровождавшимся высокой температурой. Но паузу периода выздоровления я использовал для того, чтобы еще раз прочитать все письма Вашего мужа, и снова был тронут его дружбой и любовью. В своих «Воспоминаниях» я буду главным образом опираться на эти письма. Для меня важно дать как образ его личности, так и его философские взгляды, насколько это возможно на немногих страницах. Есть ли у Вас какое-либо предписание о том, какой величины должна быть статья, или Вы доверяете это мне? С ответом можете не спешить. В своей памяти я заново пережил всю Вашу одиссею и все Ваши заботы во Франции.

С дружеским приветом и надеждой на то, что у Вас и у Ваших детей все хорошо,

неизменно Ваш, госпожа профессор,
Л. Бинсвангер

27 АВГУСТА 1953

Ludwig Binswanger
Dr. med., Dr. phil. h. c.

Kreuzligen.
27. August 1953.

Sehr verehrte liebe Frau Professor!

Mit gleicher Post erhalten Sie meine „Erinnerungen“ an Ihren lieben Mann. Es hat mir, wie Sie wohl sehen werden, sowohl große Freude gemacht, sie zu schreiben, als auch den Scherz vertieft, ihn als Freund verloren zu haben.

Ich möchte Ihnen nun zwei Fragen stellen:

- (1) Möchten Sie, dass ich etwas weglasse oder noch etwas hinzufüge, was Sie vermissen?
- (2) Würden Sie mir erlauben, die „Erinnerungen“ in einer schweizerischen oder deutschen philosophischen Zeitschrift zu veröffentlichen, damit sie auch dem deutschen Leserkreis zugänglich werden? Ich würde Ihnen dann gerne einen Sonderabdruck schicken, kann aber im voraus noch nicht sagen, ob ich eine geeignete Zeitschrift finden werde, die die Arbeit annimmt.

Ich gehe am 26. August bis Ende September in die Ferien und freue mich, dass ich Ihnen vorher das Manuskript schicken kann.

Mit den freundlichen Grüßen und in der Hoffnung, bald einmal auch zu hören, wie es Ihnen, Ihrer Tochter und Ihrem Sohn geht,

in aufrichtiger Freundschaft
Ihr L. Binswanger

P. S.

Änderungen bitte nicht im Manuskript, sondern auf Extrablatt anbringen.

Людвиг Бинсвангер
Д-р мед., д-р филос., почетный доктор

Кройцлинген
27. 8. 1953 г.

Глубокоуважаемая, дорогая госпожа профессор!

С этим же письмом Вы получите мои «Воспоминания» о Вашем дорогом муже. Писать эти «Воспоминания» принесло мне, как Вы сможете увидеть, большую радость, но в то же время это углубило боль от потери его как друга.

Я хотел бы задать Вам лишь два вопроса:

- (1) Хотели бы Вы, чтобы я что-то убрал или что-то добавил из того, что Вы считаете недостающим?
- (2) Разрешите ли Вы мне опубликовать «Воспоминания» в швейцарском или немецком философском журнале для того, чтобы они стали доступны немецкоязычному кругу читателей? Тогда бы я послал Вам отдельный выпуск, но заранее не могу сказать, удастся ли мне найти подходящий журнал, который возьмет работу³¹.

С 26 августа до конца сентября я буду в отпуске и рад тому, что могу послать Вам рукопись до этого.

С дружеским приветом и надеждой на то, что вскоре услышу о том, как идут дела у Вас, Вашей дочери и Вашего сына,

с искренней дружбой,
Ваш Л. Бинсвангер

P. S.

Пожалуйста, делайте исправления не в рукописи, но на отдельном листе.

Источники

Рукописные источники

- Binswanger L.* An Victor Frank // Uni-archiv Tübingen. — 4. Dez. 1950. — 443/7, 547.
- Binswanger L.* An Herr Prof. Emil Brunner // Uni-archiv Tübingen. — 31. Mai 1951. — 443/7, 562.
- Binswanger L.* An T. Frank // Uni-archiv Tübingen. — 13. Okt. 1952. — 443/7, 580.
- Binswanger L.* An T. Frank // Uni-archiv Tübingen. — 22. Mai 1956. — 443/7, 631.
- Binswanger L.* An Herr Prof. Emil Brunner // Uni-archiv Tübingen. — 8. Nov. 1961. — 443/7, 672c.
- Brunner E.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 4. Juni 1951. — 443/7, 563.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 8. Apr. 1951a. — 443/7, 559.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 17. Mai 1951b. — 443/7, 561.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 23. Jan. 1951c. — 443/7, 555.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 25. Aug. 1951d. — 443/7, 567.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 8. Juli 1951e. — 443/7, 565.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 11. Dez. 1951f. — 443/7, 574.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 30. Dez. 1951g. — 443/7, 576.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 23. Aug. 1952. — 443/7, 577.
- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 3. März 1953a. — 443/7, 581.

³¹Воспоминания Л. Бинсвангера о С. Л. Франке были опубликованы по-немецки во втором томе ежегодника по психологии и психотерапии за 1954 г. См.: Binswanger, 1954.

- Frank T.* An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 1. Apr. 1953b. — 443/7, 583.
Frank T. An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 15. Apr. 1953c. — 443/7, 585.
Frank T. An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 2. Mai 1955. — 443/7, 620.
Frank V. An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 29. Dez. 1950. — 443/7, 553.
Frank V. An L. Binswanger // Uni-archiv Tübingen. — 21. Jan. 1951. — 443/7, 554.
Бинсвангер Л. Письма к Т. С. Франк // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York. — Б. д. — S.L. Frank Papers. — Box 6.

ЛИТЕРАТУРА

- Бинсвангер Л.* Воспоминания о Семене Людвиговиче Франке // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка. — Мюнхен, 1954. — С. 24–39.
- Кантор В. К.* Русская философия в Германии: проблема восприятия (письма Степуна Семену Франку и Татьяне Франк) // Письма / Ф. Степун ; сост. и комм. В. К. Кантора. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2013. — С. 325–341.
- Оболевич Т.* Семен Франк. Штрихи к портрету философа. — М. : ББИ, 2017.
- Оболевич Т., Резвых Т. Н.* «Два человека вернули Св. Отцов в философию — Флоровский и мой отец...»: Письма Владимира Лосского к Семену и Татьяне Франк (1948–1954) // Исследования по истории русской мысли [13]: Ежегодник за 2016–2017 гг. / под ред. М. А. Колерова. — М. : Модест Колеров, 2017. — С. 801–818.
- Плотников Н. С. С. Л.* Франк о М. Хайдеггере. К истории восприятия Хайдеггера в русской мысли // Вопросы философии. — 1995. — № 9. — С. 169–185.
- Степун Ф.* Письма / сост. и комм. В. К. Кантора. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2013.
- „Beglücktes Haus, gesegneter Beruf“. Die Binswangersche Heilanstalt Bellevue in Kreuzlingen im Spiegel des Tübinger Binswanger-Archivs. — Tübingen : Tübinger Uni, 2003.
- Binswanger L.* Erinnerungen an Simon Frank // Jahrbuch für Psychologie und Psychotherapie. — 1954. — Jg. 2. — S. 229–242.
- Frank S.* Dieu est avec nous: trois méditations / trad. par M. Herman. — Paris : Aubier, 1955.
- Le Senne R.* En homage a la memorie de Simon Frank // Les Etudes philosophiques. — 1951. — N° 2/3. — P. 216–218.
- Lossky V. S. L.* Franck—In memoriam // Dieu vivant: perspectives religieuses et philosophiques. — 1951. — N° 18. — P. 155–156.

Binswanger, L. 2018. "Pis'ma k T. S. Frank (1951–1953 gg.) [Letters to Tatyana Frank]" [in Russian], trans. from the German by A. S. Tsygankov. Publ. and annot. by A. S. Tsygankov and T. Obolovich. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] II (2), 156–173.

LUDWIG BINSWANGER

LETTERS TO TATYANA FRANK (1951–1953)

Translation of: Binswanger, L. [Binswanger, L.] N. d. "Pis'ma k T. S. Frank [Letters to T. S. Frank]" [in German]. In *Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York*. S. L. Frank Papers. Box 6.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-156-173.

REFERENCES

- "*Beglücktes Haus, gesegneter Beruf*". *Die Binswangersche Heilanstalt Bellevue in Kreuzlingen im Spiegel des Tübinger Binswanger-Archivs* [in German]. 2003. Tübingen: Tübingen Uni.
- Binswanger, L. [Binswanger, L.] 1954. "Vospominaniya o Semene Lyudvigoviche Franke [Memories of Semyon Lyudvigovich Frank]" [in Russian]. In *Sbornik pamyati Semena Lyudvigovicha Franka [Studies in Honour of Semyon Lyudvigovich Frank]*, 24–39. Myunkhen.
- Binswanger, L. 1950. "An Victor Frank" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Dec. 4. 443/7, 547.
- . 1951. "An Herr Prof. Emil Brunner" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. May 31. 443/7, 562.
- . 1952. "An T. Frank" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Oct. 13. 443/7, 580.
- . 1954. "Erinnerungen an Simon Frank" [in German]. *Jahrbuch für Psychologie und Psychotherapie* 2:229–242.
- . 1956. "An T. Frank" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. May 22. 443/7, 631.
- . 1961. "An Herr Prof. Emil Brunner" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Nov. 8. 443/7, 672c.
- Brunner, E. 1951. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. June 4. 443/7, 563.
- Frank, S. 1955a. *Dieu est avec nous : trois méditations* [in French]. Trans. by M. Herman. Paris : Aubier.
- Frank, T. 1951a. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Dec. 11. 443/7, 574.
- . 1951b. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. May 17. 443/7, 561.
- . 1951c. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Jan. 23. 443/7, 555.
- . 1951d. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Aug. 25. 443/7, 567.
- . 1951e. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Dec. 30. 443/7, 576.
- . 1951f. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Apr. 8. 443/7, 559.
- . 1951g. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. July 8. 443/7, 565.
- . 1952. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Aug. 23. 443/7, 577.
- . 1953a. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Apr. 1. 443/7, 583.
- . 1953b. "An L. Binswanger" [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Apr. 15. 443/7, 585.

- . 1953c. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Mar. 3. 443/7, 581.
- . 1955b. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. May 2. 443/7, 620.
- Frank, V. 1950. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Dec. 29. 443/7, 553.
- . 1951h. “An L. Binswanger” [in German]. In *Uni-archiv Tübingen*. Jan. 21. 443/7, 554.
- Kantor, V. K. 2013. “Russkaya filosofiya v Germanii: problema vospriyatiya (pis'ma Stepuna Semenu Franku i Tat'yane Frank) [Russian Philosophy in Germany: The Problem of Perception (Stepun's Letters to Semyon Frank and Tatyana Frank)]” [in Russian]. In Stepun 2013, 325–341.
- Le Senne, R. 1951. “En homage a la memorie de Simon Frank” [in French]. *Les Etudes philosophiques*, nos. 2/3 : 216–218.
- Lossky, V. 1951. “S. L. Franck — In memoriam” [in French]. *Dieu vivant : perspectives religieuses et philosophiques*, no. 18 : 155–156.
- Obolevich, T. 2017. *Semen Frank. Shtrikhi k portretu filosofa [Semyon Frank. Some Touches to the Portrait of the Philosopher]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Bibleysko-bogoslovskiy institut.
- Obolevich, T., and T. N. Rezvykh. 2017. “‘Dva cheloveka vernuli Sv. Ottsov v filosofiyu — Florovskiy i moy otets...’: Pis'ma Vladimira Losskogo k Semenu i Tat'yane Frank (1948–1954) [‘Two Men Have Brought the Holy Fathers Back into the Philosophy: Florovsky and my Father’: Letters from Vladimir Lossky to Semyon and Tatyana Frank (1948–1954)]” [in Russian]. In *Issledovaniya po istorii russkoy mysli [13]: Yezhegodnik za 2016–2017 gg. [Studies on the History of Russian Thought: 2016–2017 Yearbook]*, ed. by M. A. Kolerov, 801–818. Moskva [Moscow]: Modest Kolerov.
- Plotnikov, N. S. 1995. “S. L. Frank o M. Khaydeggere. K istorii vospriyatiya Khaydeggera v russkoy mysli [S. L. Frank about M. Heidegger. To the History of the Perception of Heidegger in the Russian Thought]” [in Russian]. *Voprosy filosofii [Voprosy Filosofii]*, no. 9: 169–185.
- Stepun, F. 2013. *Pis'ma [Letters]* [in Russian]. Comp. V. K. Kantor. With a comment. by V. K. Kantor. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.

ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEWS

Тесля А. А. Русский панславизм: от культурного к политическому и обратно : рецензия на книгу Бориса Прокудина // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2018. — Т. II, № 2. — С. 177–185.

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*

РУССКИЙ ПАНСЛАВИЗМ: ОТ КУЛЬТУРНОГО К ПОЛИТИЧЕСКОМУ И ОБРАТНО**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ БОРИСА ПРОКУДИНА

Прокудин Б. А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века / под ред. А. А. Ширинянца. — М. : Издательство Московского университета, 2018.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-177-185.

Изданная в этом году работа Бориса Прокудина представляет собой обзор истории идеи «славянского единства» в политической мысли России XIX в. В терминологическом плане Прокудин вполне обоснованно использует слова «панславизм», «идея славянского единства», «славянская взаимность» и т. д. в качестве синонимических с точки зрения языка описания, отдаленного во времени от рассматриваемых идейных контrovers — причем отмечает, что во многом это относится и к словоупотреблению изучаемой им эпохи. Так, если «панславизм» зачастую имеет негативный оттенок, используется для обозначения противостоящей, неприемлемой позиции (в «панславизме» можно, например, обвинить оппонента), то для целого ряда синхронных с первого рода словоупотреблениями можно зафиксировать не только нейтральное (как, например, в одноименной работе Пыпина 1878 г., переизданной в 1913 г.), но и прямо позитивное значение — а для русской «кальки» с «панславизма», «всеславянства», последнее является преобладающим. Аналогично, если при употреблении оборота «славянская взаимность», идущего от Я. Колара, политические импликации в целом приглушены,

*Тесля Андрей Александрович, к. филос. н., старший научный сотрудник Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), mestr81@gmail.com.

**© Тесля, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. Канта и поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

то «славянское единство» оказывается риторически удобным именно потому, что с ним не связаны какие-либо однозначные политические представления, и, с одной стороны, оно несет в себе позитивные оттенки смысла («единство»), а с другой — истолкование того, в чем именно и как именно видится реализующимся данное «единство», целиком зависит от говорящих¹.

Историю панславизма в русской мысли автор подразделяет на два основных этапа — до и после Крымской войны. В 1820–30-е гг. панславизм (под которым подразумевается в той или иной степени, но именно *политическая* идея) возникает и развивается среди западных и южных славян (почти исключительно в пределах Австрийской империи) — и в этом качестве с 1830-х гг. оказывается в фокусе немецкой публицистики, присваивающей этому достаточно неопределенному комплексу представлений наименование «панславизма» (по аналогии с «пангерманской идеей», набиравшей силу с начала XIX в.). В России идеи «славянской взаимности» звучат с рубежа 1810–1820-х — Прокудин совершенно верно обращает внимание на общество «Соединенных славян»; впрочем, планы по изучению славянских языков — вылившиеся в итоге в создание соответствующих кафедр в 1834 г., но начавшие обсуждаться за два десятилетия до этого — оказываются за пределами внимания.

Обращаясь к сюжетам из области славяноведения, тесно связанным с панславизмом, необходимо отметить, что, на наш взгляд, авторская трактовка грешит упрощением: согласно Прокудину, «с самого начала нового царствования [имеется в виду правление Николая I. — А. Т.] (до 1877 г.) русскому панславизму пришлось развиваться в условиях жесткой цензуры и подозрений со стороны правительства» (Прокудин, 2018: 139). Для подобного суждения есть свои основания, однако это же можно сказать и о целом ряде других политических идейных течений: правительственная политика в отношении панславистских идей была достаточно сложной, панславизм никоим образом не становился официальной идеологией, но в то же время именно на николаевское царствование приходится создание целой сети кафедр славяноведения, подготовка для них квалифицированных кадров. Михайло Петрович Погодин, которого Прокудин справедливо рассматривает как одного из

¹В то время как «панславизм» изначально запускает цепочку ассоциаций, связанных, например, с «пангерманизмом» — и изменение толкования последнего не вполне контролируемо со стороны говорящих воздействует на значения и оценки, привносимые в «панславизм».

первых представителей русского политического панславизма и, что важнее, как того, кто системным образом формулирует свои представления и предлагает целую программу действий для правительства (в записках, поданных министру народного просвещения гр. С. С. Уварову в 1839 и 1842 гг.²), является одним из голосов «официоза». Собственно, пытаясь кратко определить правительственное отношение к панславистским идеям, необходимо принять в расчет несколько тезисов.

Во-первых, само «правительство» и его политика неоднородны, — так, понятно, что отношение к славянским темам со стороны, например, Третьего отделения и Министерства народного просвещения в 1830-х — первой половине 1840-х существенно расходятся. Более того, достаточно обратиться к цитируемым и самим Прокудиным ответам И. С. Аксакова на вопросы, заданные ему в Третьем отделении во время ареста в 1849 г., и пометкам государя Николая Павловича на полях, чтобы увидеть, что позиция императора в отношении «славянской взаимности» далека от однозначно негативной. Так, Николай I писал:

...под видом участия к мнимому утеснению славянских племен в других государствах, таится преступная мысль соединения с сими племенами, несмотря на подданство их соседним и частью союзным государствам; а достижения сего ожидали не от Божьего определения, а от возмутительных покушений на гибель самой России. И мне жаль, потому что это значит смешивать два предмета совершенно разных: преступное со святым (Сухомлинов, 1889: 505).

Как видим, здесь и соединение «преступного со святым», и легитимистский принцип, утверждаемый императором, и в то же время готовность ожидать «соединения с сими племенами [...] от Божьего определения». Николай I в первую очередь противостоит здесь угрозе самостоятельного политического действия, политической инициативы, исходящей не от правительства, — потому, отметим попутно, Погодин, предлагающий свои идеи правительству и готовый действовать как его агент, не вызывает фундаментальных нареканий, в то время как даже более умеренная инициатива, идущая не через правительство, воспринимается в этой логике как угроза и то, что подлежит немедленному пресечению.

² Отметим попутно, что в тексте работы (Прокудин, 2018: 54) обе записки Погодина относятся к следствиям одной и той же заграничной поездки 1839 г., хотя даже из текста самих записок, опубликованных Погодиным в 1874 г. (Погодин, 1874), — не говоря уже о детальном жизнеописании Погодина, исполненным Н. П. Барсуковым (Барсуков, 1892; 1893), — можно узнать, что записки составлены, соответственно, после путешествий 1838–1839 и 1842 гг.

Во-вторых, идея «славянской взаимности», разумеется, не становится идеей официальной политики ни для 1840-х, ни для 1860-х гг., но используется правительством. Так, например, в рамках интерпретации «народности» Уваровым только в 1847 г. последняя будет понята как «русская», с исключением панславистских идей, но само это жесткое исключение ситуативно связано с делом Кирилло-Мефодиевского общества и опасениями перед лицом возможных последствий подъема национальных движений.

В-третьих, сами идеологи русского панславизма учитывают эти многообразные факторы и отнюдь не являются пассивными объектами воздействия со стороны «правительства», а активно действуют в этом сложном пространстве, частью которого являются действия как других держав, так и политических и общественных групп в последних.

Примером сложного переплетения многообразных факторов может служить история газеты «Парус», издание которой И. С. Аксаков принял в 1859 г. при прямой поддержке со стороны Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Уже на втором номере она была закрыта по цензурным основаниям, но при поддержке братьев Ковалевских (один из которых был в это время министром народного просвещения, а другой — директором Азиатского департамента МИДа) Аксаков сразу же получает разрешение на новое издание, озаглавленное «Пароход». Министерство иностранных дел считало издание такого рода органа весьма полезным с точки зрения влияния на зарубежных славян и укрепления сети контактов. Издание «Парохода», однако, не состоялось, поскольку издателю было запрещено упоминать о связи с предшествующим изданием и как-либо касаться политики, — здесь содействие со стороны Азиатского департамента оказалось бессильно преодолеть опасения других ведомств и нерасположение государя, — но уже с осени 1861 г. тот же Аксаков начнет издание газеты «День», которой Азиатский департамент, теперь возглавляемый гр. Н. П. Игнатьевым (будущим многолетним посланником в Константинополе), будет оказывать разнообразное содействие, чтобы, в свою очередь, использовать ее для публикации тех или иных потребных ему материалов (см.: Аксаков, 1896; Тесля, 2015).

Крымская война как водораздел между двумя этапами в истории панславизма в русской мысли означает существенную перемену отношений — возникновение общественного мнения в качестве значимого и до некоторой степени признаваемого самой государственной властью политического фактора. В рассмотрении последующей истории

панславизма Прокудин останавливается в первую очередь на трех моментах: во-первых, на деятельности славянских комитетов³, во-вторых, на воззрениях В. И. Ламанского — крупнейшего отечественного слависта последней трети XIX — начала XX в., целый ряд трудов посвятившего проблематике, в дальнейшем получившей обозначение «геополитической», — и, в-третьих, на идейной эволюции панславизма в 1870-е — 1880-е гг. Для рассмотрения последнего круга вопросов Прокудин избирает деление панславизма на (1) культурный и (2) политический, к представителям первого относя, например, уже упомянутого выше В. И. Ламанского и О. Ф. Миллера, а среди представителей политического называя Р. А. Фадеева и А. И. Васильчикова. Впрочем, как верно отмечает сам автор, подобное подразделение является довольно условным, — мы же со своей стороны отметили бы, что зачастую оно сугубо ситуативно: так, в 1880-х гг. панславизм оказывается преимущественно

³Попутно отметим ряд фактических неточностей, допускаемых Прокудиным при описании данного сюжета. Так, он пишет: «Членами Славянского благотворительного комитета, кроме известных славянофилов А. С. Хомякова, С. Т. и К. С. Аксаковых, Ю. Ф. Самарина и А. И. Кошелева, стали также общественные деятели, близкие к либеральному лагерю, — С. М. Соловьев, Ф. И. Буслаев, слависты О. М. Бодянский, А. А. Майков, — публицист консервативного толка М. Н. Катков и другие» (Прокудин, 2018: 76). Сама эта классификация вызывает в памяти «китайскую энциклопедию» Борхеса: однопорядковыми оказываются «славянофиль», «консерваторы» и «слависты». Однако не только в неудачном упорядочивании дело: описываемый состав комитета относится к 1858 г., но в это время соиздателя «Русского вестника» М. Н. Каткова весьма затруднительно назвать «публицистом консервативного толка»: его взгляды приобретут такой характер существенно позднее. И, во всяком случае, в это время их трудно противопоставить воззрениям С. М. Соловьева и Ф. И. Буслаева: первый, напомним, как раз в 1856–57 гг. на страницах «Русского вестника» ведет напряженную полемику со славянофильской «Русской беседой», в то время как С. Т. Аксакова в историографической традиции совершенно справедливо не причисляют к славянофилам (см., напр.: Цимбаев, 1986), в отличие от двух его сыновей, Константина и Ивана.

Существенное искажение в описании деятельности Славянских комитетов вносит то обстоятельство, что за пределами рассмотрения оказывается тесная связь последних с отдельными частями правительства: сама организация Московского комитета в 1858 г. была вызвана резким ослаблением влияния Российской империи на Балканах после поражения в Крымской войне и стремлением отчасти компенсировать это через общественные и культурные связи; о связи открытия Санкт-Петербургского комитета с Этнографической выставкой 1867 г. и прибытием полусотни зарубежных делегатов, которые были официально приняты Александром II, пишет сам автор исследования. История комитетов, в особенности Московского, — яркий пример того, сколь неточной и размытой оказывается логика противопоставления власти, правительства и общества, причем если последнее еще сохраняет в силу очевидных разнонаправленных действий свою неоднородность, то «правительство» и «власть» легко субстанциализируются и в дальнейшем оказываются единым субъектом — с волей, разумом и прочими атрибутами личности.

«культурным» не столько по причине сущностной перемены взглядов тех из его представителей, которые действовали в 1870-е и продолжают действовать десятилетие спустя, а поскольку для реализации широкой панславистской программы в эти годы не было соответствующих условий: разочарование в результатах войны 1877–78 гг. было практически всеобщим; к тому же, его усугубляло развитие ситуации в Сербии и Болгарии, которые, в том числе в результате серии грубых ошибок российской внешней политики, оказались на долгие годы потерянными для российской дипломатии.

Заметим попутно, что целый ряд суждений автора вызывает недоумение. Так, присоединяясь к выводам Г. В. Рокиной, Прокудин пишет:

...представленное Данилевским направление русской общественной мысли было далеко от подмены панславизма панрусизмом, от требования растворения самостоятельности славянских племен в «единовластительстве» России над миром славянства. Вся выдвинутая Данилевским концепция и в общей своей теоретической основе, и в практических очертаниях представляла собой нечто прямо противоположное каким-либо захватническим со стороны России стремлениям (Прокудин, 2018: 104–105).

Если с первой частью этого пассажа еще и можно согласиться (хотя все-таки имеет смысл разделять декларации признания «самостоятельности славянских племен» с интенциями построений Данилевского и было бы плодотворно эксплицитно выделить, что именно он понимает под свободой и самостоятельностью⁴), то вторая часть явно предполагает узкий и оценочный смысл слов «захватнические [...] стремления», дабы стать осмысленной, — видимо, исключая из своего числа все многообразие «освобождений», «возвращений», «воссоединений» и прочих действий, в глазах говорящего имеющих позитивный смысл, в отличие от осуждаемых «захватов». В числе других недостатков работы приходится отметить, что большая ее часть представляет собой кандидатскую диссертацию автора, защищенную в 2007 г. и представляющую библиографию и степень изученности темы по состоянию на то время,

⁴Так, например, в цитируемом Прокудиным пассаже из работы председателя Санкт-Петербургского славянского комитета кн. А. И. Васильникова (1876, опубл. 1883) говорится: «Славянский вопрос вовсе не понят в Европе, и очень смутно понимается в России. Славянский вопрос обозначает не то, что обыкновенно подразумевают европейские либералы, то есть не политическую независимость с конституционным правлением, не равноправность с гласным судопроизводством и адвокатурою. Этим, пожалуй, могут англичане осчастливить турок, но серб, черногорец, болгарин, как и русский мужик, таких благодеяний не просят» (Прокудин, 2018: 119).

что с учетом появления за истекшие годы целого ряда фундаментальных исследований по истории отечественной общественной мысли XIX столетия воспринимается как серьезная неполнота.

Не лишена работа и целого ряда фактических ошибок. В частности, автор пишет: «концепция славянского единства славянофилов нашла теоретическую базу в гегелевской философии истории» (Прокудин, 2018: 20), — тогда как обращение даже к обзорным работам по истории славянофильства могло сообщить автору, что формирование воззрений А. С. Хомякова и И. В. Киреевского (обмен их в 1839 г. текстами «О старом и новом» и «Ответ А. С. Хомякову» традиционно принято считать за начальную дату образования славянофильства) происходит независимо от гегелевской философии, оказавшей серьезное воздействие на молодых Ю. Ф. Самарина и К. С. Аксакова. Во многом именно со споров Хомякова с Самаринным о Гегеле и опровержения опытов Самарина в приложении философии последнего к православию начинается соединение двух поколений московских национально настроенных дворян в «московское направление». Если уж пытаться определить преобладающее философское влияние на славянофильство, то решающую роль придется отвести шеллингианству — но в рамках тех ключевых идей, которые обсуждает Прокудин, у нас нет нужды в подобном философском разбирательстве: идеи о народах «исторических» и «неисторических», о том, что в основе всякой нации и государства лежит некий «дух», раскрывающийся в их истории, и т. д. — принадлежат к общему кругу расхожих идей, связанных отнюдь не только с Шеллингом или Гегелем, но и с Гердером, Фихте и немецкими романтиками. В этом плане сказанное Прокудиным применительно к Гегелю оказывается во многом верным, но обозначающим не видовые, а родовые черты этого способа осмыслять историю.

Если же вернуться от недостатков к достоинствам работы, то необходимо отметить, что перед нами — краткий и отчетливо структурированный обзор истории панславистских идей в русской общественной мысли XIX в., охватывающий широкий диапазон мысли: от декабристских организаций до Бакунина, от славянофилов до кн. Васильчикова и генерала Фадеева. В итоге читателю дается картина истории русского панславизма от первых политических формулировок до паузы конца XIX в. — перед тем, как панславизму предстоит вновь занять существенное место на арене русской политической мысли в преддверии Первой мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков И. С.* Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2: Письма к разным лицам. Т. IV. — СПб. : Издание Императорской публичной библиотеки, 1896.
- Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. V. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1892.
- Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. VII. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1893.
- Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжение крымской войны. 1853–1856. — М. : Тип. В. М. Фриша, 1874.
- Прокудин Б. А.* Панславизм в истории политики и мысли России XIX века / под ред. А. А. Ширинянца. — М. : Издательство Московского университета, 2018.
- Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению : в 2 т. Т. II. — СПб. : Издание А. С. Суворина, 1889.
- Тесля А. А.* «Последний из „отцов“»: биография Ивана Аксакова. — СПб. : Владимир Даль, 2015.
- Цимбаев Н. И.* Славянофильство. Из истории русской общественной мысли XIX века. — М. : Издательство Московского университета, 1986.

Teslya, A. A. 2018. "Russkiy panslavizm: ot kul'turnogo k politicheskomu i obratno [Russian Pan-Slavism: From the Cultural to the Political and Back]: retsenziya na knigu Borisa Prokudina [A Review of Boris Prokudin's Book]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (2), 177–185.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY, SENIOR RESEARCHER

AT THE IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY, KALININGRAD

RUSSIAN PAN-SLAVISM: FROM THE CULTURAL TO THE
POLITICAL AND BACK

A REVIEW OF BORIS PROKUDIN'S BOOK

PROKUDIN, B. A. 2018. *PANSLAVIZM V ISTORII POLITIKI I MYSLI ROSSII XIX VEKA [PAN-SLAVISM IN THE HISTORY OF RUSSIAN POLITICS AND THOUGHT IN THE NINETEENTH CENTURY]* [IN RUSSIAN]. ED. BY A. A. SHIRINYANTS. MOSKVA [MOSCOW]: IZDATEL'STVO MOSKOVSKOGO UNIVERSITETA

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-177-185.

REFERENCES

- Aksakov, I. S. 1896. *Ivan Sergeevich Aksakov v yego pis'makh. Ch. 2: Pis'ma k raznym litsam [Ivan Aksakov through His Letters. Part 2: Miscellaneous Letters]* [in Russian]. Vol. IV. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdaniye Imperatorskoy publichnoy biblioteki.

- Barsukov, N. P. 1892. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina* [Life and Works of M. P. Pogodin] [in Russian]. Vol. v. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya M. M. Stasyulevicha.
- . 1893. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina* [Life and Works of M. P. Pogodin] [in Russian]. Vol. vii. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya M. M. Stasyulevicha.
- Pogodin, M. P. 1874. *Istoriko-politicheskiye pis'ma i zapiski v prodolzheniye krymskoy voyny. 1853–1856* [Historical and Political Letters and Notes in the Course of the Crimean War. 1853–1856] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tip. V. M. Frisha.
- Prokudin, B. A. 2018. *Panslavizm v istorii politiki i mysli Rossii XIX veka* [Pan-Slavism in the History of Russian Politics and Thought in the Nineteenth Century] [in Russian]. Ed. by A. A. Shirinyants. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Sukhomlinov, M. I. 1889. *Issledovaniya i stat'i po russkoy literature i prosveshcheniyu* [Studies and Articles on Russian Literature and Education] [in Russian]. Vol. II. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdaniye A. S. Suvorina.
- Teslya, A. A. 2015. *“Posledniy iz ‘ottsov’”: biografiya Ivana Aksakova* [The Last of the “Fathers”: Ivan Aksakov's Biography] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- Tsimbayev, N. I. 1986. *Slavyanofil'stvo. Iz istorii russkoy obshchestvennoy mysli XIX veka* [Slavophilism. From the History of Russian Social Thought of the Nineteenth Century] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

АЛЕКСАНДР МАРЕЙ*

ИМПЕРИЯ БЕЗ КУЛЬТУРЫ? **

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ С. А. НИКОЛЬСКОГО

Никольский С. А. Империя и культура: философско-литературное осмысление
Октября. — М. : ИФ РАН, 2017.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-186-196.

Тема империи заслуженно считается одной из самых актуальных в современной России. Поэтому новая книга С. А. Никольского, озаглавленная «Империя и культура», оказывается, что называется, в тренде. Привлекает она внимание, однако, не только и не столько заглавием, сколько двумя другими моментами. Во-первых, в рамках этой книги С. А. Никольский подробно излагает свою идею «констант общественного бытия» и разъясняет ее применимость к отечественной истории. Во-вторых, как и в прошлой своей монографии (Никольский, 2015), здесь он обращается к философским идеям и смыслам, отраженным в текстах русской литературы.

Подобный метод работы — поиск философских идей в литературных и поэтических текстах и их дальнейшая интерпретация — отягощен одним серьезным профессиональным риском. Исследователь, обращающийся к художественной литературе и поэзии, неминуемо рискует излишне часто прибегать к суждениям вкуса, к попыткам передавать сугубо субъективные переживания, придавая им статус аргументов в научном тексте. Соответственно, для того, чтобы квалифицированно обсуждать философские идеи в русской и советской литературе, нужно быть специалистом в этой области, причем специалистом высокого класса. Не считая себя таковым, я сосредоточу свое внимание на теоретической (или даже философско-исторической) составляющей концепции С. А. Никольского.

Начать следует с основного для обсуждаемой концепции понятия, а именно — с констант общественного бытия. Во введении к работе автор дает им следующее определение:

*Марей Александр Владимирович, к. юрид. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), amarey@hse.ru.

**© Марей, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

...повторяющиеся на протяжении длительного исторического периода устойчивые, создаваемые государством и обществом, постоянно реализуемые на практике, а также пребывающие внутри традиций объективные и ментальные структуры, которые, с одной стороны, задают ограничения, а с другой, простраивают директории общественного (экономического, социально-политического и культурного) развития (Никольский, 2017: 5).

Чуть дальше, в главе, непосредственно посвященной этим константам, к их определению добавляется еще одно: «...произвольно сложившийся, а отчасти целенаправленно созданный в исторической общественной практике способ устройства и функционирования общественного бытия социума» (там же: 19). В обоих случаях С. А. Никольский говорит о константах именно *российского* (здесь и далее курсив мой. — А. М.) бытия; я же сознательно хочу рассмотреть это понятие *in abstracto*, в отрыве от российских реалий, поскольку мне представляется очевидным, что если уж вообще вводить это понятие, то оно должно действовать применительно не только к России, но и к любой другой историко-политической общности. В противном случае мы упрямся лбом в пресловутый тезис об «особом пути» России, применительно к которой действуют те понятия и правила, которых нет ни в одном другом обществе. Этот путь представляется мне тупиковым и откровенно незаслуживающим внимания.

Таким образом, константы могут быть определены либо как *объективные или ментальные структуры*, моделирующие и простраивающие основные направления развития той или иной общности, либо же как сам *способ ее устройства и функционирования*. Они обладают длительностью существования, то есть представляют собой понятия *исторические*. Наконец, в связке между индивидуумом и общностью, или, если угодно, личностью и государством константы занимают промежуточное положение: они создаются *государством* или *обществом*, но сами уже предопределяют появление тех или иных *личностей* или *институтов* на каждом конкретном этапе исторического бытия. При этом константы, по мнению С. А. Никольского, уникальны для каждой конкретной историко-политической общности. Ведь если константы российского бытия «задают характер собственного развития российского общества, тип и характер его взаимосвязи с природой и другими сообществами» (там же: 20), то, очевидно, аналогичное утверждение можно сделать и о константах, скажем, испанского или английского общественного развития.

Подобное понимание констант (историческая сущность, создаваемая государством / обществом, а также формирующая личности / институты / культуру) сближает их с целым рядом схожих конструкций, появившихся у более ранних авторов. Первое же, что приходит в голову, это дух законов у Монтескье и знаменитый *Volksgeist*, описанный Г. Ф. Пухтой и К. Ф. фон Савиньи. Одно и, пожалуй, кардинальное различие между этими понятиями и константами, предлагаемыми С. А. Никольским, в том, что и дух законов, и дух народа формировались под воздействием, прежде всего, природных факторов и оказывали прямое и непосредственное влияние на возникновение у того или иного народа государства или иной формы политической общности. Константы же оказываются вторичными по отношению к государству, что, в свою очередь, ставит вопрос об их соответствии своему названию (если само государство есть понятие историческое, помещающееся, к тому же, на крайне небольшом временном отрезке, сколь же менее длительными оказываются константы?). Здесь же возникает вопрос к автору: почему он не включил в факторы, формирующие константы, непосредственно природные и климатические условия, в которых проживает та или иная культурно-историческая общность? Ведь именно природными условиями объясняли целый ряд особенностей русской истории такие авторы, как, например, С. М. Соловьев и В. О. Ключевский. Признавали формирующую роль природы и О. Шпенглер, и А. Дж. Тойнби. В книге же С. А. Никольского не хватает хотя бы аргументированного отказа от обращения к существующей традиции.

Обращаясь к перечню российских констант общественного развития, С. А. Никольский выделяет три пункта: империю, самодержавие и «власть – собственность» (Никольский, 2017: 21). Каждый из этих трех пунктов требует, как представляется, отдельного обсуждения, начать которое, в свою очередь, можно именно с империи, которой автор посвящает первую, открывающую главу своей книги. Однако прежде, чем говорить непосредственно об империи, нужно сделать еще одно предварительное замечание.

Уже на первой странице своей книги С. А. Никольский замечает, что первая попытка сформулировать константы отечественного общественного развития была предпринята еще в 1832 г. Сергеем Семеновичем Уваровым. Речь идет, понятно, о знаменитой «уваровской триаде», включавшей в себя православие, самодержавие и народность. По мысли С. А. Никольского, Уваров предложил эту триаду, поскольку «она

должна была отражать отличный от европейского просвещения отечественный вектор исторического развития, в котором не было места идеям верховенства права, свободы мысли, прав личности, индивидуализма и рационализма» (Никольский, 2017: 6). В начале второй главы автор вновь обращается к триаде С. С. Уварова (там же: 18), в которой он видит официальную формулировку отечественных констант.

В обоих этих фрагментах привлекают внимание две детали, заставляющие пристальнее вглядываться в текст. Во-первых, можно отметить, что С. А. Никольский не обращается к первоисточнику, то есть непосредственно к меморандуму С. С. Уварова, составленному им на имя императора Николая I. Не привлекает он и новейшую отечественную литературу, посвященную графу Уварову и его триаде¹, опираясь в своей ее интерпретации прежде всего (хотя и не только!) на монографию Д. А. Хомякова, опубликованную впервые в 1904 г. (Хомяков, 2011). Само по себе это не хорошо и не плохо, ведь книга-то посвящена не С. С. Уварову и не культурной политике правления Николая I. Однако представляется, что отсутствие обращения к первоисточнику несколько сбивает авторскую оптику, заставляя видеть в «уваровской триаде» то, чего там никогда не было. Вспомним, что впервые эта формула была написана С. С. Уваровым по-французски, в памятной записке, адресованной императору. Русский перевод появился позднее, и он, несомненно, вторичен. Французский текст, между тем, выглядел принципиально по-иному, в нем совпадало с русским лишь одно слово: русское «самодержавие» соответствовало французскому *Autocratie*. Православие же и народность появились лишь в русском переводе, тогда как во французском оригинале стояли *Réligion nationale* и *Nationalité*. То есть, получается, что формулу единства С. С. Уваров видел в национальной религии, самодержавии и — в чем? — в гражданственности? в национальном чувстве? Здесь видно что угодно, но только не отказ от идей «верховенства права, свободы мысли, прав личности, индивидуализма и рационализма».

Во-вторых, — я вновь возвращаюсь к разговору о философско-историческом понятии «констант» и его наполнении, — непонятно, почему С. А. Никольский вывел из их числа то самое православие, которое открывало русский вариант уваровской триады. В отличие от природы,

¹ Я имею в виду, прежде всего, относительно недавнюю книгу А. Л. Зорина: Зорин, 2001. См. также: Зорин, 1996; Шевченко, 2002; 2003.

которая не подходит под формулу «константы», разработанную в книге (поскольку она явно предстает любому государству и обществу), православие с полным правом может считаться объективной и ментальной структурой, существующей в историческом времени, во многом созданной русским государством и, в свою очередь, формирующей личности и институты внутри него на каждом конкретном историческом этапе. В отличие от предыдущего момента, касающегося знакомства с оригинальным текстом С. С. Уварова и с судьбой его идей, этот, как представляется, заслуживает обязательного авторского комментария.

Этот вопрос встает еще более остро при разговоре о концепте империи, который С. А. Никольский называет первой из трех констант отечественного общественного развития и которому он посвящает первую главу своей книги. Отсчет истории России как империи автор начинает не с Петра I, а с Ивана Грозного или даже еще раньше, с правления его отца, князя Василия III, когда Московская Русь (России, все же, еще не было) объявила себя «Третьим Римом» и преемницей Византии. Очевидно, что преемство Византии со всей необходимостью включало в себя и возвеличивание роли русского православия, но тут автор делает достаточно хитрый ход, последовательно противопоставляя Россию Византии. По его мнению, мы унаследовали преклонение перед государем (самодержавие), но отказались от римского права; унаследовали внешнее, декларативное православие, но отказались от христианского духа; унаследовали изоляционизм, но утратили миссионерство (Никольский, 2017: 12). Основными принципами нашей империи при этом автор называет: (а) максимизацию территориального расширения для достижения экономических и политических целей; (б) построение закрытой для внешнего мира самодостаточной политической, экономической и общественной системы; (в) заложенное и культивируемое в национальном сознании представление о наличии у страны особой миссии; (г) обязательность сакральной фигуры императора-вождя; (д) вторичность гражданской культуры по сравнению с государством и последовательное подчинение права политической власти; (е) сведение значимости отдельного человека до винтика механизма при полном игнорировании индивидуальности и личных запросов (там же: 8–9).

Соответственно, Российская империя предстает в книге своеобразным «прессом», в котором, выжимая соки из людей, гомогенизируя их, веками создавали послушных, забытых подданных, лишенных личностного сознания, прав, свобод, собственности и культуры, рабски покорных самодержавной власти очередного государя. В этой картинке по сути

есть лишь один минус: то, что описано в книге, совершенно не может быть империей, поскольку содержит, как минимум, одно неразрешимое противоречие. Ниже я постараюсь показать, с одной стороны, в чем суть противоречия, с другой — наметить возможные пути его преодоления. Но прежде нужно задаться вопросом: что же такое империя?

Как совершенно справедливо упоминает С. А. Никольский в начале первой главы, ссылаясь на мнение А. Миллера, понятие «империя» не имеет единого общепринятого определения (Никольский, 2017: 8). Но это, по моему мнению, совершенно не значит, что его нельзя хотя бы попробовать собрать, опираясь на ряд черт, общих для всех или, по крайней мере, для большинства тех политических образований, что называли себя империями. Оговорюсь отдельно, что в предельно кратком экскурсе ниже пойдет разговор лишь о тех политиях, что сами определяли себя как империи, в то время как за кадром останется достаточно большое количество общностей, к которым это понятие было применено позднее европейскими и американскими исследователями.

Само слово «империя» происходит от латинского *imperium*, что означало право высшей власти, которой облакались римские полководцы, уводившие войска на войну за пределы Республики — туда, где переставала действовать власть (*potestas*) римских магистратов. Соответственно, и понятие *imperator* длительное время означало главнокомандующего войсками Рима, да и то только на период, пока тот находился вовне Республики. Начиная с эпохи Октавиана Августа, закрепившего этот титул за собой и своими преемниками в качестве приставки к имени (*praenomen*), это слово стало употребляться также для обозначения верховного политического лидера Республики. И *imperium*, вслед за ним, начало обозначать верховную политическую власть, право повеления, которому невозможно ничего противопоставить. При этом, и это важно, политическая общность древних римлян (государства у них не было) продолжала называть себя как и раньше — *Senatus Populusque Romanus*, т. е. «Сенат и римский народ». И Республика, и пришедшая ей на смену Империя были лишь теми «политическими одеждами», в которые драпировался римский народ, единственный полновластный политический субъект в историко-культурном пространстве древнего Рима. О том, что представлял собой сам *Populus Romanus*, можно говорить долго и пространно. Ограничусь лишь утверждением, что основной «скрепой», обеспечивавшей единство сотен и тысяч домовладык (глав римских домохозяйств, граждан Рима), было знаменитое римское право, мыслившееся не как «данная государством система норм» (прежде

всего, в силу отсутствия государства), а как многослойная система межличностных соглашений, договоров и сделок, опутывавших всех римских граждан. Были, разумеется, и иные скрепляющие их основы (язык, письменная культура, вначале еще и религия), но именно право выступало единым, уравнивавшим всех мерилом.

С установлением христианства как официальной религии Империи мало что поменялось: правовой универсализм дополнился универсализмом религиозным (важно подчеркнуть, что право никуда не делось ни на Западе, ни на Востоке Империи) да изменилась позиция главы империи — императора. Он стал мыслиться не только верховным военным и политическим лидером, но и главным защитником всех христиан. Германские нашествия, низложение Ромула Августула и фактический уход Империи с Запада повлекли за собой становление Восточной Римской империи как самостоятельной державы. Себя они называли империей ромеев, мы зовем их, как правило, Византийской империей, по имени их главного города. Не вдаваясь в политическую антропологию Византии, отмечу, что там, с течением времени, правовой универсализм несколько сдал позиции перед универсализмом религиозным и политическим; это объяснялось тем, что практически всю свою историю Византия находилась в ситуации противостояния с разными противниками — прежде всего, с мусульманами.

На Западе после «восстановления империи» в 800 г., когда императором римлян был коронован Карл Великий, империя существовала непрерывно до 1806 г., когда она была упразднена Наполеоном Бонапартом. Причина упразднения понятна и ясна: незадолго до того, в 1804 г., Наполеон сам короновался императором и объявил свою державу империей. Особенностью же империи еще с давних, римских времен было то, что империя могла существовать лишь в одиночестве. Причина этого была указана выше — классическая империя, которая была у римлян и которой подражал Бонапарт, служила лишь оболочкой, внешней формой для политического субъекта, т. е. для народа. Народ же (*Populus*) в рамках этих представлений мог быть лишь один, тогда как все прочие политические общности по отношению к нему определялись лишь как *gentes*, «племена». Понятно, что к эпохе Нового времени эта ситуация уже изменилась кардинально, но понятно и то, что Наполеон имитировал именно ту, древнюю империю Рима, претендуя на ее восстановление.

Западные империи были многообразны, но существовало все же несколько общих черт, их объединявших. Вплоть до раннего Нового

времени жители империи именовали себя не *подданными*, но *гражданами*; власть императора, по крайней мере формально, оставалась выборной, в отличие от наследственной династической власти европейских монархий; до середины XVI в. империя мыслилась еще и как моноконфессиональное сообщество, что кончилось после печально известного Аугбургского мира 1555 г. Начиная примерно с XVIII в. европейские империи (Священная Римская империя германской нации, Австро-Венгерская империя, позднее — Британская и Германская империи) все больше и больше превращались в современные государства, власть императора внутри которых выстраивалась по канонам классического европейского абсолютизма². Все эти империи сохраняли также и традиционную, существовавшую еще с древности пространственную структуру «центр – периферия»³.

Таким образом, если суммировать сказанное, мы получим политическую форму, выстроенную по принципу «центр – периферия», для которой, как правило, будет характерна выборная верховная власть, достаточно развитая правовая и, как следствие, гражданская культура; в качестве факультативного дополнения — конфессиональное единство. Главное же в сказанном, на что еще раз следует обратить внимание, — это развитая правовая культура, общая для всех граждан империи, и безоговорочный приоритет частного права над публичным. В случае, когда правовая культура отступала на второй план, не исчезая, впрочем, совершенно (как это было в Византии), ее место занимала культура религиозная. Иными словами, империя немыслима без культуры, без единого культурного кода, общего для всех ее граждан или подданных.

Сергей Анатольевич Никольский, в свою очередь, рисует Российскую империю как геополитическое пространство, лишенное подобного общего культурного кода, наполненное беспорядком и бескультурьем⁴. Другими словами, он предлагает картинку империи, лишенной одного из базовых, образующих империю признаков. Игнорируется им и образ «центра – периферии» с сильной культуртрегерской ролью центра. В итоге, как представляется, получается «империя без империи», что

²Прекрасно суммированные отличия абсолютизма от нашего самодержавия см. в статье К. А. Соловьева, публикуемой в этом номере нашего журнала.

³О политической форме империи можно говорить еще долго. Я позволю себе сослаться на относительно недавние исследования С. И. Каспэ (Каспэ, 2008; 2016) и на цитируемую там библиографию.

⁴Единственное исключение предоставляется им «выгодной империи массовой культуры» (Никольский, 2017: 15).

приводит к нарушению целостности остальной конструкции, описанию которой посвящена вся книга.

Причины подобного сдвига можно искать долго. Их можно увидеть и в возведении С. А. Никольским Российской империи к XVI в. вместо привычной многим Петровской России, и в его отчетливо негативном отношении к имперскому прошлому. Гораздо более интересным представляется продумать, как можно было бы поправить методологически и, если угодно, философско-исторически эту конструкцию, вернув в нее жизнь. Я полагаю, что поправка необходима минимальная и уже потому реализуемая (впрочем, весьма интересно будет услышать мнение автора по этому поводу). Как я говорил выше, я считаю, что состав «констант» общественного развития России должен быть дополнен религиозной составляющей, а именно православием как культуuroобразующим фактором огромной силы. Если допустить эту поправку, то константа империи предстанет уже в другом виде, она обретет тот общий культурный код, которого ей, по моему мнению, недостает в настоящем виде.

Впрочем, эти рассуждения следует рассматривать скорее как заметки читателя на полях интересной новой книги, чем как что-либо еще. Книга, безусловно, состоялась и обязательно найдет своего читателя. А если автор найдет мои замечания заслуживающими внимания, будет весьма интересно прочесть ответ. Кто знает, может, это станет началом новой интересной дискуссии?..

ЛИТЕРАТУРА

- Зорин А. Л.* Идеология «православия – самодержавия – народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век) / под ред. Е. Л. Рудницкой. — М. : Археографический центр, 1996.
- Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла: литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века. — М. : НЛЮ, 2001.
- Каспэ С. И.* Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. — М. : Московская школа политических исследований, 2008.
- Каспэ С. И.* Политическая форма и политическое зло. — М. : Школа гражданского просвещения, 2016.
- Никольский С. А.* Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX–XX вв. — М. : Голос, 2015.
- Никольский С. А.* Империя и культура: философско-литературное осмысление Октября. — М. : ИФ РАН, 2017.

- Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность / под ред. А. Д. Каплина, О. А. Платонова. — М. : Институт русской цивилизации, 2011.
- Шевченко М. М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского Университета. Сер. 8. История. — 2002. — № 4. — С. 89–104.
- Шевченко М. М. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. — М. : Три квадрата, 2003.

Marey, A. V. 2018. "Imperiya bez kul'tury? [An Empire without Culture?]: retsenziya na knigu S. A. Nikol'skogo [A Review of S. A. Nikol'skiy's Book]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (2), 186–196.

ALEKSANDR MAREY

PHD IN LAW; ASSOCIATE PROFESSOR AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW

AN EMPIRE WITHOUT CULTURE?

A REVIEW OF S. A. NIKOL'SKIY'S BOOK

NIKOL'SKIY, S. A. 2017. *IMPERIYA I KUL'TURA: FILOSOFSKO-LITERATURNOYE OSMYSLENIYE OKTYABRYA [EMPIRE AND CULTURE: INTERPRETING RUSSIAN REVOLUTION THROUGH PHILOSOPHY AND LITERATURE]* [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW]: IF RAN

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-186-196.

REFERENCES

- Kaspe, S. I. 2008. *Tsentry i iyerarkhii: prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma [Centers and Hierarchies: Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
- . 2016. *Politicheskaya forma i politicheskoye zlo [Political Form and Political Evil]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Shkola grazhdanskogo prosveshcheniya.
- Khomyakov, D. A. 2011. *Pravoslaviye. Samoderzhaviye. Narodnost' [Orthodoxy, Autocracy, and Nationality]* [in Russian]. Ed. by A. D. Kaplin and O. A. Platonov. Moskva [Moscow]: Institut russkoy tsivilizatsii.
- Nikol'skiy, S. A. 2015. *Gorizonty smyslov. Filosofskiy interpretatsii otechestvennoy literatury XIX–XX vv. [Horizons of Meanings. Philosophical Interpretations of Nineteenth – Twentieth Century Russian Literature]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Golos.
- . 2017. *Imperiya i kul'tura: filosofsko-literaturnoye osmysleniye Oktyabrya [Empire and Culture: Interpreting Russian Revolution through Philosophy and Literature]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: IF RAN.
- Shevchenko, M. M. 2002. "Ponyatiye 'teoriya ofitsial'noy narodnosti' i izucheniye vnutrenney politiki imperatora Nikolaya I [The Notion of Official Nationality Doctrine, and the Studies

- of Nicholas I of Russia Domestic Policy]" [in Russian]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 8. Istoriya* [*Herald of Moscow University, Series 8 (History)*], no. 4: 89–104.
- . 2003. *Konets odnogo Velichiya. Vlast', obrazovaniye i pechatnoye slovo v Imperatorskoy Rossii na poroge Osvoboditel'nykh reform* [*Decline of a Certain Greatness. Authority, Education and the Written Word in the Russian Empire on the Eve of the Great Reforms*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tri kvadrata.
- Zorin, A. L. 1996. "Ideologiya 'pravoslaviya – samoderzhaviya – narodnosti' i yeye nemetskiye istochniki ['Orthodoxy, Autocracy, and Nationality' Ideology and Its German Origins]" [in Russian]. In *V razdum'yakh o Rossii (XIX vek)* [*Thinking about Russia (19th Century)*], ed. by Ye. L. Rudnitskaya. Moskva [Moscow]: Arkheograficheskiy tsentr.
- . 2001. *Kormya dvuglavogo orla: literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka* [*Feeding the Two-Headed Eagle: Literature and State Ideology in Russia in the Late Eighteenth – Early Nineteenth Centuries*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: NLO.

Павлов А. В. Образы современности в XXI веке: диджимодернизм : рецензия на книгу Алана Кирби // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2018. — Т. II, № 2. — С. 197–212.

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ*

ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННОСТИ В XXI ВЕКЕ: ДИДЖИМОДЕРНИЗМ**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ АЛАНА КИРБИ

KIRBY A. DIGIMODERNISM. HOW NEW TECHNOLOGIES DISMANTLE THE POSTMODERN AND RECONFIGURE OUR CULTURE. — NEW YORK, LONDON : CONTINUUM, 2009.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-197-212.

Социальные теоретики и социальные философы часто обращаются к анализу актуальной ситуации, пытаясь объяснить мир и время, в которое мы живем. Дело касается даже не столько отдельных феноменов политической жизни, сколько эпохи как таковой. В отличие от социальных философов политические теоретики обычно фиксируют некоторые проблемные точки: рассуждают о нынешнем состоянии демократии или говорят о сути таких социальных изменений, как революции. Социальные теоретики же чаще всего мыслят «эпохально», то есть обсуждают историческое состояние социума. Яркими примерами таких теорий могут быть концепции «радикализованного модерна» Энтони Гидденса или «текучей современности» Зигмунта Баумана. Социальные философы, близкие по духу к социальной теории, как правило, размышляют не столько об обществе, сколько о культуре, которая нередко оказывается главным фактором понимания социального состояния в самом широком смысле этого слова, то есть во главу угла их анализа попадает эстетика, а не само общество.

В течение некоторого времени в гуманитарных науках трендом было объяснять окружающий нас мир с помощью понятия «постмодерн». Причем чаще всего именно через его проявления в культуре, хотя и не только

*Павлов Александр Владимирович, к. юрид. наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); заведующий сектором социальной философии, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, apavlov@hse.ru.

**© Павлов, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

в ней. Так, прежде чем сформулировать свою концепцию «текучей современности», Бауман посвятил несколько книг постмодерну — но в итоге отказался от этого концепта в принципе (Bauman and Tester, 2007: 25-26). Как это ни удивительно, но многие авторы, которые связывали свои теоретические поиски с постмодерном, точно так же, как и Бауман, либо демонстративно провозгласили, что эпоха постмодерна закончилась (Hutcheon, 2002: 165–166), либо разочаровались в нем, признав, что он изменился в худшую сторону (Hassan, 2003), либо незаметно прекратили о нем говорить и начали социально-философские изыскания в иных областях (Jameson, 2007: 215). Таким образом, к началу XXI столетия у постмодерна не осталось ключевых пропонентов. Тем самым возникла ситуация, при которой эпоха нового столетия осталась без языка описания, а потребность прояснить базовые изменения социокультурной жизни оказалась как никогда острой. Так, начиная с 2000 г., разные авторы стали «производить» концепции актуального для нас времени.

С тех пор ученые, чьи интересы связаны преимущественно с эстетикой и культурой, а также некоторые деятели искусства начали предлагать свои версии языков описания современности. Это, например, ремодернизм, перформатизм, гипермодернизм, реновализм, автомодернизм, альтермодернизм и метамодернизм. Ключевые пункты этих концепций были собраны под одной обложкой в антологии 2015 г. (*Supplanting the Postmodern*, 2015). Каждая из названных «версий современности XXI столетия» заслуживает отдельного внимания и глубокого анализа, но мы в данном случае обратимся к одной — к концепции диджимодернизма (или «цифромодернизма») — по той причине, что она имеет наибольшую актуальность и посвящена преимущественно цифровому измерению перемен в обществе. Согласимся, что за последние пятнадцать лет именно в этой области культуры произошли невероятные изменения, влияющие в том числе на нашу повседневную жизнь. Ключевые элементы этой концепции содержатся в книге 2009 г. «Диджимодернизм. Как новые технологии упраздняют постмодерн и переопределяют нашу культуру» (Kirby, 2009). Автором идеи стал английский литературовед и теоретик культуры Алан Кирби, который и сейчас продолжает преподавать английскую литературу.

Однако первые тезисы, предвещающие главные заключения книги и получившие некоторую известность, Кирби сформулировал еще в 2006 г. Несмотря на то, что сам он литературовед и культуролог, изначально его амбиции распространялись и на сферу философии. Поэтому

статья «Смерть постмодернизма и то, что после» была опубликована в философском журнале *Philosophy Now* (Kirby, 2006)¹. Впрочем, нельзя сказать, что *Philosophy Now* — солидное академическое издание. Несмотря на то, что в журнале появляются тексты разного качества, проект носит скорее научно-популярный (с большим уклоном в популярность, чем в науку), нежели сугубо академический характер. Возможно, это лучшая площадка для продвижения совершенно новых идей, изложенных в форме эссеистики, но ожидать глубоких размышлений, высказанных сложным языком, от текстов, вышедших в *Philosophy Now*, не приходится. Более того, сам журнал позиционирует себя именно как журнал (*magazine*), а не как академическое издание (*journal*). Да и сам Кирби больше литературовед, как он сам себя позиционирует, нежели философ, что, опять же, отражается на его концепции, от которой не стоит требовать глубокомыслия. Впрочем, здесь возникают определенные вопросы. Потому что, например, в некотором отношении предшественник Кирби — Фредрик Джеймисон, ставший одним из наиболее влиятельных теоретиков постмодерна, — тоже вышел из литературоведов, при этом оказавшись весьма глубоким философом. Но суть не в этом. Нас интересует вот что: какие новаторские идеи предложил Алан Кирби в 2006 г.?

Мы неслучайно начали разговор с эссе, потому что оно имеет важное значение для последующих изысканий автора: в нем в самом сжатом виде содержатся практически все философские идеи (или те мысли, которые можно было бы отнести к таковым), в итоге перекочевавшие в книгу. В теоретическом отношении разница между эссе и книгой невелика, но это нужно проговорить четко. Во-первых, в 2006 г. Кирби еще не придумал подходящий для своей концепции термин — «диджимодернизм». Вместо этого автор использует термин «псевдомодернизм», наделяя его не самыми положительными коннотациями. Спустя три года теоретик культуры в чем-то смягчил позицию и даже нашел в себе силы отыскать в новой эпохе нечто положительное, что позволило ему смотреть в будущее с оптимизмом. Во-вторых, в статье 2006 г. несколько важнейших высказываний вообще никак не уточняются, оставаясь скорее громкими слоганами; в книге они стали центральными элементами концепции диджимодернизма. В-третьих, так как нового в итоге появилось мало, возникает закономерный вопрос: о чем тогда автор написал целую книгу? И здесь мы подходим к главному.

¹Эссе переведено на русский язык: Кирби, Онасенко, 2017.

Кирби усилил свою концепцию преимущественно за счет внушительной базы эмпирического материала, то есть новый текст как таковой является некоторым аргументом в пользу уже озвученных мыслей. Кроме того, теперь, помимо рассмотрения отдельных сфер современной культуры, Кирби все же обратился к некоторым теоретическим источникам. С одной стороны, это тексты, посвященные исследованию постмодерна, с другой — концепции тех авторов, которые, похоронив постмодерн, стали описывать наше время как принципиально новое; некоторые из этих концепций упомянуты выше (например, перформатизм и гипермодернизм). Это тоже принципиальное отличие эссе от книги, потому что в 2006 г. Кирби не ссылаясь ни на кого, являя себя миру самостоятельным мыслителем. Можно даже сказать, что Кирби подправил слабые места своей концепции и, в конце концов, предложил городу и миру аргументативную базу громких тезисов.

Центральная идея Алана Кирби в 2006 г. была следующая: постмодерна больше нет, ему на смену пришло то, что можно назвать «псевдомодернизмом». Под последним автор понимает эпоху, для которой характерны совершенно новые технологии и, как следствие, изменившиеся отношения между «аудиторией» и продуктами культуры, созданными в цифровом мире. В сферу его внимания попадают следующие сегменты культуры: интернет, кино, литература, компьютерные игры, телевидение и музыка. Все эти области культуры, с точки зрения автора, в XXI в. принципиально трансформировались в сравнении с ушедшим столетием и потому требуют от потребителя нового к себе отношения. Так, псевдомодернизм включает в себя телешоу и радиопрограммы, то есть «тексты», контент и динамика которых напрямую зависят от участия зрителя или слушателя. Теперь автора, создававшего когда-то произведения искусства, в действительности нет, а все, что производят участники культурного процесса (то есть вообще все люди), — это «текст» в самом широком понимании слова. Проблема заключается в том, что отныне, в новом столетии, этот текст становится фактически ничейным. Что, кстати, позволяет пролить свет на позитивные тенденции постмодерна. Почему?

В случае последнего автор, смерть которого провозглашали еще в XX в., на самом деле оставался неким фетишем и, по большому счету, значился за каждым произведением официально. Вот почему истинная «смерть автора» наступает именно в эпоху «псевдомодерна», так как теперь у «текста» в принципе не бывает официального создателя: достаточно взглянуть на Википедию, в рамках которой создаются статьи

без авторства. При этом в настоящую эпоху текст не просто становится эфемерным, но и не имеет будущего, ориентируясь лишь на настоящее. Сами «потребители» текста становятся его авторами:

...та культура, которую мы имеем сейчас, обожествляет потребителя текста до такой степени, что он становится частью — или всецело — автором произведения. Оптимисты, возможно, разглядят в этом демократизацию культуры; пессимисты укажут на мучительную пошлость и пустоту культурной продукции, создаваемой подобным образом (Кирби, Онасенко, 2017).

Забегая вперед, скажем, что ни о какой демократизации, как в итоге решил Кирби, не может быть и речи. Потому что создание таких «текстов без авторства» на самом деле жестко иерархизировано: модераторы никогда не дадут тем, кто производит контент, полную свободу. Это касается не только текстов как таковых, но и вообще всей культуры. В эпоху псевдомодерна одни тексты мгновенно вытесняются другими текстами и исчезают, испаряются, буквально уходят в никуда. Почти всегда и в любое время люди судорожно что-то набирают — разного рода сообщения (смс, посты в социальных сетях, тексты в личных и коллективных чатах), телефонные номера (звонки на шоу в прямом эфире) и т. д. Именно поэтому речь идет о *псевдомодернизме*: с одной стороны, мы остаемся в рамках прежней системы координат, заданных еще Модерном, с другой — цифровая эпоха обесмысливает культуру и вообще все вокруг, то есть делает саму жизнь моментально преходящей.

Одна из главных проблем концепции Кирби заключается в том, что в эссе он не совсем адекватно понимает постмодерн. И хотя он попытался разрешить эту трудность в книге, итог его теоретических усилий на этом поле все равно не выглядит впечатляющим. Прежде всего, Кирби подменяет понятия. Впрочем, не потому, что он намеренно жульничает, но потому, что сам не очень хорошо разбирается в том, с чем прощается. Заявляя о том, что постмодернистские тексты устарели, он говорит прежде всего о списке литературных произведений в курсах английской литературы, то есть о художественных источниках, а не о философии. Затем он заводит речь о том, что взгляды Фуко, Деррида и Бодрийяра больше не актуальны. Что ж. Во-первых, Барт, Фуко, Деррида и Бодрийяр (и даже Лиотар) — не постмодернисты, с чем сегодня соглашается большинство авторов (но, справедливости ради, не все). В целом эти философы имеют к постмодерну весьма опосредованное отношение и скорее принадлежат к философскому течению, известному как постструктурализм.

Во-вторых, постмодернизм в литературе — особый жанр, целое направление, получившее свое название до того, как постмодерн стал популярен и перебрался в иные области знания. Согласимся, что Томас Пинчон, считающийся «постмодернистом в литературе» (и то не всеми), — это отнюдь не то же самое, что Донна Харауэй с ее «Манифестом киборгов». В смысле совокупности писателей, традиционно отождествляемых с «постмодернистской литературой» (отметим, что для Кирби это «Кровавая комната» — сборник рассказов 1979 г. авторства Анджелы Картер — и нелинейный роман Владимира Набокова «Бледный огонь» 1962 г.), постмодернизма, разумеется, сегодня скорее нет, чем есть, хотя даже это сомнительно². Вместе с тем авторов, которые действительно обращались к теме постмодерна на теоретическом или философском уровне, Кирби практически не упоминает. По крайней мере, в статье 2006 г.

Однако в 2009 г. ситуация поменялась. Теперь Кирби ссылается на которых теоретиков постмодерна: на Линду Хатчеон, Фредрика Джеймисона и, конечно, на Жана-Франсуа Лиотара. Что касается Хатчеон, то ссылки на нее остаются упоминаниями, призванными доказать смерть постмодерна, а у Джеймисона Кирби позаимствовал несколько мыслей, впрочем, не взяв самого главного: анализа связи культуры и экономики. Лиотар же нужен Кирби для того, чтобы доказать, что французский философ на самом деле хоронил не все метанарративы, а только избранные. На этом основании Кирби утверждает, что в целом сегодня мы видим, что метанарративы возвращаются. Проблема, однако, состоит в том, что даже этих упоминаний недостаточно. По той простой причине, что упоминаемые авторы — разные. Лиотар — это буквально противоположность Джеймисону, а Линда Хатчеон полемизировала с Джеймисоном, полагая, что тот не во всем правильно понял ключевые черты эпохи постмодерна. Иными словами, как таковой единой теории постмодерна не существует: есть лишь множество конкурирующих друг с другом языков описания постмодерна. Кирби же пишет так, словно все прекрасно осведомлены о постмодерне и, не делая ссылок, наделяет постмодерн характеристиками, которые вроде бы являются общим местом. На деле никакого консенсуса относительно того, живем ли мы в век иронии или пастиша, не существует. Отсюда главный вопрос

²То, что сделала Картер, до сих пор делает Том Стоппард, а приемы Набокова в «Бледном огне» нельзя сказать чтобы так уж отличались от примененных в «Улиссе», хотя два последних произведения Кирби некоторым образом противопоставляет.

к концепции Кирби: что именно в качестве постмодерна он хоронит? Ответ очень простой: не больше, но и не меньше, чем те представления, которые сложились о постмодерне исключительно у него. Усеченные и поверхностные. Даже те авторы, которые признали очевидные перемены в культуре, а значит и то, что мы живем в новую эпоху, все равно считают, что эвристический потенциал идей Джеймсона сохраняется (Nealon, 2012).

Но давайте пойдём дальше и посмотрим, какой вывод Кирби делает на этих относительно ложных посылах. Как уже было сказано, с точки зрения автора, постмодернизм оказался вытесненным псевдомодернизмом. Впрочем, это не означает, что первый исчез полностью: проблема в том, что он более не производит ничего нового и фактически утонул в ничего не значащих аллюзиях на предшествующие продукты культуры. Диагноз Кирби постмодерну неутешителен: «Это тот уровень, до которого ныне опустился постмодернизм: стать источником ориентированных на дошкольников маргинальных обывательских гэггов, собранных в поп-культуре» (Kirby, 2006). Некоторая проблематичность данного тезиса заключается в том, что, по мнению ряда теоретиков постмодерна, постмодернизм всегда был таким. Например, Фредрик Джеймсон еще в 1980-е гг. охарактеризовал это как «пастиш» (Jameson, 1991). Однако Кирби настаивает, что в постмодерне было нечто позитивное и продуктивное. Потому что модернизм и постмодернизм испытывали влияние «тяжкого ощущения предшествующего культурного наследия», которого больше не существует. «Невоспроизводимый и мимолетный, псевдомодернизм страдает амнезией: есть лишь культурные акты настоящего, не связанные ни с будущим, ни с прошлым» (Kirby, 2006). Опять же, именно в этом упрекал постмодерн Фредрик Джеймсон, отмечая, что на момент последнего десятилетия XX в. мы утратили чувство исторического времени, но при этом пытаемся мыслить исторически, с чего, собственно, и начинается его работа «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма».

Единственное, в чем мы можем обнаружить разницу между постмодерном Джеймсона и псевдомодерном Кирби, так это в том, что на последний сам Кирби смотрит куда более пессимистично, часто скатываясь в морализаторские суждения. Так, псевдомодернизм, с точки зрения автора, представляет собой технологически обоснованный сдвиг в культуре к центру того, что на самом деле было всегда, то есть мы

остаемся «модернистами». Но нынешняя культура является электронной, «текстуальной» и при этом гиперэфемерной. Новизна ситуации псевдомодерна заключается в том, что

вслед за принятием нового взгляда на реальность стало понятно, что господствующие основы мышления тоже изменились. Пока продукты постмодернистской культуры были преданы тому же «историческому консервированию», какое в свое время пережили модернизм и романтизм, заложенные им [постмодернизмом] интеллектуальные тенденции — феминизм, постколониализм и т. д. — сегодня оказываются изолированными в новой философской среде (Kirby, 2006).

То есть если раньше постмодерн буквально эмансипировал новые философские течения, псевдомодерн не просто не делает чего-то подобного, но и загоняет в железную клетку те плодотворные силы, которые были высвобождены в предшествующую эпоху. В итоге Кирби ставит перед собой задачу попытаться обнаружить решение, которое бы позволило сделать новые условия псевдомодерна пригодными для распространения культурных ценностей (при этом, что характерно, каких именно ценностей, Кирби не проясняет). Эти ценности займут место прежних культурных и нравственных ориентиров, но всего лишь заполняют очевидную пустоту, созданную псевдомодерном.

Поставив перед собой эту непростую задачу, Кирби в самом деле попытался ее решить и обратился к изучению эмпирического материала. Что получилось в итоге?

В книге «Диджимодернизм. Как новые технологии упраздняют постмодерн и переопределяют нашу культуру» семь глав. Первая посвящена рассмотрению и критике альтернативных концепций современности, о чем вкратце упоминалось. Во второй Кирби воспроизводит свои тезисы относительно цифровой «текстуализации» культуры, объясняя, что представляет собой «диджимодернистский текст». В третьей главе автор обращается к предистории диджимодерна, показывая, как он возник в 1990-е и как сосуществовал с постмодерном (полностью созданные с помощью компьютерной графики мультфильмы, производство порнографии в невероятных масштабах и т. д.). В четвертой Кирби обсуждает изменившийся интернет — Web 2.0 (чаты, блоги, Facebook, YouTube, Википедию и т. д.). Пятая и шестая главы посвящены «диджимодернистской эстетике» и «диджимодернистской культуре»: в пятой Кирби говорит о ключевых чертах эпохи (переход от популярной культуры к развлечениям для детей, отход от иронии к серьезности и рождение

«бесконечных нарративов»), а в шестой — непосредственно работает с эмпирическим материалом, чтобы доказать озвученные тезисы, обсуждая кино, видеоигры, телевидение, радио, музыку и литературу. Наконец, в седьмой главе Кирби формулирует свою социально-философскую концепцию «диджимодернистского общества».

Для философов, конечно, наибольшее значение имеют пятая и седьмая главы (отчасти и вторая, но здесь автор добавляет мало нового). Хотя сам Кирби и заходит на территорию социальной теории, попытавшись обсудить возможность диджимодернистского общества, сам он благоразумно предупреждает, что является «культурологом, и в сфере его интереса в данном случае попадает новый культурный климат, возникший благодаря диджитализации» (Kirby, 2009: 3).

Итак, начнем с предыстории. Кирби не отказался от идеи псевдомодернизма, но, в отличие от эссе, в книге он заявляет, что псевдомодерн представляет худшие тенденции диджимодерна, в то время как последний имеет некоторый потенциал, который можно хотя бы попытаться развивать. В конце концов Кирби решил назвать псевдомодернизмом все худшее, что есть в цифровой эпохе, и наделить диджимодернизм позитивным содержанием, — главным образом, правда, оно сводится к надеждам. На что мы должны обратить внимание, так это на то, что диджимодерн оказывается ровесником псевдомодерна. Разумеется, диджимодернизм не возник из ниоткуда: в своих ранних формах он сосуществовал с постмодернизмом; это, опять же, делает заявления автора более обоснованными. К концу первого десятилетия XXI в. диджимодернизм проявился на социальном и политическом уровне как логический эффект постмодернизма, а потому обе эпохи предполагают скорее преемственность, нежели радикальный разрыв. Однако за двадцать лет горизонт культуры сместился, и «то, что было постмодернистским, ныне стало диджимодернистским» (ibid.: 2). Вот почему одна из главных задач диджимодернизма заключается в том, чтобы очиститься от токсичного наследия постмодернизма и пустоты современной культуры, пришедшей на смену постмодерну. Обращаясь к эволюции своих взглядов, сам Кирби признается, что когда он впервые сформулировал философские аргументы и предложил идею «псевдомодернизма», то скорее ориентировался на интеллектуальную провокацию, нежели на исследовательский проект. Теперь же он настроен абсолютно серьезно.

Что такое диджимодернизм в представлении автора? Это не столько новая культурная парадигма, сколько «культурная логика» или же «форма культурной гегемонии». «Диджисовременность» существует

внутри более широкого проекта — современности — и фиксирует переход от одной исторической формы к другой. Очень важно, что модерн остается доминирующей парадигмой социокультурного развития, и диджимодерн, как в свое время постмодерн, являет собой лишь новый этап проекта современности. С точки зрения Кирби, трудность с периодизацией и пониманием сути диджимодерна заключается в том, что она символически не связана ни с какими историческими событиями. Например, современность (для него) фактически родилась с Французской революцией. Разумеется, наша эпоха, считает Кирби, связана со значительным историческим событием — 9/11, — но эта дата никак не касается диджисовременности как таковой. Если девятое сентября что-то и символизировало, так это конец эры постмодерна. Так что если мы не можем обнаружить точную дату рождения постсовременности, то, по крайней мере, нам известно событие, возвестившее о ее завершении. Диджимодерн, в свою очередь, не относится к конкретной художественной и уж тем более исторической революции, но касается исключительно революции текстуальной. Так или иначе, мы все более и более становимся зависимы от цифры, и потому, замечает автор, вы можете не принимать диджимодернизм, но в итоге он сам придет к вам. Именно это является ключевой характеристикой нашего времени: так или иначе мы все оказываемся «диджимодернистами».

Каковы же концептуальные аргументы в пользу утверждения, согласно которому мы живем в эпоху новой культурной логики? Ирония, присущая постмодерну, отошла на второй план, и мы все чаще обращаемся к серьезным оценкам происходящих событий и социальных явлений. Особенно это касается культуры, ориентированной на детей. Например, когда в первом эпизоде франшизы «Звездных войн» «Скрытая угроза» главные герои рассуждают о добродетелях республики и осуждают пороки империи, то говорят они предельно серьезно — потому что детям нужно подавать некоторые идеи в чистой форме, не маскируя их шутками, иначе сообщение не найдет своего адресата. С детьми же связан и тезис о «бесконечных нарративах». Например, мы можем посмотреть на ту же франшизу «Звездные войны»: сериал сегодня не просто продолжается, но получил самостоятельные ответвления, такие как «Изгой-один. Звездные войны: истории» (2016) и «Хан Соло. Звездные войны: истории» (2018). Или, казалось бы, франшиза «Гарри Поттер» нашла свое завершение, но ее отдельные «продолжения» как в виде книг, так и в виде фильмов все еще выходят. Это в самом деле очень верное замечание: некоторые нарративы сегодня не заканчиваются. И,

независимо от того, прав ли Алан Кирби во всех своих выводах, особенно тех, что касаются генерализации, несколько его блестящих догадок, сделанных еще в 2009 г., со временем подтвердились в полной мере.

Рассматривая вопрос возникновения «диджимодернистского общества», Кирби формулирует несколько ключевых для своей концепции тезисов. Он воспроизводит свои рассуждения про «текстуальность», а также изобличает консьюмеристский характер современной культуры. Это любопытно, но не выглядит впечатляюще. Так, австралийский медиатеоретик Катриона Бонфиглиоли в своей рецензии на книгу Кирби в 2013 году (видимо, писать обзоры на книги, вышедшие несколько лет назад, — не такой уж дурной тон) всерьез заявляет: «Хорошая теория объясняет что-то, что относится к „реальному“ миру, и „Диджимодернизм“ делает именно это» (Bonfiglioli, 2013: 248). Что ж, мы можем согласиться с Бонфиглиоли в некоторой части ее высказывания. Кирби в самом деле что-то говорит о «реальном» мире и даже отчасти делает это хорошо, но его «теория» — это не совсем теория. Мы вправе говорить так, потому что если ранее Кирби высказал несколько оправдавших себя прозрений, то в концептуальной части своей книги он выглядит очень поверхностным моралистом. Давайте посмотрим, почему это так.

Первое, на что нападает Кирби, — это то, что он называет «ядовитыми метанарративами». Отметив, что в силу неправильного перевода англоговорящие читатели неправильно поняли Лиотара, Кирби заявляет, что ни о каком конце метанарративов сегодня говорить не приходится. Однако эти метанарративы скорее отравляют общество, нежели работают на благо. Примером такового ядовитого метанарратива Кирби считает религию, но, что очень важно, являющую себя в публичном пространстве. То есть в эпоху диджимодерна религия приобрела культурные, социальные и политические функции, оказавшись предельно токсичной. Она порождает разные формы насилия, убийства, разрушение, иррационализм, суеверия, ненависть, жестокость, давление и действует против свободы, образования и демократии. Сам Кирби заявляет, что по многим причинам не является атеистом, и потому его комментарий следует считать не антирелигиозным, но социально-политическим.

Сама по себе религия в частной сфере, как отмечает автор, связана с терпимостью и гуманизмом, но в политике оказывается невероятно агрессивной. Несмотря на то, что Кирби оговаривается, что ведет речь о всех религиях, а не только о конкретной, примеров, которые он мог бы обнаружить в пользу этого тезиса, не так много. Наиболее ярким доказательством того, что и христианская религия является «токсичной»,

он считает фильм Мела Гибсона «Страсти Христовы» и последующие скандалы вокруг этой картины. В целом же Кирби говорит, что идея религии в публичной жизни — это идея смерти. Кирби приводит в пример огромное количество террористических актов (9/11), а также частных нападений (убийство Теодора Ван Гога в Нидерландах в 2004 г.). И хотя терроризм как своеобразный перформанс, медиа-событие и телевизионная гиперреальность был проявлением постмодернизма как дистиллированного зла, при этом он обуславливал и производил эмоции и идеи, обращенные к варварству раннего диджимодернизма (Kirby, 2009: 236–237). Вообще, «варварство» — слово, которое Кирби часто употребляет по отношению к актуальной культуре.

Однако религия, являющая себя в публичном пространстве, — не единственный ядовитый метанарратив нашей эпохи. Наиболее губительным западным метанарративом, определяющим горизонт диджимодерна, является упоминаемый консьюмеризм. Потому что хотя «Господь может хранить, большинство предпочитает тратить» (*ibid.*: 238). Иными словами, тенденции современного развития общества — это приспособленчество и безудержное потребление. В данном контексте Кирби цитирует политолога Заки Лаиди, описавшего «сакрализацию настоящего» — наше новое темпоральное состояние, лишённого социального утопизма и переживаемого как перманентное. В этом Кирби видит суть диджимодерна. По мнению автора, с 1960-х начинается эпоха психологического консерватизма, когда общество стало воспевать «ностальгию» (например, это отражается в фильме «Плезантвилль»). При этом образовательная политика свелась к тому, что детей научили жить без будущего — так, словно они живут лишь настоящим днем. Фактически «диджимодернистские общества крадут будущее и изводят своих граждан» (*ibid.*: 227). Все это заставляет Кирби предположить, что доминирующим социальным трендом современности XXI в. становится «аутизм», ставший нормой и определяющий социально-историческую и культурную идентичность. То есть если сущностью психологического состояния человека модерна был невроз, а постмодерна — шизофрения, то в эру диджимодерна это аутизм. Таким образом, аутизм становится неотъемлемой частью и даже природой диджимодерна. Последний оправдывает добровольную изоляцию от общества, а социопатическое становится нормативным и легитимируется посредством репрезентации в культуре.

При этом под «аутизмом» теоретик культуры подразумевает характеристики, источником которых являются конкретные переживания, не имеющие неврологической основы клинического аутизма. Для Кирби

это «лингвистически удобный зонтичный термин», определяющий как таковой аутистический спектр культуры. Большая часть того, о чем идет речь в книге, наиболее применима к синдрому Аспергера (Kirby, 2009: 230) — одному из пяти нарушений психологического развития, характеризующемуся трудностями в социальном взаимодействии. Кирби замечает, что хотя синдром Аспергера был признан Всемирной организацией здравоохранения в 1994 г. (на самом деле в 1992 г.), культурная репрезентация аутизма и его легитимация стали общим местом еще в 1980-е. В качестве аргументов Кирби называет два фильма — «Бегущий по лезвию» (1982) и «Человек дождя» (1986), — которые помогают понять суть его концепции. Дело в том, что используя слово «аутизм», Кирби приходит к выводу, что на самом деле этот феномен лучше характеризовать как «псевдоаутизм», так как ничего общего с настоящим аутизмом он не имеет.

Диджимодерн посредством новых изобретений (айпад, персональный компьютер, смартфон, интернет и т. д.) позволяет человеку создать «личную вселенную», в которую при желании можно никого не допускать и вообще прекратить всякую коммуникацию. С помощью всех упоминаемых средств человек создает те самые «тексты». Они в свою очередь нормализуют и делают гламурным состояние не-социализации и не-коммуникации, которое можно рассматривать в некотором роде как «псевдоаутистическое» (ibid.). Таким образом становятся нормой легкомыслие, сверхчувствительность, невежество, проблемы с концентрацией внимания, самодовольство, пустая терпимость, социальная некомпетентность и т. д. В конце концов, «нормой становится состояние консьюмеризма; все, что враждебно относится к консьюмеризму, сводится к психическим заболеваниям». Кирби приходит к мрачному выводу, что общество, которое сегодня так здорово производит аутизм, не заслуживает того, чтобы выжить, — «и не выживет» (ibid.: 233).

В последней главе Кирби связывает воедино все ключевые понятия своей концепции: цифровой «текст» и «аутизм». Однако стоит отметить, что героями эпохи диджимодерна при этом для Кирби являются настоящие аутисты — люди, которые не участвуют в создании «текстов», то есть жизнь которых не ограничивается социальными сетями, компьютером, смартфоном и т. д., которые способны жить полноценной жизнью, пускай и с ограниченными возможностями *живой* коммуникации. На что еще обращает внимание Кирби, так это на «смерть компетентности»: с автоматизацией и постоянной заикленностью на «настоящем» люди утрачивают социальные и прочие навыки, позволяющие им успешно

функционировать в обществе. Диджимодерн уничтожает пространство компетентности, но не предлагает ничего нового взамен. Есть ли из этого выход? Сам Кирби считает, что для перехода к позитивным изменениям требуется, чтобы Просвещение было обновлено постмодернизмом; чтобы восстановилась структура семьи, справедливо раскритикованная феминизмом. Проблема заключается в том, что сегодня ни одно из политических течений не желает этим заниматься: все хотят потреблять, а это чревато уничтожением (Kirby, 2009: 245).

Несмотря на этот крайне пессимистичный прогноз, Кирби все же заканчивает книгу на оптимистичной ноте. Дело в том, что эпоха, о которой идет речь, является *ранним* диджимодерном. Поэтому автор смотрит в будущее с надеждой, ожидая, когда диджимодерн достигнет своей высшей и поздней стадии развития. Окончательные выводы об эпохе можно будет делать только тогда.

Все, что я знаю наверняка (на мой взгляд), так это то, что автоматизация изменяла и будет изменять текст; изменять его безжалостно, изменять его навсегда: его производство, потребление, форму, содержание, экономику и ценность. Это моя попытка нарисовать карту этого текстового мира (ibid.: 247).

Что же нам, потребителям и создателям культуры, делать с диджимодернизмом? — риторически вопрошает Кирби. Следует ли нам его приветствовать, сопротивляться ему, пытаться искоренить или просто принимать? «Более того, кто такие эти „мы“» (ibid.) и чей это диджимодернизм?

Несмотря на то, что мы уже высказали несколько критических замечаний в отношении концепции Алана Кирби, следует заметить, что его книга интересна и познавательна даже в тех местах, где он анализирует конкретные видеоигры, литературу, фильмы и феномены Web 2.0. В конце концов, любопытна и его «теория», недостатки которой мы просто принимаем во внимание.

Ко всему этому остается добавить лишь одно. Хотя сам Кирби замечает, что будет говорить о культуре (и иногда делает громкие политические заявления), автор совершенно упускает из внимания глубинную основу политики и экономическое состояние новой эпохи. В конце концов, вместе с компьютеризацией претерпела изменения и экономическая жизнь (новые формы занятости, постоянная доступность работников и т. д.). Такие явления, как Amazon, Google и Facebook, меняют не только культуру, но и экономику, о чем речи в книге почти не идет.

Тем самым при многочисленных находках концепция диджимодерна остается несовершенной и требует серьезной доработки, поскольку эвристический потенциал у нее очень большой.

Нельзя сказать, что концепция Кирби получила широкое распространение, но периодически на нее ссылаются разные исследователи. Более того, в Испании осенью 2018 г. состоится конференция «Гуманитарные науки в эпоху диджимодернистского пользователя», в аннотации к которой упомянуты идеи Кирби (хотя не его одного). При этом сам Кирби забросил свой твиттер (<https://twitter.com/digimodernist>) в 2013 г. Это может показаться ироничным, но, возможно, сам автор выбрал путь героя, истинного аутиста, — человека, который прекратил производить тексты и остается наблюдателем культурных трансформаций нашей эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Kirby A.* Смерть постмодернизма и то, что после / *Metamodern*. Журнал о метамодернизме ; пер. с англ. С. Онасенко. — 2017. — URL: <http://metamodernism.ru/the-death-of-postmodernism> (дата обр. 10 мая 2018).
- Bauman Z., Tester K.* On the Postmodern Debate // *Postmodernism: What Moment?* / ed. by P. Goulimari. — Manchester : Manchester University Press, 2007. — P. 22–31.
- Bonfiglioli C.* Book review: Alan Kirby, *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture* // *Discourse & Communication*. — 2013. — Vol. 7, no. 2. — P. 248–251.
- Hassan I.* *Beyond Postmodernism: Toward an Aesthetic of Trust* // *Beyond Postmodernism: Reassessments in Literature, Theory, and Culture* / ed. by K. Stierstorfer. — Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2003. — P. 199–212.
- Hutcheon L.* *The Politics of Postmodernism*. — New York, London : Routledge, 2002.
- Jameson F.* *Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism*. — London : Verso, 1991.
- Jameson F.* *Postscript* // *Postmodernism: What Moment?* / ed. by P. Goulimari. — Manchester : Manchester University Press, 2007. — P. 213–216.
- Kirby A.* *The Death of Postmodernism and Beyond* // *Philosophy Now*. — 2006. — Issue 58. — URL: https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond (visited on May 10, 2018).
- Kirby A.* *Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. — New York, London : Continuum, 2009.
- Nealon J. T.* *Post-Postmodernism, or The Logic of Just-in-Time Capitalism*. — Stanford : Stanford University Press, 2012.
- Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century / ed. by D. Rudrum, N. Stavris. — New York et al. : Bloomsbury Academic, 2015.

Pavlov, A. V. 2018. "Obrazy sovremennosti v XXI veke: didzhimodernizm [Images of Modernity in the Twenty-First Century: Digimodernism]: retsenziya na knigu Alana Kirbi [A Review of Alan Kirby's Book]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (2), 197–212.

ALEXANDER PAVLOV

PHD IN LAW, ASSOCIATE PROFESSOR AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW; HEAD OF THE SOCIAL PHILOSOPHY DEPARTMENT, LEADING RESEARCHER, RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY, MOSCOW

IMAGES OF MODERNITY IN THE TWENTY-FIRST CENTURY: DIGIMODERNISM

A REVIEW OF ALAN KIRBY'S BOOK

KIRBY, A. 2009. *DIGIMODERNISM. HOW NEW TECHNOLOGIES DISMANTLE THE POSTMODERN AND RECONFIGURE OUR CULTURE*. NEW YORK AND LONDON: CONTINUUM

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-197-212.

REFERENCES

- Bauman, Z., and K. Tester. 2007. "On the Postmodern Debate." In Goulimari 2007, 22–31.
- Bonfiglioli, C. 2013. "Book review: Alan Kirby, Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture." *Discourse & Communication* 7 (2): 248–251.
- Goulimari, P., ed. 2007. *Postmodernism: What Moment?*. Manchester: Manchester University Press.
- Hassan, I. 2003. "Beyond Postmodernism: Toward an Aesthetic of Trust." In *Beyond Postmodernism: Reassessments in Literature, Theory, and Culture*, ed. by K. Stierstorfer, 199–212. Berlin and New York: Walter de Gruyter.
- Hutcheon, L. 2002. *The Politics of Postmodernism*. New York and London: Routledge.
- Jameson, F. 1991. *Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism*. London: Verso.
- . 2007. "Postscript." In Goulimari 2007, 213–216.
- Kirbi, A. [Kirby, A.] 2017. "Smert' postmodernizma i to, chto posle [The Death of Postmodernism and Beyond]" [in Russian]. *Metamodern. Zhurnal o metamodernizme*. Accessed May 10, 2018. <http://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism>.
- Kirby, A. 2006. "The Death of Postmodernism and Beyond." *Philosophy Now* (58). Accessed May 10, 2018. https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond.
- . 2009. *Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. New York and London: Continuum.
- Nealon, J. T. 2012. *Post-Postmodernism, or The Logic of Just-in-Time Capitalism*. Stanford: Stanford University Press.
- Rudrum, D., and N. Stavris, eds. 2015. *Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century*. New York et al.: Bloomsbury Academic.

СОФЬЯ ПОРФИРЬЕВА*

ЧТО ОНИ ДЕЛАЮТ В ТЕНИ? **

РЕЦЕНЗИЯ НА НОВУЮ КНИГУ ЮДЖИНА ТАКЕРА

ТАКЕР Ю. В ПЫЛИ ЭТОЙ ПЛАНЕТЫ / ПЕР. С АНГЛ. А. ИВАНОВА. — ПЕРМЬ : ГИЛЕ ПРЕСС, 2017.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-11-2-213-222.

Не так давно на полках книжных магазинов появился перевод первого тома трилогии «Ужас философии» американского философа, представителя Новой школы (бывш. Новая школа социальных исследований)¹ Юджина Такера. Переведенная часть носит название «В пыли этой планеты» и входит в серию «Исследования ужаса».

Юджин Такер, фигура практически неизвестная в русскоязычном интеллектуальном пространстве, предпочитает оставаться в тени публичности. Такер преподает в американском исследовательском университете «Новая школа» (The New School); он — редактор сборника «Мерзкий гнозис. Симпозиум по теории *black metal*». На сайте Новой школы можно найти CV нашего автора, где кроме почты ничего больше и нет, а потому нам остается только работать непосредственно с текстом Такера.

Своей главной задачей Такер считает исследование взаимосвязи философии и ужаса в тех моментах, в которых философия «обнаруживает свои собственные пределы и ограничения» (Такер, Иванов, 2017: 10). Такого рода ограничения в философском дискурсе обычно связаны с особенностями человеческого познания. В книге предлагается разделение мира на человеческий, не-человеческий (non-human) и нечеловеческий (unhuman). Двум последним терминам в русском переводе книги дается объяснение: не-человеческое — это в том числе и человеческое, но взятое

*Порфирьева Софья Игоревна, студентка, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), sophyigorevna@gmail.com.

**© Порфирьева, С. И. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹Новая школа (The New School) — частный исследовательский университет в Нью-Йорке, который состоит из нескольких крупных подразделений, специализирующихся на разных областях науки и искусства.

как нечеловеческое; нечеловеческое — это предел человеческого, то, что радикально «без-человечно», но может, однако, находиться и в самом человеке (Такер, Иванов, 2017: 10, 26–27). Судя по всему, это — авторское разделение, поскольку обнаружить похожее деление в каких-либо еще работах не удалось. В более знакомой и «удобной» терминологии эти три части мира обозначаются как мир-для-нас, мир-в-себе и, соответственно, мир-без-нас. Попытки помыслить последнюю категорию мира в большинстве своем парадоксальны, однако автор предлагает взглянуть на это посредством жанров сверхъестественного ужаса и научной фантастики, где парадоксальность сюжета оправдывает обыденную невозможность помыслить мир-без-нас. В общем, перед нами очередная попытка осмыслить кантовскую проблему постоянного нахождения в опыте, «отмотать» все опытное назад и обнаружить *ничто*.

Такер, называя себя «современным циником» (там же: 11), выбирает очень странную форму исследования этого вопроса. Книга делится на четыре части, три из которых написаны в духе средневековой философии: *quaestio, lectio & disputatio*. Последняя глава представляет собой эпилог, состоящий из четырех поэтических текстов с комментариями автора. Такер любезно поясняет читателю, что это за жанры и для чего они использовались (там же: 19–20), и, конечно же, не обходит стороной Аквината:

Следуя таким мыслителям, как Аквинат, каждое *quaestio* состоит из формулировки темы, обсуждения исходных предположений (*articulus*) и контраргументов (*sed contra*), а также попытки найти некий компромисс или решение (*responsio*) (там же: 20).

Однако сам Такер, видимо, не до конца понимает (или же переосмысляет, но не считает нужным сообщить об этом читателю), как строились *quaestiones* в средневековой классической письменной форме. Так, например, *articulus* — это подвопрос отдельной проблемы (*quaestio*), который представляет собой мини-диспут. Помимо этого, структура вопроса подразумевает аргументы за (*pro*), о которых Такер благополучно забыл, и против (*contra*), после чего дается окончательное решение проблемы. Впрочем, скорее всего, жанры средневековой философской литературы, как и латинский язык, остаются для автора лишь средством создания «ужасающей» атмосферы; хотя ужасает, прежде всего, его неуважение к синтаксической норме латинского языка.

Первые три вопроса (*quaestiones*) посвящены демонологии. В первом вопросе Такер ставит перед собой задачу дать определение слову «черный» в музыке жанра блэк-метал. Задача, безусловно, не из простых: Витгенштейн убежден, что наша способность объяснить значение цвета не идет дальше указания на предмет определенной окраски. Такер предлагает посмотреть на значение черного через призму язычества и сатанизма. Оба подхода иллюстрируют отношения между природой и человеком: в первом случае они имеют характер оппозиции, во втором — структуру исключения. Но оба значения демонстрируют попытку познать «анонимное, безликое „в себе“ мира» (Такер, Иванов, 2017: 26), которое обозначается автором как некий «космический пессимизм». В качестве *argumentum ad verecundiam* Такер ссылается на А. Шопенгауэра, называя его «непревзойденным в выражении метафизической мизантропии и космического пессимизма» (там же: 29). Однако значение понятия «черный» имеет более обширную историю, о которой наш автор предпочел умолчать, хотя она имеет непосредственное значение для понимания слова «черный» в данном контексте. Речь идет о так называемой мифологии тьмы, которая берет свое начало в Библии (Быт. 1:3: «Да будет свет») и продолжается в области астрофизики («темная материя»).

Тема второго вопроса близка демонологическим трактатам Средних веков и раннего Нового времени: Такер разбирает возможность «существования» демонов и способ их познания. Демон здесь рассматривается не с точки зрения теологии, но в дискурсе «культурной функции как способ помыслить различные взаимоотношения между человеческими индивидами и группами» (там же: 32). Фигура демона раскрывается с трех сторон: во-первых, он показывает природу человека; во-вторых, символизирует не-человеческое; в-третьих, демон может существовать «меонтологически»² (там же: 40).

Последний вариант «существования» (на самом деле это, напротив, не-существование) демона особенно занимает автора: Такер проводит параллель с «Божественной комедией» Данте. Он особенно акцентирует внимание на том, что демоны представляют собой некую массу (эта идея неразличимого внутри себя целого будет иметь значение для него и далее); подобная масса не представляется ему трансцендентой,

²Авторский термин; образован путем прибавления префикса «ме-», означающего определенную степень отрицания; таким образом, демон скорее связан с не-бытием, чем с бытием.

напротив — это демоническое, которое «полностью имманентно, однако никогда полностью не явлено» (Такер, Иванов, 2017: 44). Осмелимся предположить, что Такер говорит в кантовских терминах трансцендентного и имманентного. Следовательно, демоническое — это то, что находится в сфере нашего опыта; это понятие, которое опирается на наш опыт. Далее Такер пишет, что демоны присутствуют во всем живом и неживом (там же). И возникает небольшой логический парадокс: как демоны могут одновременно принадлежать категории нечеловеческого (*unhuman*) и находиться в границах человеческого опыта? Помимо этого, Такер относит демонов к категории геологического и климатологического ужаса, однако в начале книги эти категории относились к сфере не-человеческого (*non-human*), что вновь ставит вопрос о логичности авторской концепции демонического.

Третий вопрос является логическим продолжением предыдущего — Такер размышляет о необходимости заниматься демонологией. Сначала он проводит историографический анализ, упоминая «Молот Ведьм» Крамера и Шпренгера, трактат «О зле» Фомы Аквинского, «Компендиум ведьм» Франческо-Марии Гваццо, трактат «Об обманах демонов» Иоганна Вейера, «Демономанию колдунов» Жана Бодена и «Открытие колдовства» Реджинальда Скота (там же: 46–48). Такер убежден, что «Молот ведьм» задал тон дальнейшим демонологическим трактатам, поскольку Крамер и Шпренгер в своем трактате определили «трех китов» демонологических текстов: это теология, медицина и законодательство (там же: 48). В качестве примеров демонологических трактатов эпохи раннего Ренессанса автор приводит тексты Вейера, Бодена и Скота. Однако автор, на наш взгляд, совершенно несправедливо обходит стороной, например, спор о демонах и ведьмах Самуила Кассинского («Инвектива на откровение Иеронима») и Виченцо Додо («Апология») или работы Пико делла Мирандолы («Вопрос о бессмертии души» и «Вопрос о ведьмах»). Автор обозначает демона из ранних трактатов как «эмпирическую границу неведомого» (там же: 51), после чего сравнивает его с демоном «поэтическим» из художественных произведений. Разница состоит в том, что ранние демонические трактаты претендуют на «способность адекватно постигать сверхъестественное» (там же: 50), в то время как демон художественный всегда будет оставаться за гранью познания. Для решения этого противоречия Такер предлагает ввести новый термин «демонотология», которая имела бы дело с ничтойностью, не являющейся простым небытием (там же: 54). Ничтойность, о которой говорит Такер, — это то же самое, что мир-в-себе или мир как воля

у Шопенгауэра. Такер считает, что о демонах мы можем рассуждать лишь в рамках шопенгауэрианского *nihil negativum*, обозначающего не только границу языка, но и границу мышления (Такер, Иванов, 2017: 55). Странно, что Такер не упоминает в данном контексте Л. Витгенштейна, — его концепция мира и языка, а также «умеренный мистицизм» его «Трактата» прекрасно вписываются в нарратив автора.

Следующий блок книги, «Шесть lectio об оккультной философии», состоит из анализа художественных произведений, который сам автор называет «вольными чтениями» (там же: 64). Такер концентрируется на идее магического круга в художественных произведениях: в первых трех *lectiones* он рассматривает магический круг как границу между естественным и сверхъестественным, посредством которого «сокрытый мир» раскрывает себя; вторая половина лекций посвящена возможности раскрытия этого мира без магического круга, но в виде «капли, слизи, жижи, мглы и облаков» (там же: 65).

В первой лекции автор анализирует два произведения — «Трагическую историю доктора Фауста» К. Марло и «Фауста» И. Гёте. Главный персонаж Марло отлично вписывался в культурный контекст XVI в. (пьеса была опубликована в 1604 г.): в стенах университета особое внимание уделялось магии и астрологии, а к могуществу, пожалуй, самого известного астролога эпохи — Джона Ди (1527–1608) — относились с опаской³. Более того, пьесе Марло предшествовало произведение Р. Грина «Достойнейшая история монаха Бэкона и монаха Банги» (1587), где прототипом главного героя стал францисканец, ученый, философ и естествоиспытатель Роджер Бэкон, который был обвинен в занятиях черной магией и находился в заточении. Такер отмечает, что Марло «детализирует ритуальные практики Фауста» (там же: 67): это важно, поскольку Фауст отказывается от обычного, человеческого познания, которое находится на уровне *мира-для-нас*; обретение сокрытого знания возможно лишь через «волшебные круги, фигуры и знаки» (Марло, Амосова, 1978: 190–198). Подобные ритуалы становятся «определяющими для фаустовского мифа действиями» (Такер, Иванов, 2017: 69), однако Фаусту они не помогают: вплоть до финала, когда Фауст попадает в Ад, исполняя заключенный с дьяволом договор, главный герой, как бы он того ни желал, не видит различия между естественным и сверхъестественным.

³ Величие и значимость Джона Ди отражаются в романах XX в.: «Ангел западного окна» (1927) Г. Майринка, «Дом доктора Ди» (1993) П. Акройда.

Фауст Гёте предстает в состоянии меланхолии, потому что в его описании отсутствует детализированное магическое действие, однако Такер усматривает символический магический круг в драматическом созерцании Фауста. Таким образом, для обеих версий «Фауста» магический круг позволяет обнаружить сокрытость *мира-в-себе*, однако суть этого мира Фаусту при жизни остается недоступной.

Во второй и третьей лекциях автор перемещает нас в XX в., предлагая к рассмотрению работы Д. Уитли «И исходит дьявол» (1934), Дж. Блиша «Черная Пасха» (1968), а также сборник оккультных рассказов У. Ходжсона «Карнакки — охотник за привидениями» (1913) и телесериал Л. Стивенса «За гранью возможного» (1963–1965). Во всех этих художественных произведениях Такер прослеживает каноничный сюжет доктора Фауста; единственным отличием, пожалуй, будет тот факт, что герои переходят от обычной магии к техномагии: «...лабораторная физика, чей движущий принцип [...] законы электромагнитного взаимодействия» (Такер, Иванов, 2017: 82). Основная функция различных магических действий, согласно Такеру, — это обозначение границы между естественным и сверхъестественным. Сам же круг также имеет свои свойства и новые качества (там же: 78).

В оставшихся лекциях Такер не обращается к произведениям XV и XVI вв., но концентрируется на работах XX столетия. В четвертой лекции автор разбирает рассказ Г. Ф. Лавкрафта «Из глубин мироздания» (1934) и мангу «Узумаки» («Спираль») Дзюндзи Ито (1990-е). На примере этих историй Такер демонстрирует метаморфозы функциональности магического круга: во-первых, магический круг теперь служит для усиления «сокрытости» мира; во-вторых, магический круг становится философским символом, который раскрывает единство естественного и сверхъестественного; в-третьих, эффективность магического круга усиливается по мере его исчезновения или «растворения» (там же: 85–87). Такер утверждает, что в этих трансформациях обнаруживается иная магия — магия без круга и, следовательно, магия без человека. Идея обнаружения сокрытости мира без человеческого участия позволяет перейти к следующему разделу (пятая и шестая лекции), где символом мира-в-себе становится слизь (slime), мгла (mists) или жижа (ooze).

Магия «в круге» или посредством круга противопоставляется магии без него. Для более простого обозначения «обнаружения сокрытости мира без человеческого участия» Такер вводит новую терминологию: на смену магическому кругу приходит магическое место (оно, в отличие от магического круга, появляется самостоятельно и является

проявлением мира-без-нас, а не мира-в-себе); магическое место проявляется в двух формах — как мгла и как жижа (Такер, Иванов, 2017: 91–92). В пятой лекции автор фокусируется на теме скрытого мира, который является в виде «мглы». Подобная мгла чаще всего становится губительной для героев художественных произведений («Фиолетовое облако» М. Ф. Шила, 1901; «Черное облако» Ф. Хойла, 1957; «Ветер ниоткуда» Дж. Балларда, 1962): магические места в этих романах проявляются в виде мглы, которая угрожает катастрофой и вымиранием, а в культовом романе Балларда акцент делается на том, что нам ничего не известно о природе подобной мглы: она возникает из ниоткуда, она совершенно не антропоморфна. Жижа, о которой говорится в последней лекции, всегда сопровождает монстров, которые чаще всего проникают в *наш* мир извне: Такер приводит в пример фильм «Капля» (1958), где липкое вещество появляется из космоса, «самого внешнего из миров» (там же: 97). Но Такер делает попытку соединить мир-без-нас и мир-в-себе, который воплощается в метафоре жижи на примере фильмов «Калтики, бессмертный монстр» Р. Фреда и М. Бава (1959), «Икс: неизвестное» Л. Норман и Дж. Лоузи (1956), а также короткого рассказа Ф. Лейбера «Черный гондольер» (1964). В «Калтики» жижа сначала символизирует месть природы, а затем становится «чужеродной и безликой бесформенностью» (там же: 98). Но важнее всего то, что жижа здесь возникает изнутри *нашей* Земли. В фильме «Икс: неизвестное» жижа является результатом взаимодействия современного промышленного процесса и природы. Такер, сравнивая эти фильмы, делает следующий вывод: в «Калтики» магическое место все еще остается приближенным к магическому кругу, поскольку этот монстр «принадлежит» древним цивилизациям; в фильме «Икс: неизвестное» жижа предстает «предельно нечеловеческой» даже в условиях человеческих действий (там же: 99). Рассказ Лейбера представляет нам жижу как *ноологическое* явление, то есть то, что обладает мышлением: в данном случае это нефть, которая, с одной стороны, представляет собой необработанное сырье, а с другой — в рассказе Лейбера обладает интеллектом.

Заключительной, третьей, частью книги Юджина Такера становятся девять *disputationes* «Об ужасе теологии». По утверждению автора, в этих «мини-эссе» рассматриваются «способы, которыми сверхъестественный ужас выступает посредником между жизнью и смертью» (там же: 107). Вопрос, на который собирается отвечать автор, формулируется следующим образом: возможна ли философия «жизни» вне дискурса о Бытии и Боге? Такое разделение связано с тем, что Такер

не определяет понятие жизни как философское понятие, однако аргументы в пользу данного тезиса он не приводит. Более того, одним из представителей философии жизни является Шопенгауэр, на которого Такер ссылается с завидной периодичностью⁴. Помимо этого, Такер, выдвигая тезис о жизни как не-философском понятии, упускает из виду то, что понятие жизни, напротив, занимает важное место в философском дискурсе, однако анализ столь большого проблемного поля представляется крайне сложным, поэтому внутри него существуют различные частные проблемы: от проблемы соотношения *жизни* души и тела до *жизни* после смерти.

В первом *disputatio* Такер не создает новую философию, на которую — по всей видимости — претендует. Он вводит новый термин «после-жизнь» (after-life), противопоставляя его жизни после смерти (afterlife) (Такер, Иванов, 2017: 109), но при этом остается в рамках нарратива философии жизни, предлагая посмотреть на идею жизни с другой стороны. Например, Такер рассматривает богохульную жизнь как парадокс: «...это жизнь, которая является живой, но не должна быть живой» (там же: 113). Здесь же он говорит о чуме и о некресе⁵ (там же: 117) как логическом продолжении богохульной жизни (наказании за подобный образ жизни). В итоге все это становится выражением «ноуминозной» жизни⁶, которое очень смутно определяется Такером, но в итоге становится тем, чему нигде нет места (там же: 121). Более подробно этот тезис развивается в восьмом *disputatio* «Жизнь как не-Бытие», где не-Бытие отождествляется со страхом перед тем, что «находится под вопросом» (там же: 136). Здесь же автор цитирует «От существования к существующему» Левинаса (Левинас, Маньковская, 2000: 35), где говорится о безличном французском обороте *il y a*, которым фиксируется безличное, «бормочущее в глубине самого небытия» (там же). В последнем *disputatio* Такер утверждает, что подобное безличное, анонимное не-бытие жизни «всегда остается в недостижимости», поскольку, несмотря на всю очевидность жизни, жизни-для-нас, всегда остается место ее ноуменальным качествам, которые человек постоянно желает постичь, но никогда не постигает вне зависимости от используемых

⁴Например, на работу «Die Kunst, glücklich zu sein: Dargestellt in fünfzig Lebensregeln» — «Эстетика, или Искусство побеждать в спорах».

⁵Автор использует греческий термин *νεκρῶς*, обозначая им существование жизни-после-жизни.

⁶Этот термин — гибрид готического термина «ноуминозный» и кантовского «ноуменальный».

средств — будь то магический круг, или заклинания, или современные технические средства. В итоге все это сводится к структуре «негативной теологии» (Такер, Иванов, 2017: 138), а значит на вопрос о возможности философии жизни вне дискурса о Бытии и Боге Такер отвечает отрицательно: «Жизнь как понятие всегда предполагает вопрос о Бытии» (там же: 139).

После *disputationes* Такер предлагает к прочтению некий «поэтический текст и комментарий к нему» (там же: 143), который был анонимно опубликован в интернете под заголовком «Унтертоновый шорох черных щупальцеобразных пустот». Такер анализирует стансы, предлагая свой комментарий к поэтическому тексту. Но поскольку автор данных строк придерживается мнения Новалиса о том, что критика (в смысле разбора и анализа) поэзии вещь невозможная, мы скажем лишь, что данная часть книги действительно стоит прочтения, поскольку она демонстрирует стиль и метод современного философствования (или претензию на него).

Книга «В пыли этой планеты» представляет, скорее, культурологический обзор или феноменологический анализ различных художественных произведений — от классической литературы до фильмов ужасов. Такер сделал попытку философствования, успех которой находится под очень большим сомнением. Автор предлагает свою терминологию, пренебрегая историко-философским контекстом. Так что работу Юджина Такера можно скорее отнести к культурологии, чем к философии. С большей вероятностью в пыли окажется эта книга, а не планета, как указано в названии.

В качестве заключения хочется привести цитату из фильма «What We Do in the Shadows» («Реальные упыри», 2014), которая отражает, пожалуй, основной посыл книги Такера: «Я как-то тащил труп по дому и заметил, что после этого пыли не осталось. Я ведь, получается, пол подмел?»

ЛИТЕРАТУРА

- Левинас Э. От существования к существующему / пер. с фр. Н. Б. Маньковской // Избранное: тотальность и бесконечное. — М., СПб.: Университетская книга, 2000. — С. 7–64.
- Марло К. Трагическая история доктора Фауста / пер. с англ. Н. Н. Амосовой // Легенда о докторе Фаусте. — 2-е изд. — М.: Наука, 1978. — С. 189–244.
- Такер Ю. В пыли этой планеты / пер. с англ. А. Иванова. — Пермь: Гиле Пресс, 2017.

Porfir'yeva, S. I. [Porfirieva, S. I.] 2018. "Chto oni delayut v teni? [What Do They Do in the Shadows?]: retsenziya na novuyu knigu Yudzhina Taker [A Review of Eugene Thacker's Book]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] II (2), 213–222.

SOFIA PORFIRIEVA

BA STUDENT AT THE FACULTY OF HUMANITIES, HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW

WHAT DO THEY DO IN THE SHADOWS?

A REVIEW OF EUGENE THACKER'S BOOK

TAKER, YU. [THACKER, E.] 2017. *V PYLI ETOY PLANETY* [*IN THE DUST OF THIS PLANET*] [IN RUSSIAN]. TRANS. FROM THE ENGLISH BY A. IVANOV. PERM': GILE PRESS

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-213-222.

REFERENCES

- Levinas, E. 2000. "Ot sushchestvovaniya k sushchestvuyushchemu [De l'Existence à l'Existent]" [in Russian]. In *Izbrannoye: total'nost' i beskonechnoye* [*Selected Works: Totality and Infinity*], trans. from the French by N. B. Man'kovskaya, 7–64. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Universitet-skaya kniga.
- Marlo, K. 1978. "Tragicheskaya istoriya doktora Fausta [The Tragical History of the Life and Death of Doctor Faustus]" [in Russian]. In *Legenda o doktore Fauste* [*The Faust Legend*], 2nd ed., trans. from the English by N. N. Amosova, 189–244. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Taker, Yu. [Thacker, E.] 2017. *V pyli etoy planety* [*In the Dust of This Planet*] [in Russian]. Trans. from the English by A. Ivanov. Perm': Gile Press.

Юрий Шичалин*

ЗАМЕТКИ О «РАЗМЫШЛЕНИЯХ» Д. В. БУГАЯ**

Бугай Д. В. О новом издании платоновского «ПАРМЕНИДА». РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ: ПЛАТОН. ПАРМЕНИД. ПЕРЕВОД, ВВЕДЕНИЕ, КОММЕНТАРИИ, ПРИЛОЖЕНИЕ, УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН Ю. А. ШИЧАЛИНА. СПб.: РХГА, 2017. 264 с. // Вопросы философии. — 2018. — № 3. — С. 99–117

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-223-234.

Весьма просторная рецензия Дмитрия Владимировича Бугая, названная им «размышлениями о книге» (Бугай, 2018: 99), на деле представляет собой весьма, скажем мягко, эмоционально написанный текст. От этого наплыва эмоций — сколь бы искренними они ни были — автору научной публикации, конечно, лучше было бы удержаться. Впрочем, похоже, Д. В. Бугай и сам научным свое «размышление» не считает, поскольку в самом начале текста (там же: 100) предупреждает: «sed magis amicus Plato...», то есть без экивоков признает, что истина у него не на первом месте. Поначалу я совсем было решил отказаться от чтения, поскольку очень скоро становится ясно, что Д. В. Бугай имеет весьма смутное представление о том, что пытается излагать и критиковать, а чаще всего просто не знает или не понимает, о чем идет речь. Но, должен признаться, этот эмоциональный накал невольно увлек меня, и мне захотелось понять его причину, потому что научная полемика таких страстей не предполагает.

Д. В. Бугая раздражает многое: немцы XIX в., представители доминирующего подхода к Платону, Теслефф, Дюринг, не говоря уже о моей концепции. Но столь же раздраженно Д. В. Бугай говорит и об Аристотеле. Среди очень немногих («унитаристы» Шори и Чернисс) одобрение Д. В. Бугая вызывает Наторп, который, по словам рецензента, метко назвал Аристотеля «аптекарем» (там же: 104). И вообще, похоже, Аристотель чем-то сильно обидел нашего критика, поскольку только чувством особенной нелюбви и обиды могут быть вызваны те выпады против него, которые мы находим в статье. Д. В. Бугай иной раз как будто забывает, что должен критиковать меня, а не Аристотеля,

*Шичалин Юрий Анатольевич, д. филос. н., graecolatinum@gmail.com.

**© Шичалин, Ю. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

и щедро делится с читателем своими откровениями: из рецензии мы узнаем о том, что Аристотель был формалистом по натуре; что его «Аналитики» и «Топика», к счастью (!), оказали влияние только на античность эпохи полного упадка, и при этом неведомо, была ли от них польза для средневековой философии (Бугай, 2018: 104), а также многое другое, о чем пойдет речь ниже.

Мало того, что эти замечания не имеют отношения к делу; но почему вообще, занимаясь Платоном, нужно поносить Аристотеля? Похоже, Д. В. Бугай не понимает, что заниматься научным рассмотрением того или иного автора можно и без сектантской, или, если угодно, партийной преданности изучаемому автору; без того, чтобы кого-то делать кумиром, а его оппонентов считать личными врагами и доблестно с ними сражаться.

Это стремление во что бы то ни стало защитить Платона в равной степени относится и к древним, и к современным авторам. Например, наш критик пишет: «...экстравагантная теория Теслеффа и Ю. А. Шичалина предполагает возвращение к самому необузданному произволу немецких теорий XIX в.» (там же: 101). Чем немцы так перепугали бедного Д. В. Бугая? Неужели тем, что предлагали рассмотреть вопрос о подлинности сочинений платоновского корпуса? Но споры XIX в. по так называемому платоновскому вопросу были чрезвычайно плодотворны и прежде всего привели ученых того времени к хорошему знанию платоновского корпуса. Например, знаменитый атетист Фридрих Аст в ходе этой полемики не только написал замечательную книгу о жизни Платона и его сочинениях, но и выпустил корпус платоновских текстов по-гречески с латинским переводом, а также создал свой знаменитый *Lexicon Platonicum sive vocum Platonicarum index*, который и по сей день остается настольной книгой всякого исследователя Платона. Несколько отменных изданий платоновского корпуса — безусловное достижение этого времени; вспомню хотя бы Готфрида Штальбаума и, в частности, его *Opera omnia* в одном томе, вышедшие со схолиями, — очень удобное издание, которым я постоянно пользовался, пока не было *Thesaurus Linguae Graecae*. Поэтому у меня исследователи Платона и его издатели в XIX в. вызывают самое уважительное отношение, и немцы среди них — не на последнем месте.

Еще в древности знали, что не все диалоги платоновского корпуса принадлежат Платону. И если Д. В. Бугай считает все тексты платоновского корпуса подлинными, так бы и следовало сказать; а если нет, то вместо крика о необузданном произволе немецких теорий следовало

сказать, какие тексты в составе корпуса, на его взгляд, принадлежат Платону, а какие не принадлежат. Я это делаю на с. 248, потому что для любого ответственного изложения Платона необходимо указать, на каких текстах это изложение строится и как его автор понимает прочие тексты, входящие в корпус. Но Д. В. Бугай так не считает, что видно и по его изложению моей модели. Достаточно вспомнить его, а не мое «хронологическое деление» диалогов на «дошкольные» и «школьные», а также следующее его утверждение: «Школа, по Ю. А. Шичалину, фактически и „сделала“ Платона» (Бугай, 2018: 101). Нет, это не по Ю. А. Шичалину, а по Д. В. Бугаю, который берется судить о том, чего не понял.

Это подтверждается и следующими упреками: «Теслефф и Ю. А. Шичалин пытаются увидеть в диалогах разные редакции, разделить диалоги на части и датировать эти самые части» (там же). Но в чем состоит, так сказать, криминал деления исследуемого текста на части? Всякий исследователь, стремясь представить, какова композиция текста, должен выявить, из каких частей этот текст состоит. И почему факт датировки «этих самых частей» повергает Д. В. Бугая в негодование?

Если при этом обратиться к тому, как Д. В. Бугай понимает методы «Теслеффа и Ю. А. Шичалина», то характеристика их дается самая нелепая: «Поскольку любой платоновский диалог может быть разделен на части, исходя из тех или иных установок исследователя, то он, по Теслеффу и Ю. А. Шичалину, и должен был быть написан по этим частям» (там же). На каком основании Д. В. Бугай приписывает мне и почтенному Хольгеру Теслеффу вполне самостоятельно придуманную глупость? Похоже, только для того, чтобы затем победоносно сказать: «Это гиперкритический, субъективистский и механистический метод истолкования» (там же).

Когда читаешь это, невольно всплывают в памяти не столь отдаленные времена принципиальной партийной критики. Удобный метод: придумать нечто, приписать это оппоненту, а затем заклеить его. Например, Д. В. Бугай хочет считать институциональный подход, «говоря проще», «одним из вариантов теории среды» (там же), и начинает объяснять недостатки этой теории, не понимая, что к институциональному подходу «теория среды» и ее толстовское описание (там же: 116) не имеют ровно никакого отношения...

«Ю. А. Шичалин берет на вооружение еще более экстравагантную, чем у Теслеффа, теорию И. Дюринга, по которой Аристотель очень рано, еще в Академии, создал свои топику и логику и оказал большое

влияние на позднего Платона» (Бугай, 2018: 102). Но «экстравагантной» Д. В. Бугай называет теорию Дюринга только потому, что она выходит за пределы его весьма скромного кругозора и никак не вписывается в его представление о Платоне. Конечно, Дюринга можно не принимать и можно с ним полемизировать; однако до начала научной полемики не худо было бы попытаться понять резоны одного из выдающихся знатоков Аристотеля. Но Д. В. Бугай начинает тревожиться всякий раз, когда о Платоне говорят нечто такое, что, на его взгляд, может как-то задеть его кумир. Тогда он немедленно начинает нападать на эту угрозу, часто им же самим и придуманную.

Дюринг, а вслед за ним и Ю. А. Шичалин говорят о влиянии Аристотеля на Платона? Тут же следует отповедь не только Дюрингу и Шичалину, но и Аристотелю: Аристотель, этот «приехавший из отдаленного и дикого уголка Греции разночинец-провинциал», конечно, не мог «серьезно повлиять на давно полностью сформировавшегося, достигшего старости и пользовавшегося всегреческой славой человека, писателя и мыслителя платоновского происхождения и ранга...» (что бы это значило: «мыслитель платоновского происхождения»?). Метод, как видим, все тот же: Д. В. Бугай придумал разночинца-провинциала и тут же заклеил Дюринга и Шичалина: «...все это плод натяжек, неверных толкований и фантазий, не обузданных чувством соразмерности и сообразности... (там же).

Но, право слово, фантазией следует считать как раз то, что говорит об Аристотеле Д. В. Бугай: отец Аристотеля, принадлежавший к Асклеиадам, был личным врачом и другом царя Аминты, так что «разночинец» Аристотель какое-то время рос при дворе и с детства знал сына Аминты — будущего царя Филиппа II, при котором «провинциальная» Македония неоднократно побеждала греков и в конце концов объединила их под своим началом. Поэтому приведенная реплика — очередное проявление обычной пристрастности Д. В. Бугая и его культивированной нелюбви к Аристотелю. Как прикажете оценивать такой, например, пассаж: «Столь любезный Ю. А. Шичалину Аристотель, постоянно „рефлектировавший“ над проблемой причастности в чужих сочинениях и обвинявший Платона в „пустых метафорах“, когда дело дошло до дела и ему самому пришлось указать на отношение между идеальным (его Ум) и материальным (сфера звезд), не смог придумать ничего лучшего, как сказать: „движет как объект любви“, воспользовавшись „пустым сравнением“, взятым из животной жизни» (там же: 113).

Д. В. Бугай может раздражиться еще больше, но не может отменить того, что и Платон в вопросе о причастности действительно не пошел дальше метафор (потому что и идти-то, собственно, некуда); и Аристотель действительно считал Ум (неподвижный Первый двигатель) целевой причиной (в отличие от Платона, который связывал представление об Уме с парадигмой и демиургом). Ни в том, ни в другом обстоятельстве я не вижу повода для эмоциональных всплесков, но при сектантском отношении к Платону они неизбежны.

Не берусь сказать, на каком основании дается и следующий оракул: «Сочинения Аристотеля... погружают нас в атмосферу Академии после смерти Платона, знакомя, хоть очень неясно и путано, с первыми истолкованиями Платона у его первых последователей» (Бугай, 2018: 102). Ради чего эта таинственность? Почему просто не сказать, в каких именно сочинениях, пусть даже «неясно и путано» написанных, Аристотель, уехав из Афин, сумел погрузиться в «атмосферу Академии после смерти Платона» сам и погрузил в нее нас? И почему, спрашивается, Аристотель не мог погрузиться в эту самую «атмосферу Академии», в течение двадцати лет пребывая в ней при Платоне, и не мог отразить ее в многочисленных текстах, написанных тогда? Только потому, что Д. В. Бугай ничего не знает об этом или принципиально не хочет знать, несмотря на наличие обширной научной литературы по этому вопросу? Или еще и потому, что Аристотель, который активно и вполне самостоятельно участвовал в академических дискуссиях, может как-то задеть тот образ Платона, который пригрезился Д. В. Бугаю?

Все, связанное с Аристотелем, вызывает непонимание и, как результат, попытку иронизировать. Например, наш рецензент совсем не чувствует жанровой специфики рассматриваемых текстов. В частности, он не понимает, что такое школьный жанр сводки, и потому уверен, что его не существует (там же: 110). Но если не понимаешь, так посмотри, например, у Йегера или у того же Дюринга, или просто загляни в списки сочинений Аристотеля, или почитай «Метафизику». Конечно, сводки материалов для школьных дискуссий делались и до Аристотеля: достаточно вспомнить *Δισσοὶ λόγοι* — сводку аргументов и примеров для рассуждений *pro et contra* на определенные темы. Разумеется, школьные сводки были у софистов. Использование неких сводок в рамках диалогов находим и у Платона (например, сводка толкований дельфийской надписи *γνώθι σεαυτόν* дана в «Хармиде», небольшую подборку софистических рассуждений находим в «Евтидеме», и др.), и в других текстах, входящих в Платоновский корпус (например, ряд сводок

о поэтах и исполнителях, толкователях поэтов и пр. очевидно используется в школьном «Ионе»). Однако в Академии такого рода сводки становятся рабочим жанром, вероятнее всего, именно при Аристотеле, неутомимом собирателе разного рода материалов. Аристотель рекомендовал, в частности, сводить материалы для обсуждения, распределяя их по определенным темам (ср., например, известнейшее место *Top.* 105b19–25), — одним из результатов этого было ставшее позже общепринятым деление философии на этику, физику и логику. Но наш ироничный критик усматривает жанр сводки уже у Гомера... И заявление В. Д. Бугая о том, что «*dissertatio in utramque partem* — характерная черта почти любого платоновского произведения» (Бугай, 2018: 106), и приводимые им примеры свидетельствует только о том, что наш критик не понимает, о чем идет речь.

Д. В. Бугая также «ничего в точности не известно» «ни о том, чем была Академия во время жизни Платона, ни о том, когда были написаны те или иные диалоги, как именно велись там беседы, когда в точности прибыл Аристотель в Афины, ни о том, как Аристотель там развивался, когда он начал писать и что именно он писал вначале»... (там же: 102). Но решением этих вопросов как раз и занимается историко-филологическая и историко-философская наука, так что тотальное неведение Д. В. Бугая объясняется только тем, что вся та огромная историко-филологическая и историко-философская научная работа, которая велась и ведется учеными, чтобы подойти к корректному пониманию платоновских текстов, не имеет для него смысла и представляется опасной для придуманного им Платона.

В истории науки в любых областях подобных персонажей всегда хватало. Некогда можно было с пеной у рта доказывать, что гелиоцентрическая система немыслима, а использование модели Коперника с ее круговыми орбитами планет по сравнению с геоцентрической моделью дает худшие результаты; но можно было, приняв гелиоцентрическую систему и опираясь на результаты наблюдений и расчетов, заменить круговые орбиты на эллиптические, что Кеплер и сделал. Можно было настаивать на том, что нам ничего в точности неизвестно о Луне или о спутниках Юпитера; а можно было изобрести телескоп, что и сделал Галилей, который, ведя планомерные наблюдения, получил сведения о том и о другом. Можно было упрекать того же Галилея в том, что он не разглядел кольца Сатурна; а можно было вместе с Гюйгенсом использовать более мощный телескоп и продвинуть решение этого вопроса. Это всегда было и будет задачей европейской науки: строить

вероятностные научные концепции (модели) и стараться изобрести или усовершенствовать необходимые для их проверки инструменты. При проверке научной концепции может появиться нечто такое, что заставит ее перестроить или даже совсем отказаться от нее. Так, физическая концепция эфира, введенная еще Декартом, активно развивалась в XIX в. и принесла немалую пользу, но позднее от нее отказались, сохранив целый ряд полученных на ее основе результатов (например, преобразования Лоренца).

Нечто в таком же духе происходит с доминирующей моделью платоновского творчества. В свое время она была бесполезна, и достигнутый консенсус относительно состава группы поздних диалогов Платона, я думаю, останется как важный результат, приближающий нас к истине. Но тексты Платона и Аристотеля можно рассматривать в рамках других научных моделей и с использованием других инструментов исследования. При этом создание и разработка новых научных подходов не должны быть связаны с некими партийными пристрастиями исследователя.

Поэтому дело совсем не в том, что я будто бы стремлюсь «найти у Платона то, чего он не хотел и к чему вовсе не стремился» (Бугай, 2018: 104). Д. В. Бугай, я думаю, и сам знает, что не Теслефф с Шичалиным, а Платон поставил диалектику во главе иерархии наук в «Государстве» и настойчиво искал правила определения. Но при этом в Академии разработал диалектику не Платон, а Аристотель, так что Платону очевидным образом пришлось с этим считаться и замолчать о своей диалектике, что он и сделал. В отличие от него Д. В. Бугай продолжает назидать: «Диалектика, искусство беседы, стало для Платона высшей формой знания, поскольку в вопросах и ответах, в чем, собственно, беседа и заключается, можно дать ответ и на вопрос, что есть тот или иной предмет, о котором идет речь, то есть определить его, отделив от всех прочих» (там же: 106). Но Платон-то как раз прекрасно понимал, что обоснованного определения он дать не может.

«Ни творения поэтов, плод божественного вдохновения, ни пространственные речи риториков, описывающие лишь, какова вещь, не говорят нам, что она такое. Это могут сделать только краткие вопросы и ответы» (там же). Но если Платон в ряде диалогов не может сказать читателю, «что это такое», то Платонов Сократ не стыдится в этом признаваться; а поскольку при этом дать верифицируемое определение Платону очень хочется, он в связи с этим и придумывает, например, дизерезу...

Может быть, Д. В. Бугай хочет сказать, что персонажи Платона, задавая свои вопросы и давая на них ответы (или не давая их), всегда

вели беседы в одном и том же ключе, и форма этих бесед никак не менялась? Или что эта форма развивалась сама по себе, а Платон этого просто не замечал? Но если бы даже это и было так, то диалоги все же очевидно различны по форме, и ученый не может не задаваться вопросом о том, как эта форма эволюционировала, то есть какие диалоги были написаны сначала, а какие потом...

Впрочем, менее всего я намерен вступать с Д. В. Бугаем в содержательную полемику и давать какие-то разъяснения по поводу всех его «надуманно, произвольно и, следовательно, неубедительно» (Бугай, 2018: 105) и пр. Что можно объяснить «ругателю закоснелому», заявляющему, что он понимает «мысль и рассуждения Платона... из них самих» (там же: 102) и намерен решать «трудности платоновской интерпретации» «путем внимательного отношения к слову и мысли Платона, к драматической форме и философскому содержанию диалогов» (там же). Д. В. Бугай или самонадеян и, скажем, наивен, или просто не понимает природы научного исследования, если полагает, будто до него никто (взять хоть тех же зловердных немцев, бесконечно издававших Платона) не относился к слову и мысли Платона внимательно, и никто до сих пор не рассматривал «драматическую форму» и тем более «философское содержание». Весь вопрос в том и состоит, как это делать. Впрочем, посмотрим, как делает это сам Д. В. Бугай.

Со ссылкой на В. Ф. Асмуса, сказавшего где-то, что «...закон тождества есть одно из необходимых условий возможности правильного вывода» (там же: 116), Д. В. Бугай всерьез говорит о том, что «возможность логического перехода (ἐπιφέρειν) от „идеи“ к „форме“ (то, что свойственно „идее“, свойственно и ее „форме“) является, собственно говоря, онтологическим основанием силлогистического вывода и одним из вполне правдоподобных вариантов объяснения происхождения аристотелевского силлогизма» (там же: 105). Ничего не скажешь: «происхождение аристотелевского силлогизма» из четвертого доказательства бессмертия души в «Федоне» — сильное наблюдение. Несколько удивляет, правда, что этот «правдоподобный вариант» найден с опорой на Валентина Фердинандовича, а не на анализ «мысли и рассуждения» Платона и Аристотеля «из них самих»; но, должно быть, этого потребовало специфическое «философское содержание» пассажа...

У Д. В. Бугая в его «размышлениях» есть еще не менее смелые сопоставления (не столь важно, сам он это придумал или нет). Например, Д. В. Бугай предлагает в качестве образца для восьми положений второй части «Парменида» первые восемь фрагментов Мелисса в издании

Дильса-Кранца: «Не вдаваясь здесь в тонкости экзегезы поэмы Парменида, можно сослаться на прозу Мелисса, где вначале (фрагменты 1–7 по ДК) доказывается, что существует только одно, а в восьмом фрагменте к основному доказательству (σημείον) присоединяется ряд апагогических, исходящих из посылки „если бы было многое, то...“. Приняв и несколько изменив эту общую схему рассуждения, Платон делит каждый из ее членов на две части, и пр.» (Бугай, 2018: 111). Но почему-то и в данном случае наш внимательный наблюдатель (чего стоят одни только греческие слова в скобках!) опирается на «прозу Мелисса» у Дильса-Кранца, а не рассматривает «рассуждения» Платона «из них самих»: внимательно приглядевшись ко второй части «Парменида», он мог бы обнаружить много существенных отличий от мнимого образца.

Упомяну в связи с «Парменидом» и следующий курьез. Чтобы подкрепить высказывавшуюся мысль о второй части как пародии на элеатов (там же: 114), Д. В. Бугай пишет: «...еще в античности видели некое нехорошее отношение Платона к двум элейским философам в его словах: „...поговаривали, будто Зенон был любовником Парменида“» (там же). Д. В. Бугай имеет в виду Афиней, который в XI книге «Пирующих софистов» дал подборку материалов о том, что завистливый и злокозненный Платон в своих диалогах постоянно и сознательно лжет. Допустить такого по отношению к Платону Д. В. Бугай не может, но зачем тогда вообще нужно было ссылаться здесь на Афиней? Очень захотелось провести мысль о двух старых элейских гомосексуалах, которые в силу этого печального обстоятельства не могли создать никакого приличного учения? Если Д. В. Бугай не чувствует нелепости этой интерпретации, что ему вообще можно объяснить?

Нелеп и разбор Phil. 17a3–5 (там же: 107–108). Платонов Сократ говорит в «Филебе» о непродуктивности непосредственного перехода от одного ко многим и о необходимости усматривать между ними некое число; Сократ тут же приводит примеры того, что он понимает под числом: Phil. 17a6–b10 — чтобы перейти от единства звучания как такового ко множеству звучащих слов, нужно указать число букв алфавита, из которых эти слова составлены (ниже — Phil. 18b3 sqq. — Сократ раскрывает этот пример подробнее); Phil. 17b11–d6 — между единством некоего музыкального звучания и множеством мелодий также нужно указать число музыкальных интервалов, и пр. (кстати сказать, это один из немногих интересных ходов мысли при описании перехода от одного ко многим; другой интересный ход — представление о материи-грохоте

в Tim. 53a2 sqq.). Таким образом, мысль Платона в «Филебе» о числе между единым и многим в самом же «Филебе» вполне доходчиво разъяснена. Но Д. В. Бугай ничего об этих разъяснениях в «Филебе» не говорит, а предлагает следующую интерпретацию. Указав, что «...свинья и человек разойдутся по разные стороны линии деления, и смешать их станет невозможным» в силу того, что у них разное количество ног, Д. В. Бугай считает, что он тем самым выбил почву из-под ног эристика, и с важным видом учит:

Количество видов и подвидов между общей идеей животного и идеей человека называется здесь числом, которое может быть разным в зависимости от того, какие идеи мы взяли. Если взять платоновские примеры («Софист» 221b; 223b), то между искусством вообще и искусством рыбака-удильщика находятся восемь промежуточных ступеней, а между искусством вообще и искусством охоты на богатых и красивых юношей — десять, что и есть то число между одним (искусством как таковым) и беспредельным множеством (рыбаков с удочками и софистов), о котором идет речь в «Филебе» (Бугай, 2018: 107).

Комментарии, я думаю, излишни, поскольку ясно, что к концепции числа в «Филебе» эти вполне бессмысленные подсчеты «промежуточных ступеней» из «Софиста» не имеют никакого отношения.

При этом Д. В. Бугай не знает, что Филебом Платон назвал Евдокса, известного математика, участника академических дискуссий; где уж тут понять, что имя «Протарх», вообще говоря, очевидным образом указывает на Аристотеля (этого Mr. First Principle, как его назвал один канадский коллега)?

Хотя, на мой взгляд, уровень критики и собственных построений Д. В. Бугая вполне понятен, приведу еще один пример того, как внимательно Д. В. Бугай читает греческий текст. По поводу начала «Теэтета», где Платон, как известно, указывает на переход от пересказанного диалога к прямому, Д. В. Бугай пишет:

Все это вовсе не основательно и не обязательно. На слова Эвклида, что он в своей записи представил разговор между Сократом, Феодором и Теэтетом без элементов косвенной речи, Терпсион отвечает: «В этом-то нет ничего необычного». Действительно, нет, поскольку Платон всегда писал как прямые, так и пересказанные диалоги в зависимости от темы и изображаемой обстановки беседы (там же: 109).

Как видим, опираясь на слова «В этом-то нет ничего необычного», Д. В. Бугай делает весьма важный вывод о том, что «Платон

всегда писал как прямые, так и пересказанные диалоги». Но приведенный «перевод» вдохновлен не Платоном, а В. Н. Карповым (которого Д. В. Бугай журит за «семинарщину в худшем смысле слова»: Бугай, 2018: 100): «И тут нет ничего необыкновенного» (его же имела в виду и Т. В. Васильева: «Да, так это и делается»), тогда как по-гречески читаем: Καὶ οὐδὲν γὰρ ἀπὸ τρόπου, то есть «Да, это совершенно разумно», «И правильно сделал», «Да, это удобно», «Имеет смысл» и пр.¹, то есть Терпсион, поддерживая новшество Евклида, как раз говорит, что да, имеет смысл опускать все эти «я сказал», «а он ответил» и прочие приметы пересказанного диалога².

Этим я и завершу мои заметки о «размышлениях» Д. В. Бугая. Мне искренне жаль, что наш сердитый рецензент изначально предпочел свой образ Платона истине: такая позиция весьма облегчает борьбу с тем, чего не знаешь или не способен понять, но едва ли может сослужить добрую службу ученому. Едва ли удивительно, что в своем пространным тексте Д. В. Бугай обнаружил также профессиональную неподготовленность к научной полемике. Между тем именно заинтересованное в истине профессиональное обсуждение разных моделей платоновского корпуса имеет сегодня первостепенную важность для развития историко-филологической и историко-философской науки о Платоне.

СОКРАЩЕНИЯ

- Crat. *Plato*. Cratylus. Parmenides. Greater Hippias. Lesser Hippias. Cratylus / trans. from the Ancient Greek by H. N. Fowler. — Harvard : Harvard University Press, 1926. — (Loeb Classical Library ; 167).
- LSJ *A Greek-English Lexicon* / H. G. Liddell, R. Scott, H. S. Jones, [et al.]. — Oxford, New York : Oxford University Press, 1996.
- Phil. *Plato*. Statesman. Philebus. Ion. Philebus / trans. from the Ancient Greek by H. N. Fowler, W. R. M. Lamb. — Harvard : Harvard University Press, 1925. — (Loeb Classical Library ; 164).
- Tim. *Plato*. Timaeus. Critias. Cleitophon. Menexenus. Epistles. Timaeus / trans. from the Ancient Greek by R. G. Bury. — Harvard : Harvard University Press, 1929. — (Loeb Classical Library ; 234).
- Top. *Aristotle*. Posterior Analytics. Topica. Topica / trans. from the Ancient Greek by H. Tredennick, E. S. Forster. — Harvard : Harvard University Press, 1960. — (Loeb Classical Library ; 391).

¹Schleiermacher: «Gar nicht übel», Jowett: «Quite right», Fowler: «That is quite fitting», Cousin: «Cela me paraît fort raisonnable», etc.. Ср. LSJ: ἀπὸ τρόπου — unreasonable, absurd.

²Ср. ту же формулу в Crat. 421d6: Καὶ οὐδὲν γὰρ ἀπὸ τρόπου λέγεις, то есть «Да, это совершенно разумное, правильное, уместное рассуждение».

ЛИТЕРАТУРА

Бугай Д. В. О новом издании платоновского «Парменида». Размышления о книге: Платон. Парменид. Перевод, введение, комментарии, приложение, указатель имен Ю. А. Шичалина. СПб.: РХГА, 2017. 264 с. // Вопросы философии. — 2018. — № 3. — С. 99–117.

Shichalin, Yu. A. 2018. "Zametki o 'razmyshleniyakh' D. V. Bugaya [Notes on D. V. Bugay's 'Reflection']" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (2), 223–234.

YURIY SHICHALIN

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY

NOTES ON D. V. BUGAY'S "REFLECTION"

BUGAY, D. V. 2018. "O NOVOM IZDANII PLATONOVSKOGO 'PARMENIDA'. RAZMYSHLENIYA O KNIGE: PLATON. PARMENID. PEREVOD, VVEDENIYE, KOMMENTARIJ, PRILozHENIYE, UKAZATEL' IMEN YU. A. SHICHALINA. SPb.: RKHGA, 2017. 264 s. [ON THE NEW EDITION OF PLATO'S PARMENIDES. REFLECTION ON THE BOOK 'PLATO. PARMENIDES. TRANSL., ED. AND NOTES BY JU. A. SHICHALIN', SAINT PETERSBURG, RHGA, 2017. 264 P.]" [IN RUSSIAN]. *VOPROSY FILOSOFII [VOPROSY FILOSOFII]*, NO. 3: 99–117

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-2-223-234.

REFERENCES

- Aristotle. 1960. *Topica* [in Ancient Greek and English]. In *Posterior Analytics. Topica*, trans. from the Ancient Greek by H. Tredennick and E. S. Forster. Loeb Classical Library 391. Harvard: Harvard University Press.
- Bugay, D. V. 2018. "O novom izdanii platonovskogo 'Parmenida'. Razmyshleniya o knige: Platon. Parmenid. Perevod, vvedeniye, kommentarii, prilozheniye, ukazatel' imen Yu. A. Shichalina. SPb.: RKHGA, 2017. 264 s. [On the New Edition of Plato's Parmenides. Reflection on the Book 'Plato. Parmenides. Transl., ed. and notes by Ju. A. Shichalin', Saint Petersburg, RHGA, 2017. 264 p.]" [in Russian]. *Voprosy filosofii [Voprosy Filosofii]*, no. 3: 99–117.
- Liddell, H. G., R. Scott, H. S. Jones, et al. 1996. *A Greek-English Lexicon*. Oxford and New York: Oxford University Press.
- Plato. 1925. *Philebus* [in Ancient Greek and English]. In *Statesman. Philebus. Ion*, trans. from the Ancient Greek by H. N. Fowler and W. R. M. Lamb. Loeb Classical Library 164. Harvard: Harvard University Press.
- . 1926. *Cratylus* [in Ancient Greek and English]. In *Cratylus. Parmenides. Greater Hippias. Lesser Hippias*, trans. from the Ancient Greek by H. N. Fowler. Loeb Classical Library 167. Harvard: Harvard University Press.
- . 1929. *Timaeus* [in Ancient Greek and English]. In *Timaeus. Critias. Cleitophon. Menexenus. Epistles*, trans. from the Ancient Greek by R. G. Bury. Loeb Classical Library 234. Harvard: Harvard University Press.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ, КОНГРЕССЫ, СИМПОЗИУМЫ

ACADEMICAL LIFE

ПАВЕЛ ЮШИН*

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИДЕЯ ЗАКОНА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ». ХРОНИКА**

25–26 апреля 2018 г. в Санкт-Петербургском кампусе НИУ ВШЭ прошла международная конференция «Идея закона в интеллектуальной истории», организованная кафедрой сравнительного литературоведения и лингвистики совместно с Лозаннским и Фрибургским университетами (Швейцария).

25 АПРЕЛЯ

Первый день конференции открылся приветственной речью заведующего кафедрой сравнительного литературоведения и лингвистики БОРИСА ГАСПАРОВА (Колумбийский университет — НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Он отметил сюжетное богатство программы и поблагодарил участников за разнообразие подходов к понятию «закон», различные смысловые измерения которого создают концептуальное напряжение, превращающее его в чрезвычайно занимательный предмет обсуждения на современном форуме по истории идей. Затем слово взял один из организаторов конференции, СЕРГЕЙ ЗЕНКИН (РГГУ — НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), рассказав собравшимся об истории проекта, а также выразив сожаление о том, что несколько участников оргкомитета — ИЛОНА СВЕТЛИКОВА (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), которой принадлежит идея конференции, и АЛЕКСАНДР ФИЛИППОВ (НИУ ВШЭ, Москва) — не смогут выступить в качестве докладчиков. Ведущей утреннего заседания стала организаторка со стороны Швейцарии ЕКАТЕРИНА ВЕЛЬМЕЗОВА (Лозаннский университет).

*Юшин Павел Константинович, студент, Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), pkyushin@edu.hse.ru.

**© Юшин, П. К. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Конференция началась с доклада Станислава Савицкого (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) на тему «Монтень о законе произвольности». Докладчик заметил, что автор «Опытов» много пишет о произвольности как методе и механизме письма, сравнивая свой *opus magnum* то с небрежно собранным маркетри, то с разросшейся от многочисленных дополнений версией «Метаморфоз» Овидия, — и читателю, напрасно пытающемуся уследить за его непредсказуемыми дигрессиями, эти теоретические объяснения помогают понять структуру книги и ее замысел в целом. Развивая интерпретацию Себастьяна Пратта, писавшего об онтологическом статусе непостоянства у Монтеня, докладчик обратился к идеям французского философа о лени и праздности, воспроизводящим римские представления об *otium*'е как форме умозрительной и духовной работы в позднеренессансном контексте. Из размышлений Монтеня о тотальности непостоянства, фундирующих пирронизм разного рода психологическими, климатологическими, антропологическими и культурно-историческими наблюдениями, выводится необходимость изоморфности фиксирующего творческий опыт текста непостоянству мира и человека. Эту изоморфность, концептуализируемую как праздность, Монтень полагает организующим принципом своего письма — своеобразным законом произвольности, определяющим меру той свободы, с которой ему удастся переходить от одного рассуждения к другому. Не будь этот закон последовательно реализован, «Опыты» сложно было бы представить написанными, а потому он оказывается особенно интересен в русском контексте, не чуждом ни праздности, ни лени. В отличие от множества знаменитых законов, закон произвольности Монтеня должен работать.

Следующим выступил Тимофей Дмитриев (НИУ ВШЭ, Москва), доклад которого был посвящен истолкованию одного из центральных положений политико-правового учения Томаса Гоббса: «Where there is no common power, there is no law». По мысли докладчика, существо взглядов Гоббса на закон государства проще всего уяснить посредством его противопоставления закону природы, которое позволяет дать дифференцированную характеристику отношений между ними. Так, не только закон государства, утверждая общеобязательные определения понятий, заключенные в законе природы, делает возможным его применение, но и закон природы, будучи вечным законом Бога, восполняет пробелы в нормах позитивного права и служит руководящим указанием при его толковании. Представленный в докладе анализ аргументации

Гоббса приводит к неутешительному выводу, что принципы справедливости, которые он развивает в своем учении о естественном законе, оказываются неспособны ограничить власть суверена. Учиняя что-либо противное закону природы, Левиафан тем самым идет против Бога, но не совершает ничего противозаконного в отношении граждан, поскольку «там, где нет общей власти, нет закона». Парадоксальным образом, что бы ни повелел гоббсовский государственный авторитет, он никому не может причинить зла.

После короткого кофебрейка тему соотношения законов природы и законов человека подхватил следующий докладчик, сотрудник Института философии РАН, профессор Ланкастерского университета РОДЖЕР СМИТ (ROGER SMITH), сообщение которого, прочитанное по-английски, было озаглавлено цитатой из Габриэля Бонно де Мабли: «Let us study the man as he is, in order to teach him what he should be». Докладчик начал с наблюдения о том, что императив Аббата Мабли содержит любопытное противоречие, характерное для мысли представителей так называемого «проекта Просвещения»: утверждая, что законодательной основой человеческого благополучия должно быть опытное исследование законов (человеческой) природы, они полагались на риторику христианской традиции естественного права, тем самым сталкивая понятие закона как абсолютной силы, целиком детерминирующей субъекта, с тем его значением, которое предполагает свободу этической воли последнего. Уточнив это противоречие на материале дискуссий о свободе воли в Великобритании конца XIX века, — особенно внимание было уделено работам Томаса Генри Гексли, в том числе публичной лекции «Эволюция и этика», прочитанной в Оксфорде в 1983 г., — профессор Смит продемонстрировал, что двусмысленность понятия «закон» в значительной степени определяла этические и политические споры эпохи, и призвал продолжить ее обсуждение в более широком интернациональном контексте.

Утреннее заседание завершилось докладом АЛЕКСАНДРА МАРЕЯ (НИУ ВШЭ, Москва) на тему «Закон индивида. Закон ассоциации: Размышления о природе человека и общества в ранней философии Хуана Доносо Кортеса». Докладчик обратился к малоизвестным в отечественной научной среде «Лекциям по политическому праву» (1836–1837), в которых испанский философ изложил ранний вариант своей политической антропологии. Согласно Кортесу, всякий человек обладает от природы двумя неотъемлемыми атрибутами — разумом и свободой.

Человеческая природа оказывается двойственной и изначально включающей в себя глубинное противоречие: как существо разумное человек понимает, что одному ему не выжить, а как существо свободное признает только свое право на природу и свои обязанности перед Богом. Эта двойственность отражается в двух фундаментальных законах человеческого бытия — «законе индивида/свободы» и «законе общества/ассоциации». Размышляя о различных модальностях взаимодействия между ними, философ выстраивает органичную теорию действия и реакции, на которой в свою очередь строятся его политические представления — и ее анализ, по мнению докладчика, позволяет отойти от расхожего взгляда на Кортеса как на идеолога-реакционера.

Вечернее заседание, модератором которого выступил СЕРГЕЙ ЗЕНКИН, открыл своим докладом «Об истории формулировки законов о живом» профессор Тартуского университета КАЛЕВИ КУЛЬ (KALEVI KULL). Доклад начался с любопытного определения семиотики — полагающегося на введенное Чарльзом Пирсом понятие абдукции — как «логики нелогичного», предметом которой является все то, что не поддается строгой алгоритмизации. Таким образом, с точки зрения биосемиотики, рассматривающей жизненные процессы как процессы знаковые, алеаторные «законы жизни» могут быть поняты как продукты парадоксального и неалгоритмизуемого семиозиса. Опираясь на анализ около 300 различных законов, сформулированных в биологии в XIX–XX вв., докладчик поставил и обсудил ряд вопросов, связанных с исторической динамикой формулировки законов о жизни, различиями между разными научными культурами и ролью собственно семиотических законов среди законов биологических.

Доклад БОРИСА МАСЛОВА (Чикагский университет — НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) под названием «Природа (вне) закона» был посвящен опыту осмысления древнегреческой оппозиции — или соположения — понятий закона (*nomos*) и природы (*physis*) в немецкой гуманитарной науке XIX–XX вв. Докладчик напомнил, что в интеллектуальном контексте Древней Греции V–IV вв. до н. э. *закон* (обычай, установление) отождествлялся с культурной (историко-этнографической) спецификой человеческих сообществ и противопоставлялся *естеству* (бытию, становлению) как общему принципу роста и становления всего сущего. С этой точки зрения, «законы природы» как предмет изучения естествознания Нового времени оказываются своего рода *contradictio in adjecto* — однако именно в них рационалистическое мировоззрение обнаружило универсальную законность, так что антитеза потеряла свое

прежнее значение. В этих исторических условиях антиковедение смогло обнаружить раннюю, доантитетическую эпоху в истории понятий *nomos* и *physis* — и немецкая политическая философия («Der Nomos der Erde» К. Шмитта, «Vom Wesen und Begriff der Φύσις» М. Хайдеггера), опираясь на работы филологов-классиков («Vom Mythos zum Logos» В. Нестле, «Nomos und Physis» Ф. Хайниманна), выдвинула оригинальные трактовки идеи закона и идеи природы, используя их в новых понятийных функциях. В заключение докладчик отметил, что отказ современных гуманитарных дисциплин от поиска универсальных закономерностей при изучении культуры, истории и искусства свидетельствует о недостаточной эвристической мощности естественнонаучной эпистемы, а вместе с тем о необходимости продолжения критической рефлексии, начатой в период экспансии общественных наук в традиционную сферу *studia humanitatis*.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛЬМЕЗОВА (Лозаннский университет) выступила с докладом «Законы семантики в марристском „Новом учении о языке“: вызов лингвистике начала прошлого века?». В рамках своей яфетической теории Николай Марр сформулировал шесть семантических законов, тем самым желая бросить вызов лингвистике (прежде всего, «буржуазной») начала прошлого века: если в «западной» науке о языке существовали законы фонетики, синтаксиса и т. д., то семантические законы, по мнению Марра, «буржуазные» лингвисты предпочитали не исследовать. Претендуя на создание особого направления в лингвистике, создатель «нового учения о языке» бросал вызов не только прошлому (лингвистике девятнадцатого века), но и современному ему научному знанию. Докладчица показала, в чем состояло двойное заблуждение Марра: семантические законы уже исследовались в науках о языке позапрошлого столетия; в рамках же более современных для него исследований семантика и ее законы также привлекали к себе внимание: соответствующие исследования во многом предшествовали организации семиотического знания как особой академической дисциплины (по крайней мере, в ее специфическом «русском варианте»). Новизна же подхода Марра к поставленной им проблеме — самой возможности формулировки закона в семантике — состояла именно в попытке (скорее всего, самим Марром не вполне осознаваемой) изменить содержательную составляющую понятия закона в лингвистике, по крайней мере в сравнении с теми учеными, кого он относил к представителям «буржуазного языкознания».

Заседание завершилось сообщением АНДРЕЯ ДОБРИЦЫНА (Лозаннский университет) «О законах в теории стиха». Докладчик коснулся некоторых теоретических и эмпирических законов в филологических дисциплинах и в исторической лингвистике, а также рассмотрел примеры того, как осмыслялось понятие закона в прошлом веке. Прежде всего, речь шла о стремлении Андрея Белого раскрыть механизм стиха (результатом которого стал знаменитый «закон несовпадения метра и ритма») и его аритмологических истоках, а кроме того — об исследованиях Б. И. Ярхо, устанавливающих закономерности в исторической поэтике. В этой связи докладчик поднял вопрос о моделировании, строящемся по аналогии с моделями в естественных науках, в противоположность моделированию, исходящему из филологического или языкового материала, и рассмотрел примеры закономерностей в историческом развитии стихотворного ритма.

В заключение первого дня состоялась оживленная общая дискуссия, естественным образом продолжившаяся на фуршете.

26 АПРЕЛЯ

Ведущей утреннего заседания второго дня конференции — 26 апреля — выступила ИЛОНА СВЕТЛИКОВА, а первым докладчиком стал ВИКТОР КАПЛУН (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург — Европейский университет в Санкт-Петербурге) с сообщением «Законы, правила, институты: что Л. Витгенштейн, Г. Райл и М. Мосс могли бы сказать Дугласу Норту». По мысли докладчика, вопрос о том, какова природа связи между законами и правилами с одной стороны и реальными действиями людей — с другой, решается социальной теорией с помощью концепции социального института. В докладе был предложен критический анализ понятия института и связанных с ним концептов, на которые опирается современная неинституциональная экономическая теория — прежде всего, та ее ветвь, которая связана с именем Дугласа Норта. Поскольку понятийный аппарат классической экономической теории в принципе не дает возможности ставить проблему институтов, неинституциональная экономическая теория — как своего рода социальная метанаука, способная объяснять, предсказывать и проектировать изменения обществ во времени — действительно представляет собой шаг вперед в понимании логики функционирования обществ и социальных трансформаций. В то же время понятие института содержит серьезные методологические слабости, которые могут отражаться на уровне не только теории, но и практических исследований. Обращение к оксфордско-кембриджской

традиции философии языка XX в. (Л. Витгенштейн, Г. Райл) и прагматической социальной теории (М. Мосс) предоставляет нам, по мнению докладчика, концептуальные инструменты для критического анализа этих методологических слабостей и для развития альтернативного понимания институтов.

В центре доклада АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВА (НИУ ВШЭ, Москва) «Между закономерным крушением капитализма и железным законом олигархии: „научный социализм“ и общественные науки конца XIX — первой трети XX в.» оказались споры о марксизме в социальных науках описываемого периода, проходившие вне прямой связи с полномасштабным социалистическим проектом в России. Исходным пунктом стала дискуссия, в которую были вовлечены Макс Вебер, Г. Плеханов, П. Струве и С. Булгаков, вокруг книги Рудольфа Штаммлера «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» (1896), где марксисты именовались партией «Лунного затмения». Эхом этой дискуссии стала попытка реконцептуализации «закона общего краха» капитализма у Генрика Гроссмана (1929), представителя старшего поколения Франкфуртской школы. Следующий круг споров — полемика Павла Новгородцева с работами Роберто Михельса и синдикализмом, связанная с иерархическими тенденциями внутри социал-демократии накануне Первой мировой войны. Наконец, докладчик обратился к вопросам о возможности «преломления» закона и о рассмотрении этих дилемм мысли и действия у «академиков» социально-либерального лагеря (С. Гессен, К. Манхейм, Р. Тоуни) на рубеже 1930-х гг. в связи с идеями Кроче, Струве и Вебера.

Профессор Фрибургского университета и организатор конференции с швейцарской стороны ЙЕНС ХЕРЛЬТ (JENS HERLTH) выступил с сообщением на тему «Закон в размышлениях польских социологов о литературе и искусстве на рубеже XX в.» Польские социологи (или, скорее, прото-социологи) конца XIX в., занятые проблемой генезиса, становления и развития форм социальной организации, работали в тесном общении с писателями и журналистами оппозиционной среды в Варшаве и в других регионах разделенной Польши. Все они так или иначе задавались вопросом о роли литературы и художественной деятельности в истории человеческих обществ, часто обращаясь к фигуре «закона» с целью включения художественной деятельности в общие процессы социального развития. При этом применение законов, обнаруженных в исследованиях раннеисторических форм социальной организации, оборачивалось не методологическим подчинением эстетического социальным факторам или

процессам, а отстаиванием значимости и самоценности художественного творчества — и отнюдь не в смысле модернистской автономии искусства. Так, Людвик Крживицкий разрабатывал свою концепцию распространения идей, а Казимеж Келлес-Крауз постулировал существование «закона социальной ретроспекции». Таким образом, докладчик продемонстрировал, как польская социологическая мысль конкурировала с идеологическим подходом к литературе с одной стороны, а с другой — с первыми попытками чисто имманентного подхода к вопросам литературы и эстетики.

После обеда, заняв место модератора, ЙЕНС ХЕРЛЬТ открыл заключительное вечернее заседание. ГЕОРГИЙ ОРЕХАНОВ (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет) в своем докладе «Закон веры и закон жизни: Л. Толстой vs Ф. Достоевский» развил тему «невстречи» двух классиков на путях и перепутьях религиозной мысли. Докладчик предпринял попытку проанализировать принципиальные различия в их подходах к идее «религиозного закона», которые были обусловлены рядом значимых в их жизни и творчестве факторов — воспитанием, кругом чтения, художественным методом, религиозной картиной мира и т. д. — а кроме того, указал на перспективы работы с корпусом толстовских дневников, до сей поры остающихся, по его мнению, без должного исследовательского внимания.

Следующим выступил АНАТОЛИЙ КОРЧИНСКИЙ (РГГУ), продолживший обсуждение литературной социологии в докладе под названием «Социологическая поэтика и закономерность незакономерного» — о том, как категория закона применительно к литературе осмыслялась в так называемом круге Бахтина в конце 1920-х гг. По мысли докладчика, современная наука о литературе переживает своего рода новый поворот к социальному, особенность которого заключается в том, что интерес представляют не только внешние условия литературного производства и потребления, разнообразные обстоятельства литературного быта или проблемы функционирования литературных институций, но и имманентная самой литературе социальная оптика, к которой призывал обратиться еще Павел Медведев. В многочисленных, преимущественно немецкоязычных, исследованиях последних лет (работы М. Тицманна, О. Крамера, Х. Ноймайера и др.) предлагаются различные виды того, что можно назвать социальной эпистемологией литературы, опирающейся на различные трактовки социального знания — от Фуко до Лумана и от Лукмана до Латура, — однако эти социально-эпистемологические

модели мало что дают, если взаимоотношения литературы и социального знания не прояснены со стороны самой литературы и литературоведения. В этом отношении продуктивным оказывается обращение к социологической поэтике «круга Бахтина», позволяющее вернуться к фундаментальным вопросам о том, что такое литература, каковы законы ее развития и как они соотносятся с законами общественно-историческими. В свою очередь, само понятие «закон» — а вместе с тем и интуиция «закономерности незакономерного», восходящая к русскому роману 1860-х, — оказывается одним из ключей к пониманию всей сложности дебатов о литературе и социуме, которые имели место в 1920-е гг.

Конференция завершилась сообщением СЕРГЕЯ ЗЕНКИНА (РГГУ — НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) про «Законы трансгрессии», в котором проблема узаконенных незакономерностей была рассмотрена на более обширном материале. Эпоха модерна, обосновавшая создание общественных и гуманитарных наук, столкнулась с непостоянством законов этих наук, которые исторически меняются, допускают возмущающие воздействия индивидов и, следовательно, включают в себя закономерные исключения и нарушения — то, что в социальной теории называют трансгрессией. Рассмотрев различные виды таких нарушений, связанных с законами разных дисциплин, как то: логические исключения (на примере одного из фрагментов флюберовских «Бувара и Пекюше»), психологическое остранение (на примере теорий русских формалистов), ритуальную трансгрессию в антропологии (на примере теорий Жоржа Батая и Роже Кайуа), — докладчик заметил, что все они включают в себя не только действие нарушения того или иного правила, но и сознание, резкое переживание этого нарушения во времени. Это наблюдение, а также связь приведенных примеров с литературой и искусством, приводит к неожиданному выводу о нарративной структуре опыта трансгрессии, что позволяет объяснить аффективные возможности художественного творчества. Именно в сообщении опыта трансгрессии — иными словами, опыта экзистенции, буквально «выступления из» — нередко имеющего телесно-физиологический характер и не поддающегося концептуализации в терминах идейного содержания, морали, типологии характеров и т. д., может заключаться, по предположению докладчика, одна из глубинных и наиболее важных функций художественного мимесиса.

Подводя итоги конференции, хочется отметить необычайную продуктивность поставленной проблемы, за формулировку которой следует

поблагодарить организаторов. При этом обширное поле дискуссий, открывающееся с ее помощью, оказалось отнюдь не неохватным, как могло показаться на первый взгляд, но приглашающим к вдумчивому исследованию и картографированию, за представленные результаты которых следует поблагодарить докладчиков. Помимо первой части заглавия стоит отметить также и вторую, включившую в себя интеллектуальную историю как своего рода метадисциплину, обращение к которой обещает еще не одну блестящую междисциплинарную конференцию. Материалы этой скоро будут опубликованы.

Yushin, P. K. 2018. "Mezhdunarodnaya konferentsiya 'Ideya zakona v intellektual'noy istorii'. Khronika [International Conference 'The Idea of Law in the Intellectual History': Conference Chronicles]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] II (2), 237–246.

PAVEL YUSHIN

BA STUDENT AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS,
SAINT-PETERSBURG

INTERNATIONAL CONFERENCE
"THE IDEA OF LAW IN THE INTELLECTUAL HISTORY":
CONFERENCE CHRONICLES

